

ISSN 2712-8407

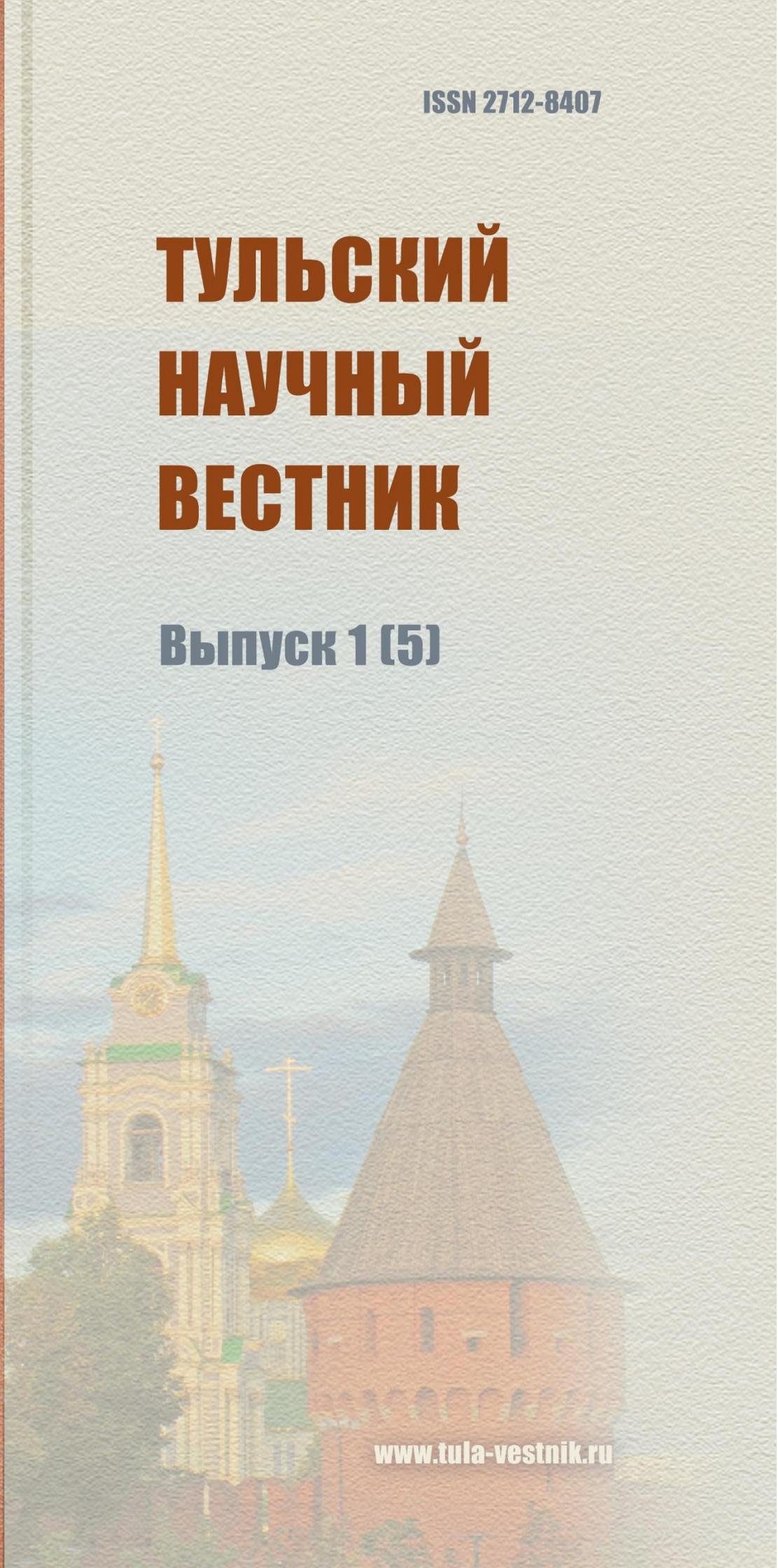
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 1 (5)

2021

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 1 (5)

**Тула
2021**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 1 (5)

Дата выхода в свет: 31.03.2021 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор
Е. П. Мартынова

**Заместитель
главного редактора** –
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

**Учредитель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
СМИ зарегистрировано в
Роскомнадзоре 13.11.2020 г.
Свидетельство о регистраци
СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2021
© Авторы статей, 2021

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 31-20-34
Электронный адрес:
history@tsput.ru

**Издатель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
Адрес издателя:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 35-14-88
Электронный адрес:
info@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Лобачева И. Н. Хозяева и управляющие: анализ
социального и гендерного состава предпринимателей
Тульской губернии в конце 60-х гг. XIX в. **6**

Евсеева Т. И. «Детское население до 3-х лет почти все
вымерло...»: охрана детства в период голода
1921 – 1922 гг. (отозвана/retracted 11.05.2021 г.) **24**

Богдашина И. В. Материнство и детство в сложных
материально-бытовых условиях нестоличного
региона 1950 – 1960-х годов (на примере Волгограда) **34**

Яни Жоэлле Роланд. Тула и туляки в начале XXI в.
в восприятии африканских студентов и аспирантов **46**

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Родович Ю. В. Сотрудничество ФРГ и США в НАТО:
история, проблемы, перспективы **55**

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Т. БОНДАРЕНКО

Бондаренко В. Т. О смехе в русской фразеологии **69**

Хуснутдинов А. А. Заметки к истории
фразеологической науки. В. В. Виноградов –
В. Л. Архангельский – В. Т. Бондаренко **76**

Жуков А. В. Фразеологическая синонимия
и ценность языкового знака **91**

Бахвалова Т. В., Попова А. Р. Текст современного
писателя как источник сведений о диалектной
фразеологии **98**

Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Инокультурные
топонимы, этнонимы и их дериваты в русской лексике
и фразеологии: символы, эталоны, стереотипы,
лингвокультурные коды **115**

ХРОНИКА

Красовская Н. А. Вечер памяти В. Т. Бондаренко в Туле
(к 80-летию со дня рождения фразеолога) **125**

Биленко Н. А. II Всероссийская научная конференция
молодых учёных «Тульская историческая весна – 2021» **127**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020.

Published 4 times a year

Issue 1 (5)

Released on March 31, 2021

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History
N. A. Bilenko

Founder:

**Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.**
Mass media are registered in
**Federal Service for Supervision
of Communications, Information
Technology and Mass Media
on November 13, 2020.**
Registration certificate
EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University, 2021
© Authors of articles, 2021

**Address of the founder
and the editorial office:**

**300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34
E-mail address:
history@tsput.ru**

**Publisher: Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.**

**Address of the publisher:
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tsput.ru**

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL HISTORY AND ANTHROPOLOGY

Lobacheva I. N. Owners and stewards: analysis of social and gender composition of the entrepreneurs of the Tula province of the late 60s of the 19th century **6**

Evseeva T. I. «The child population under 3 years of age is almost all extinct...»: child protection during the famine of 1921 – 1922 (отозвана/retracted 11.05.2021 г.) **24**

Bogdashina I. V. Motherhood and childhood in difficult material and living conditions of the non-capital region of the 1950 – 1960s (on the example of Volgograd) **34**

Yapi Joelle Roland. Tula and tula's dwellers in the early 21st century in perception of the african undergraduate and postgraduate students **46**

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Rodovich Yu. V. Cooperation of Germany and the United States in NATO: history, challenges, prospects **55**

**TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF
V. T. BONDARENKO**

Bondarenko V. T. Laughter in Russian phraseology **69**

Khusnutdinov A. A. Notes to the history of phraseological science. V. V. Vinogradov – V. L. Arkhangelsky – V. T. Bondarenko **76**

Zhukov A. V. Phraseological synonymy and the value of a language sign **91**

Bakhvalova T. V., Popova A. R. The text of a modern writer as a source of information about dialect phraseology **98**

Abramova V. I., Arkhangelskaya Ju. V. Foreign culture toponyms, ethnonyms and their derivatives in the Russian vocabulary and phraseology: symbols, standards, stereotypes, linguocultural codes **115**

CHRONICLE

Krasovskaya N. A. Evening in memory of V. I. Bondarenko in Tula (to the 80th anniversary of the phraseologist's birth) **125**

Bilenko N. A. II All-Russian Scientific Conference of Young Scientists «Tula Historical Spring – 2021» **127**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ
ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБУН «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Томилиן Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);
Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);
Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology,
Professor (Plovdiv University Paisii Hilendarski,
Plovdiv, Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor
of Pedagogical, Associate Professor (University
of Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University,
Sichuan, China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 93/94(470.312)(075.4)

ББК 63.3(2)522-2

DOI 10.22405/27128407_2021_1_6

UDC 93/94(470.312)(075.4)

LBC 63.3(2)522-2

ХОЗЯЕВА И УПРАВЛЯЮЩИЕ: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО И ГЕНДЕРНОГО СОСТАВА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ 60-Х ГГ. XIX В.

И. Н. Лобачева

МБОУ «Центр образования – гимназия № 30»

(г. Тула, Россия)

Аннотация. В статье на основе материалов фискальной документации (Журналов генеральной поверки торговли по уездам) выполнен анализ сословного и гендерного состава предпринимателей в Белевском, Веневском, Каширском и Крапивенском уездах Тульской губернии в 1868 – 1870 гг. Установлено, что в городах среди предпринимателей преобладали мещане, а в сельской местности – крестьяне. От степени развития торговли в городе или уезде во многом зависело присутствие среди предпринимателей города или сельской местности таких нетипичных бизнесменов как чиновники, военные и отставные солдаты. На появление среди бизнесменов солдат и офицеров напрямую влияло размещение на постой крупных воинских формирований в определенной местности.

Анализ гендерного состава предпринимателей позволил установить, что доля женщин-предпринимательниц в сельской местности превышала таковую в городе. Выдвинута гипотеза обусловленности этой тенденции меньшим разнообразием стратегий выживания для вдов в сельской местности по сравнению с городом. Отмечено малое представительство крестьянок среди предпринимательниц по сравнению с мещанками и купчихами.

Автором выявлено, что только купечество в городах привлекало дополнительный управляющий персонал в среднем из расчета более чем один человек на одно заведение. Констатируется, что представители большинства социальных групп предпочитали в качестве приказчиков использовать своих близких родственников, поскольку это позволяло не платить жалованье. Исключением были предприниматели из числа военных, помещиков и чиновников, которые предпочитали прибегать к услугам профессиональных управленцев. Выявлена тенденция использования купечеством сыновей и братьев в качестве приказчиков. Автор видит в этой закономерности как отражение высокой степени финансового благополучия купечества, так и сохранение в его среде традиций обучения сыновей семейному делу.

Ключевые слова: управление бизнесом, город, сельская местность, женщины-предпринимательницы, пореформенный период.

OWNERS AND STEWARDS: ANALYSIS OF SOCIAL AND GENDER COMPOSITION OF THE ENTREPRENEURS OF THE TULA PROVINCE OF THE LATE 60s OF THE 19th CENTURY

I. N. Lobacheva

Center of Education – Gymnasium No. 30

(Tula, Russia)

Abstract. The article analyzes the class and gender composition of entrepreneurs in the Belevsky, Venevsky, Kashirsky and Krapivensky districts of the Tula Province (Central European Region of Russia) in 1868 – 1870 on the basis of the materials of fiscal documentation. It was found that lower middle

class people predominated among the entrepreneurs in towns, and peasants – in rural areas. The presence of such uncommon businesspersons as officials, military and retired soldiers among the entrepreneurs of the city or rural areas largely depended on the degree of development of trade in a town or district. The deployment of large military formations in a certain area directly influenced the appearance of soldiers and officers among businesspersons.

The analysis of the gender composition of entrepreneurs allowed us to establish that the share of women entrepreneurs in rural areas exceeded that in the city. We put forward the hypothesis that this tendency is due to a smaller variety of survival strategies for widows in rural areas compared to the city. There is a small representation of peasant women among businesswomen in comparison with lower middle class women and merchantesses.

The article also analyzes the practice of engaging additional managers – clerks to participate in business. It was found that only merchants in towns engaged additional management staff at an average of more than one person per facility. The author notes that representatives of most social groups preferred to use their close relatives as clerks, since this saved them from paying their salaries. The exceptions were entrepreneurs from among the military, landowners and officials, who preferred to resort to the services of professional managers. The tendency became visible among the merchants to use sons and brothers as clerks rather than wives. The author sees this pattern as a reflection of the high degree of financial well-being of the merchant class, and the preservation of the traditions of teaching the sons of the family business.

Keywords: business management, city, countryside, women entrepreneurs, post-reform period.

Введение

История развития предпринимательства в России – тема, вот уже более двадцати лет не теряющая своей актуальности в виду того непростого пути к рыночной экономике, который уже прошла и продолжает проходить наша страна. За это время появилось достаточно большое количество обобщающих трудов по теме, созданных, главным образом, по материалам столичных архивов. Достаточно скоро в сфере внимания ученых оказались гендерные и сословные аспекты предпринимательства, активно ведутся исследования региональных особенностей эволюции бизнеса в России. При этом наибольший интерес у специалистов вызывает пореформенный период развития экономики России, как время интенсивных преобразований, направленных на либерализацию государственного регулирования хозяйственной жизни Российской империи, сопровождавшихся масштабными изменениями и в других сферах общества. Однако до настоящего момента сравнительно немногочисленными остаются исследования, посвященные практикам организации предпринимателями своего дела на региональном уровне, а именно обеспечению своего дела управляющим персоналам [2; 7; 20]. Многие работы в этом направлении имеют характер просопографического анализа, без привлечения статистических показателей [3; 14; 17].

Источниковой базой настоящего исследования послужили материалы «Журналов генеральной поверки торговли и промышленных заведений» за период 1868 – 1871 гг. по четырем уездам Тульской губернии: Веневскому, Каширскому [9], Крапивенскому [10] и Белевскому [11]. Журналы составлялись ежегодно чиновниками Казенных палат при участии выборных сословных представителей из числа местного купечества [5]. Материалы проверок включают в себя перечисление торговых и промышленных заведений с указанием их места расположения (вплоть до улицы для города и села для уездов), номенклатуру продаваемых или производимых товаров, в ряде случаев – указание на успешность дела («весьма бедная», «ничтожная», «хорошая», «порядочная» и т.п.) и даже характер торговли («...торгует из одного только амбара скупаемым зерновым хлебом, который продает на месте и отправляет в Москву в вагонах») [10, л. 91]. Так, в результате анализа Журналов поверок было установлено, что в 1868 – 1870 гг. крупный бизнес в рассматриваемых уездах был сосредоточен в таких сферах, как производство и оборот алкоголя (несколько

пивоваренных заведений, водочные заводы), скупка и перепродажа крупными партиями пеньки и конопля (иногда после их переработки на пенькотрепальнях и маслостружках), а также хлеба. Исключением была Кашира, где не зафиксировано подобных заведений, зато в ее уезде действовало несколько миткальных и суконная фабрики. В городах также существовали кожевенные и кирпичные заводы, синильные заведения, кузни. Вся их продукция была ориентирована преимущественно на местных жителей. Основная же масса предпринимателей в городах содержала небольшие ремесленные заведения, питейные дома или вела мелочную торговлю (в Белеве существовал целый ряд табачных палаток). В сельской местности преимущественной формой мелкого предпринимательства было содержание питейных домов и постоянных дворов, иногда с мелочными лавками при них. Однако в рамках настоящего исследования более значимым стало то, что в Журналах поверки содержатся сведения о хозяине каждого торгово-промышленного заведения, его сословном статусе, а также пофамильно и с указанием сословного статуса называются вовлеченные в управление доверенные лица – наемные приказчики или члены семьи предпринимателя.

Статистическая обработка этих сведений позволила нам проанализировать сословную и гендерную специфику предпринимательства как в уездных городах, так и в сельской местности, а также выявить характерные черты привлечения хозяевами бизнеса дополнительного управляющего персонала. Таким образом, в основе приведенного исследования лежит локально-исторический подход, позволивший как достаточно обстоятельно изучить вышеназванные характеристики провинциального предпринимательства, так и выделить отдельные специфические черты организации торгово-промышленного бизнеса в уездах Тульской губернии.

Предприниматели

Сословный и гендерный аспекты организации торговли в Тульской губернии ранее уже становились предметом научного анализа. Н. А. Биленко в своей диссертации исследовал материалы Журналов генеральной поверки торговли по Тульской губернии за 1888 г. [4, с. 191–194]. Обращение к более раннему периоду, произведенное в рамках настоящего исследования, в перспективе позволит уточнить в отношении избранных четырех уездов выявленные тенденции.

В городах (см. Таблицу 1) закономерным образом основную долю предпринимателей составляло мещанство, в сельской местности (см. Таблицу 2) – крестьянство.

Каширский уезд оказался наиболее «крестьянским» по составу своих предпринимателей – крестьяне в нем составляли более 60% торговцев. Для сравнения – в остальных изучаемых уездах доля крестьян-предпринимателей колеблется от 37% до 44%. Активная вовлеченность местного крестьянства в торгово-промышленную деятельность была обусловлена как крайней бедностью местных почв, так и пограничным расположением с Московской губернией, центром крестьянского отходничества. Как и в остальных рассматриваемых уездах, основным видом стационарной крестьянской торговли здесь выступало содержание постоянных дворов, питейных домов и мелочных лавок при них. Отходники, двигавшиеся в город на заработки и возвращавшиеся в свои села, вероятно, становились частыми клиентами такого рода заведений. Распространенность этого вида бизнеса среди крестьян-предпринимателей исследователи фиксируют и для Центрально-Черноземного региона России [12, с. 688].

При этом доля крестьян-предпринимателей в городах была сравнительно небольшой: от 8,4% (Крапивна) до 19,1% (Белев). Такой разброс обусловлен разной степенью привлекательности этих городов для ведения бизнеса. Так, Крапивна представляла меньший интерес для предпринимателей нежели ее уезд, где поднимались торговые села: Ясенки, Сергиево и Пеньково (в дальнейшем Сергиево и Пеньково выросли в города, соответственно, Щекино и Плавск). Напротив, Белев, имея

доступ к судоходной в середине XIX века Оке, был одним из крупнейших центров торговли в губернии.

Таблица 1

**Сословная принадлежность предпринимателей
гг. Белева, Венева, Каширы и Крапивны в 1868 – 1871 гг.**

Сословные группы	Показатели	Белев	Венев	Кашира	Крапивна	Всего
Купцы	чел.	87	21	34	34	176
	%	23,7	26,3	28,6	35,8	26,6
Мещане	чел.	175	41	57	50	323
	%	47,7	51,3	47,9	52,6	48,9
Крестьяне	чел.	70	9	19	8	106
	%	19,1	11,3	16,0	8,4	16,0
Солдаты	чел.	21	0	5	0	26
	%	5,7	0,0	4,2	0,0	3,9
Военные	чел.	8	6	2	0	16
	%	2,2	7,5	1,7	0,0	2,4
Прочие	чел.	6	3	2	3	14
	%	1,6	3,8	1,7	3,2	2,1

Таблица 2

**Сословная принадлежность предпринимателей Блевского,
Веневского, Каширского и Крапивенского уездов
Тулской губернии в 1868 – 1871 гг.**

Сословные группы	Показатели	Белевский уезд	Веневский уезд	Каширский уезд	Крапивенский уезд	Всего
Купцы	чел.	14	32	7	54	107
	%	12,6	20,8	7,9	26,2	19,1
Мещане	чел.	34	36	15	53	138
	%	30,6	23,4	16,9	25,7	24,6
Крестьяне	чел.	49	60	55	76	240
	%	44,1	39,0	61,8	36,9	42,9
Солдаты	чел.	5	10	2	10	27
	%	4,5	6,5	2,2	4,9	4,8
Военные	чел.	6	10	3	5	24
	%	5,4	6,5	3,4	2,4	4,3
Прочие	чел.	3	6	7	8	24
	%	2,7	3,9	7,9	3,9	4,3

Мещане, основная масса населения городов, закономерно составляют примерно одинаковый процент среди предпринимателей во всех анализируемых центрах (47% – 52%). Показательно, что наименьшая их доля зафиксирована по Белеву, а

наибольшая – по Крапивне, выступая, таким образом, зеркальным отражением долей крестьян-торговцев в этих городах. Уже больший разброс долей мещан видим в уездах (от 17% до 31%). Наибольшей была доля мещан-предпринимателей в Белевском уезде, а наименьшей – в Каширском. В последнем, как было показано выше, серьезную конкуренцию мещанам составляло сравнительно активное крестьянское предпринимательство.

В городах достаточно стабильны и доли купцов, преимущественно представителей крупного бизнеса. Как и мещане, купцы составляют наибольшую долю в Крапивне – более трети владельцев торгово-промышленных заведений (35,8%). Вероятно, это обусловлено меньшим количеством предпринимателей из других социальных групп, – прежде всего, крестьян. Также, аналогичным с мещанами образом, наименьшая доля купцов зафиксирована по Белеву (менее четверти всех предпринимателей – 23,7%). В уездах разброс долей купцов еще больший: от 8% до 26%. Самым маленьким процент купцов был в Кашире. Помимо фактора значительной доли крестьянского предпринимательства выше мы отмечали, что в Каширском уезде в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. практически не было крупных промышленных предприятий, владение которыми требовало получения купеческих свидетельств.

Солдаты, при общем достаточно скромном представительстве в рассматриваемых регионах, составляли сравнительно большую долю среди предпринимателей в Веневском (6,5%) и Крапивенском (4,9%) уездах. Объяснением может служить как развитость в этих уездах именно сельского предпринимательства (в городе Веневе, как и в городе Крапивне солдат-предпринимателей не зафиксировано), так и то, что 1864 – 1870 гг. в Веневском уезде располагался штаб Московского пехотного полка (за исключением 1865 г., когда на летние квартиры полк переместился в с. Ясенки Крапивенского уезда) [8]. Закономерным образом в Веневском уезде фиксируем и наибольшую долю (6,5%) предпринимателей из числа «военных» (к ней были отнесены военнослужащие, имеющие звания от унтер-офицера и прапорщика до майора).

Однако офицеры, в отличие от солдат, имели бизнес и в самом городе Веневе, причем эта доля для данной социальной группы была наибольшей во всех рассматриваемых городах (7,5%). Следом за Веневом наибольшая доля «военных» была отмечена в Белеве (2,2%). В Белеве же фиксируем и наибольшую долю солдат-предпринимателей (5,7%). Это подтверждает выводы о «городском» по преимущественной концентрации бизнеса характере предпринимательства в Белевском уезде. Здесь город, центр процветающей торговли, притягивал выходцев из разных социальных групп. Напротив, в условно «сельской» по преимущественному распределению бизнеса Крапивне солдаты и военные не торговали вообще.

В рамках настоящего исследования была выделена достаточно разнородная по своему составу группа предпринимателей под условным наименованием «прочие». В нее были включены немногочисленные во всех исследуемых уездах предприниматели из числа чиновников, помещиков, цеховых и иностранцев. Их доля была крайне мала (от 1,1% до 2,5%) во всех городах, включая Белев, где составлявшее в абсолютных числах наибольшее число предпринимателей этой группы (6 человек) просто «растворилось» среди прочих торговцев и промысловиков города. Несколько большим было представительство категории «прочие» в сельской местности (от 2,7% до 7,9%). Определенную роль в этом играло присутствие в составе этой группы такой специфичной для сельской местности сословной категории предпринимателей как помещики. Наибольшая доля «прочих» в Каширском уезде объясняется, опять же, как сравнительно небольшим общим количеством предпринимателей в этом уезде, так и «сельским» характером концентрации бизнеса в данной местности.

Обратимся к гендерному составу предпринимателей (см. Таблицу 3). Как неоднократно отмечалось исследователями вопроса [13, с. 150; 15, с. 46; 19, с. 39–40], занятие предпринимательством для женщины в XIX веке чаще всего было вынужденным. Потеряв мужа-кормильца и имея малолетних детей, которые пока не могли взять на

себя содержание матери, вдова искала способы обеспечить себя и свою семью. За исключением Каширы доля женщин-хозяек дела в уездах губернии на 2 – 4% превышала таковую в соответствующем городе губернии. Возможно, здесь играло свою роль то обстоятельство, что городская среда предоставляла вдове больше альтернативных стратегий выживания (повторный брак, обращение за помощью к благотворительным и социальным организациям, наем в прислуги). Наибольшей сравнительно с остальными исследуемыми уездами доля женщин среди предпринимателей была в Белеве (16,4%), Белевском и Крапивенском уездах (18% и 16,5% соответственно). Успех бизнеса, наиболее вероятный в процветающих центрах губернии, способствовал тому, что вдовы здесь охотнее продолжали дело умершего мужа или начинали собственное.

Таблица 3

Гендерный состав предпринимателей в гг. Тульской губернии Белеве, Веневе, Кашире, Крапивне и их уездах в 1868 – 1871 гг.

Во главе капитала	Показатели	Белев	Белевский уезд	Венев	Веневский уезд	Кашира	Каширский уезд	Крапивна	Крапивенский уезд	Всего
Мужчины	Чел.	307	91	75	142	112	85	84	172	1068
	%	83,6	82,0	94,9	92,2	94,1	95,5	88,4	83,5	87,5
Женщины	Чел.	60	20	4	12	7	4	11	34	152
	%	16,4	18,0	5,1	7,8	5,9	4,5	11,6	16,5	12,5

Что касается сословной принадлежности женщин-предпринимательниц (см. Таблицы 4, 5), то слишком малое их представительство не позволяет сделать обоснованные выводы по каждому уездному городу или уезду в отдельности. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что только в относительно крупном торговом центре – Белеве были зафиксированы женщины-предпринимательницы из числа всех выделенных нами групп при преобладании мещанок (36,7% от всех хозяек бизнеса в городе). Представительницы купечества и мещанства в целом по исследуемым городам имели примерно равные доли. Также следует констатировать, что крестьянки не вели дел в остальных изучаемых городах. Изучая крестьянское предпринимательство в губернском городе Туле, Н. А. Биленко в сопоставимый для данного исследования период (1864 г.) также не зафиксировал ни одной женщины-предпринимательницы из крестьян ни в сфере торгового, ни в сфере промыслового бизнеса [6]. Причину этого исследователь видит в «долгом сохранении в крестьянской среде патриархальных семейных отношений».

В сельской местности женщины-предпринимательницы уже присутствуют практически среди всех рассматриваемых социальных групп. Исключением служит только Каширский уезд, где, как и в городе, среди общего небольшого числа предпринимателей не зафиксировано женщин-хозяек дела среди крестьянок, а также среди военных и «прочих». Вновь наиболее «пестрым» социальным составом женщин-хозяек дела выделяется регион с относительно высоким уровнем развития торговли – для сельской местности Тульской губернии изучаемого периода это Крапивенский уезд. В отличие от городов, в уездах уже просматривается преобладание представительниц купеческого бизнеса при равенстве долей мещанок и крестьянок. Вероятно, необходимость для хозяек лавок и постоянных дворов регулярно иметь здесь дело с пришлыми людьми (отходниками), находящимися в подвыпившем состоянии, затрудняло организацию своего дела для женщин из менее обеспеченных социальных

групп. Они не могли себе позволить нанять мужчину-помощника, а оперативное обращение к властям в сельской местности было затруднено.

Таблица 4

**Сословная принадлежность предпринимательниц в городах
Белев, Венев, Кашира и Крапивна Тульской губернии в 1868 – 1871 гг.**

Сословные группы	Показатели	Белев	Венев	Кашира	Крапивна	Всего
Купцы	чел.	16	3	3	5	27
	%	26,7	60,0	42,9	45,5	32,9
Мещане	чел.	22	0	0	5	27
	%	36,7	0,0	0,0	45,5	32,9
Крестьяне	чел.	6	0	0	0	6
	%	10,0	0,0	0,0	0,0	7,3
Солдаты	чел.	9	0	4	0	13
	%	15,0	0,0	57,1	0,0	15,9
Военные	чел.	4	1	0	0	5
	%	6,7	20,0	0,0	0,0	6,1
Прочие	чел.	3	0	0	1	4
	%	5,0	0,0	0,0	9,1	4,9

Таблица 5

**Сословная принадлежность предпринимательниц
в Белевском, Веневском, Каширском и Крапивенском уездах
Тульской губернии в 1868 – 1871 гг.**

Сословные группы	Показатели	Белевский уезд	Веневский уезд	Каширский уезд	Крапивенский уезд	Всего
Купцы	чел.	7	2	1	13	23
	%	35,0	16,7	25,0	38,2	32,9
Мещане	чел.	5	2	1	9	17
	%	25,0	16,7	25,0	26,5	24,3
Крестьяне	чел.	5	3	0	9	17
	%	25,0	25,0	0,0	26,5	24,3
Солдаты	чел.	2	3	2	2	9
	%	10,0	25,0	50,0	5,9	12,9
Военные	чел.	0	1	0	1	2
	%	0,0	8,3	0,0	2,9	2,9
Прочие	чел.	1	1	0	0	2
	%	5,0	8,3	0,0	0,0	2,9

Управляющие

Привлечение к участию в бизнесе дополнительных работников как в лице наемных приказчиков, так и членов собственной семьи предпринимателя позволяет,

прежде всего, в значительной степени оценить успех и размах его дела. Помимо этого, сопоставление друг с другом долей приказчиков и активно участвующих в семейном бизнесе родственников в расчете на одного хозяина дела, позволит нам определить ведущие факторы семейных форм провинциального предпринимательства в исследуемый период.

Полученные данные (см. Таблицы 6, 7) предсказуемо свидетельствуют, что в городах наиболее активно привлекал приказчиков крупный бизнес – купцы. Практически не использовали дополнительных рабочих рук солдаты – наименее зажиточные предприниматели среди всех рассматриваемых социальных групп. Мещанство, будучи самой многочисленной группой предпринимателей во всех исследуемых городах, привлекало к участию в своем бизнесе лишь около пятой доли всех управляющих. Эпизодическим было обращение к помощи дополнительного управляющего персонала крестьян, военных и «прочих», тем более что и сами предприниматели из двух последних групп были немногочисленны в исследуемых городах.

Таблица 6

**Привлечение управляющего персонала
в торговых и промышленных заведениях городов
Тульской губернии Белева, Венева, Каширы и Крапивны
в 1868 – 1871 гг.**

Сословные группы	Приказчики	Белев	Венев	Кашира	Крапивна	Всего
Купцы	чел.	159	23	30	52	264
	%	82,0	57,5	55,6	72,2	73,3
Мещане	чел.	27	8	12	15	62
	%	13,9	20,0	22,2	20,8	17,2
Крестьяне	чел.	5	4	9	1	19
	%	2,6	10,0	16,7	1,4	5,3
Солдаты	чел.	2	0	0	0	2
	%	1,0	0,0	0,0	0,0	0,6
Военные	чел.	0	4	2	0	6
	%	0,0	10,0	3,7	0,0	1,7
Прочие	чел.	1	1	1	4	7
	%	0,5	2,5	1,9	5,6	1,9

Дополнительной иллюстрацией выявленной тенденции могут служить данные о соотношении числа торгово-промышленных заведений и обслуживающего их управляющего персонала (включая и самого хозяина предприятия, если он лично заведовал им). В своем исследовании Т. З. Позняк отмечает, что во второй половине XIX века в крупных городах Дальнего Востока на одно заведение приходилось 1,2 – 1,4 служащих, включая самого хозяина [18, с. 40]. Аналогичные подсчеты по Белеву (городу с наибольшим количеством торгово-промышленных заведений из рассматриваемых в настоящей статье) дают показатели в 1,1 человека на 1 заведение.

Таким образом, в конце 60-х гг. XIX в. в уездном городе Тульской губернии обеспеченность управляющем персоналом торгово-производственных заведений оставалась сравнительно невысокой. Более точные данные дает посословный анализ. Так, купечество Белева на 184 предприятия привлекало 233 человека в управление, т.е. 1,3 человека на одно заведение. У мещан и солдат этот показатель составил 1,0, а у

крестьян – 0,97. Таким образом, большинство мелких предпринимателей привлекало управленцев лишь по мере крайней необходимости. Владельцы более доходного дела могли позволить себе привлечение дополнительных управляющих, стремясь повысить качество управления своим бизнесом. Специфика крупного предпринимательства также подчас требовала большего количества персонала, нежели один человек на одну торгово-промысловую «точку». Так, хозяин дела должен был регулярно отлучаться на ярмарки. Нельзя исключать и такой фактор, как стремление отцов семейств привлечь к своему делу подрастающих наследников.

Таблица 7

**Привлечение управляющего персонала
в торговых и промышленных заведениях
Белевского, Веневского, Каширского и Крапивенского уездов
Тульской губернии в 1868 – 1871 гг.**

Сословные группы	Приказчики	Белевский уезд	Веневский уезд	Каширский уезд	Крапивенский уезд	Всего
Купцы	чел.	22	41	8	66	137
	%	37,9	52,6	20,5	55,9	46,8
Мещане	чел.	12	13	4	17	46
	%	20,7	16,7	10,3	14,4	15,7
Крестьяне	чел.	19	15	20	22	76
	%	32,8	19,2	51,3	18,6	25,9
Солдаты	чел.	1	2	0	3	6
	%	1,7	2,6	0,0	2,5	2,0
Военные	чел.	1	4	2	2	9
	%	1,7	5,1	5,1	1,7	3,1
Прочие	чел.	3	3	5	8	19
	%	5,2	3,8	12,8	6,8	6,5

В сельской местности наблюдаем несколько иную картину. Зримый перевес доли управленческого персонала, привлеченного купечеством, сохраняется только для Веневского и Крапивенского уездов. В определенной степени для Веневского уезда это обусловлено активной торговой деятельностью местного купца Е. Г. Махотина. Ему одному в уезде принадлежало 15 питейных заведений, в каждом из которых работал наемный приказчик. Таким образом, приказчики купца Махотина составили более трети от общего числа привлеченных купечеством управленцев по Веневскому уезду (15 человек из 41). Зато закономерно возрастает по сравнению с городами процент персонала, привлеченного крестьянством, составлявшим наибольшую долю предпринимателей во всех исследуемых уездах. Содержание питейных домов (весьма распространенный тип бизнеса в сельской местности губернии) в большинстве случаев сопровождалось и содержанием при нем мелочной лавки, что делало неизбежным привлечение дополнительных рук.

Уточнить полученные данные можно при сопоставлении числа торгово-промышленных заведений и управленческого персонала по сословиям. В этот раз были взяты показатели Крапивенского уезда, в котором было зафиксировано наибольшее число предпринимателей. Здесь мы уже не видим какого-либо «избыточного» при-

влечения управленцев со стороны купечества, напротив, на 111 торговых точек, принадлежащих представителям купечества, приходится лишь 103 человека управляющего персонала, что составляет в среднем 0,93 человека на одно заведение. У всех остальных социальных групп предпринимателей по уезду этот показатель составил 1,0 человека. Таким образом, мы можем констатировать, что экономические факторы в деле привлечения купечеством дополнительного управляющего персонала все же перевешивали социальные.

Материал для более точного анализа исследуемых практик организации провинциального бизнеса дает сопоставление средних показателей привлечения приказчиков и членов семьи в расчете на одного предпринимателя (Таблицы 8, 9). В частности, мы сможем сопоставить, кого активнее привлекали к участию в своем деле предприниматели из разных сословных групп: наемных работников (на которых нужно было оформлять платное свидетельство и которым приходилось платить жалование), или своих близких (более дешевый и доступный трудовой ресурс). Нельзя исключать и того, что часть управленцев, зафиксированных в качестве наемных работников, на самом деле были родственниками предпринимателя, но имели иную фамилию (зятя, замужние сестры и т.п.), т.к. в рассматриваемом источнике указания на такого рода связи приказчиков с хозяином дела («зять его») присутствуют только в отношении купечества.

Купечество в городах в целом отдавало предпочтение семейным формам организации бизнеса (см. Таблицу 8). Выбиваются из обозначенной тенденции только показатели по Венева, на которых существенно сказывается организация торговли питиями ранее упомянутого купца Махотина – в городе ему принадлежало 10 торговых точек с наемными приказчиками. Однако помимо Венева сопоставимой выглядит степень привлечения купечеством приказчиков и членов собственной семьи и для развитого торгового центра, каким выступал Белев (1,02 и 0,90). Крупные предприниматели, чей бизнес включал в себя целый ряд филиалов, просто «...не имели возможности справляться с делами, полагаясь только на собственные силы или членов своей семьи» [1, с. 117].

Мещане также чаще использовали в управлении делом членов семьи, нежели наемников (здесь исключением является Кашира, о влиянии низких абсолютных показателей по которой на итоговые проценты уже было сказано выше). Тем не менее при общем невысоком уровне привлечения мещанством помощников к ведению бизнеса в городах, разрыв между степенью использования приказчиков и помощников из числа родственников здесь не столь велик, как для купечества (за исключением Венева).

Противоречивую картину видим в отношении крестьянства в разных городах: в тех случаях, когда представители этого сословия все-таки прибегали к дополнительной паре рук в управлении делом, это были либо близкие родственники (Кашира, Крапивна), либо привлечение наемных приказчиков происходило в такой же степени, что и обращение к членам семьи (Белев, Венева). Полученные данные в отношении Венева вряд ли можно считать в полной мере показательными: только четверо крестьян-предпринимателей использовали дополнительную помощь в управлении и у двоих из них в качестве таковой были наемные работники. Тем не менее, вполне обозначается тенденция к отходу от семейных форм управления бизнесом в пользу профессиональных в крупных торговых центрах при сохранении, однако, традиционной приверженности купечества к организации своего дела с участием семейства.

**Привлечение членов семьи/наемных приказчиков в расчете
на одного предпринимателя в гг. Белеве, Веневе, Кашире и Крапивне
Тульской губернии в 1868 – 1871 гг.**

Сословные группы	Управленческий персонал	Белев	Венев	Кашира	Крапивна
Купцы	Члены семьи	1,02	0,38	0,53	1,12
	Приказчики	0,90	0,71	0,35	0,47
Мещане	Члены семьи	0,10	0,17	0,09	0,18
	Приказчики	0,06	0,02	0,12	0,12
Крестьяне	Члены семьи	0,04	0,22	0,47	0,13
	Приказчики	0,03	0,22	0,00	0,00
Солдаты	Члены семьи	0,10	0,00	0,00	0,00
	Приказчики	0,00	0,00	0,00	0,00
Военные	Члены семьи	0,00	0,00	0,00	0,00
	Приказчики	0,17	0,67	1,00	0,00
Прочие	Члены семьи	0,00	0,00	0,00	0,00
	Приказчики	0,20	0,33	0,50	1,33

Явное предпочтение наемным приказчикам видим у предпринимателей из числа военных и «прочих». В разной степени используя труд приказчиков, своих родственников они не вовлекали в ведение дел вовсе. С одной стороны, как и у купцов, у многих из названных предпринимателей была экономическая возможность нанять профессионального управленца. С другой стороны, для военных, чиновников и дворян, т.е. людей, достаточно далеких от мира бизнеса, использование услуг опытного специалиста было необходимостью.

Тенденции в отношении организации управления своим делом, выявленные для исследуемых городов, в целом оказываются справедливыми и для их уездов (см. Таблицу 9). Но в сельской местности привлечение членов семьи все же заметно в большей степени превалирует над наймом приказчиков для мещан (кроме Белевского уезда) и крестьян, а также помощники из числа родни фиксируются для предпринимателей-солдат. Выше уже отмечалось распространенность в сельской местности Тульской губернии своеобразных «парных» торговых точек – питейного дома и мелочной лавки, что просто вынуждало хозяина такого дела искать помощника. Также вне города поиск доверенного управителя на стороне вполне мог представлять сложности для сравнительно небогатых предпринимателей. Так, в уездах, иногда к своему делу вынуждены были привлекать членов семьи даже военные и «прочие» (эпизодические факты зафиксированы по Крапивне и Кашире).

Оценивая практики привлечения к управлению своим делом членов семьи (см. Таблицы 10, 11) представляется интересным провести анализ семейного статуса привлеченных к участию в деле родственников. Анализ полученных данных показал, что купечество преимущественно привлекало к участию в своем деле сыновей – будущих наследников бизнеса, в то время как все остальные социальные группы, прежде всего, обращались к помощи своих супругов. Выявленная тенденция еще раз наглядно свидетельствует, что если для большинства рассмотренных сословных групп участие членов семьи в торгово-промышленной деятельности было вынужденным, то купцы подходили к вопросу несколько иначе. Многие представители этой социальной

группы имели экономические возможности дать своей супруге сосредоточиться на ведении домашнего хозяйства. К ведению же своих дел купцы активно пытались приучить детей, пусть даже эффект от присутствия в лавке подростка или молодого человека был ниже такового более старшего члена семьи, каковым выступала жена предпринимателя.

Таблица 9

Привлечение членов семьи/наемных приказчиков в расчете на одного предпринимателя в Белевском, Веневском, Каширском и Крапивенском уездах Тульской губернии в 1868 – 1871 гг.

Сословные группы	Управленческий персонал	Белевский уезд	Веневский уезд	Каширский уезд	Крапивенский уезд
Купцы	Члены семьи	1,36	0,34	0,43	0,69
	Приказчики	0,43	0,97	0,71	0,54
Мещане	Члены семьи	0,18	0,17	0,27	0,30
	Приказчики	0,18	0,11	0,00	0,02
Крестьяне	Члены семьи	0,33	0,22	0,29	0,21
	Приказчики	0,08	0,03	0,07	0,08
Солдаты	Члены семьи	0,20	0,20	0,00	0,20
	Приказчики	0,00	0,00	0,00	0,10
Военные	Члены семьи	0,00	0,00	0,00	0,20
	Приказчики	0,17	0,40	0,67	0,20
Прочие	Члены семьи	0,00	0,00	0,14	0,20
	Приказчики	1,00	0,50	0,29	1,40

Таблица 10

Доли близких родственников предпринимателей, привлеченных к управлению торгово-промышленными заведениями по гг. Тульской губернии Белеву, Веневу, Кашире и Крапивне в 1868 – 1871 гг.

Сословные группы	Члены семьи предпринимателя	Белев, %	Венев, %	Кашира, %	Крапивна, %
Купцы	Жена	10,1	0,0	11,1	50,9
	Сын	65,2	100	83,3	15,1
	Брат	24,7	0,0	5,6	34,0
Мещане	Жена	64,7	57,1	80	25,0
	Сын	35,3	14,3	0,0	0,0
	Брат	0,00	28,6	20,0	75,0
Крестьяне	Жена	33,3	50	44,4	0,0
	Сын	33,3	0,0	33,3	0,0
	Брат	33,3	50	22,2	0,0

Таблица 10 (продолжение)

Сословные группы	Члены семьи предпринимателя	Белев, %	Венев, %	Кашира, %	Крапивна, %
Солдаты	Жена	50	0,0	0,0	0,0
	Сын	0,0	0,0	0,0	0,0
	Брат	50	0,0	0,0	0,0
Военные	Жена	0,0	0,0	0,0	0,0
	Сын	0,0	0,0	0,0	0,0
	Брат	0,0	0,0	0,0	0,0
Прочие	Жена	0,0	0,0	0,0	0,0
	Сын	0,0	0,0	0,0	0,0
	Брат	0,0	0,0	0,0	0,0

Таблица 11

Доли близких родственников предпринимателей, привлеченных к управлению торгово-промышленными заведениями по Белевскому, Веневскому, Каширскому и Крапивенскому уездам Тульской губернии в 1868 – 1871 гг.

Сословные группы	Члены семьи предпринимателя	Белевский уезд, %	Веневский уезд, %	Каширский уезд, %	Крапивенский уезд, %
Купцы	Жена	5,3	0,0	0,0	5,4
	Сын	68,4	81,8	100	86,5
	Брат	26,3	18,2	0,0	8,1
Мещане	Жена	100	83,3	100	50,0
	Сын	0,0	16,7	0,0	37,5
	Брат	0,0	0,0	0,0	12,5
Крестьяне	Жена	56,3	61,5	81,3	75,0
	Сын	18,8	23,1	12,5	25,0
	Брат	25,1	15,4	6,2	0,0
Солдаты	Жена	100	50,0	0,0	50,0
	Сын	0,0	0,0	0,0	50,0
	Брат	0,0	50,0	0,0	0,0
Военные	Жена	0,0	0,0	0,0	100
	Сын	0,0	0,0	0,0	0,0
	Брат	0,0	0,0	0,0	0,0
Прочие	Жена	0,0	0,0	100	100
	Сын	0,0	0,0	0,0	0,0
	Брат	0,0	0,0	0,0	0,0

Заключение

Специалисты отмечают тенденцию к усилению разнородности социального состава предпринимателей по мере развития капиталистических отношений в России во второй половине XIX века [16, с. 100–106]. В рамках настоящего исследования нам удалось показать, что в сравнительно более привлекательных для ведения бизнеса регионах Тульской губернии (г. Белев, имеющий доступ к судоходной Оке, села Крапивенского уезда, оказавшиеся на пути следования Московско-Курской железной дороги) такие сословные группы как крестьяне, солдаты и военные были шире представлены среди местных предпринимателей. На представительство среди хозяев бизнеса в конкретной местности военных и солдат также, по-видимому, напрямую влияло наличие поблизости войскового соединения, расположившегося на постой.

В условиях сохранявшихся патриархальных устоев женщины становились предпринимательницами отнюдь «не от хорошей жизни»: потеряв мужа-кормильца и не имея поддержки других родственников, вдова с маленькими детьми часто была вынуждена продолжать дело супруга или заводить собственное. В сельской местности такие ситуации, по-видимому, складывались чаще, чем в городе (здесь были не так широки возможности альтернативного заработка), а в более экономически развитых районах шансы на сохранение и продолжение унаследованного дела – выше. При этом было отмечено сравнительно малое представительство среди городских предпринимателей женщин из крестьянского сословия: оно было выявлено только по наиболее успешному в торговом отношении центру – Белеву.

Представляются интересными для дальнейших исследований данные, полученные при анализе привлечения предпринимателями уездов Тульской губернии приказчиков к ведению своих дел. Было установлено, что, за исключением городского купечества, остальные хозяева дела привлекали дополнительный управленческий персонал только в ситуации крайней необходимости, т.е. из расчета один человек на одну торгово-промысловую точку. В сельской местности этот показатель был еще меньшим, вероятно, ввиду в среднем меньшего ежедневного наплыва клиентов, позволявшего в отдельных ситуациях одному человеку управляться с двумя заведениями, расположенными рядом. В целом невысокие показатели привлечения дополнительных управленцев (было проведено сравнение с аналогичными показателями крупных городов Дальнего Востока), как и преимущественное использование в качестве приказчиков членов семьи хозяина бизнеса, свидетельствует как о достаточно низком уровне обеспеченности предпринимателей губернии капиталами, так и о сохранении среди них патриархальных подходов к организации своего дела. В пользу последнего тезиса свидетельствует то, что даже купцы-представители крупного и среднего предпринимательства более активно использовали труд своих близких, нежели обращались к наемному управленческому персоналу. Иной стратегии поведения придерживались предприниматели из числа чиновников, помещиков и офицеров, которые, не имея ни опыта, ни, в ряде случаев, возможности лично управлять своим делом, преимущественно использовали труд профессиональных управляющих.

При этом если представители большинства анализируемых сословных групп (мещане, крестьяне, солдаты) доверяли управление своим торгово-промышленным заведением преимущественно женам, то купечество, напротив, активно задействовало в своих заведениях сыновей и братьев. Такой выбор свидетельствует, что для них это была «игра в долгую», расчет на продолжение семейного дела следующим поколением, при финансовой возможности ограничить обязанности супруги кругом домашних дел.

Список источников и литературы

1. Абдрахманов К. А. Особенности деловых отношений купцов и приказчиков в условиях приграничной провинции на примере Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX в. // *История повседневности*. 2019. № 3 (11). С. 116–129.
2. Андреевский Г. В. *Повседневная жизнь Москвы на рубеже XIX – XX веков*. М.: Молодая гвардия, 2009. 642 с.
3. Барышников М. Н. Семейные фирмы в России: институциональное пространство функционирования в XIX – начале XX в. // *Вестник Вятского государственного университета*. 2006. № 15. С. 28–36.
4. Биленко Н. А. *Товарный рынок Тульской губернии в процессе модернизации России второй половины XIX в.* : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Биленко Никита Алексеевич. Тула, 2018. 347 с.
5. Биленко Н. А. Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений как исторические источники по изучению внутреннего рынка Российской империи второй половины XIX века // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 4–9.
6. Биленко Н. А. Крестьянское предпринимательство в губернском городе Туле второй половины XIX века: формы, масштабы, тенденции развития [Электронный ресурс] // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2018. № 4 (48). С. 52–62. URL: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=53> (дата обращения: 01.02.2021).
7. Бирюков М. Ю. Персонал торговых заведений Российской империи в начале XX в. (на примере Курской губернии) // *Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология*. 2013. № 8. С. 108–114.
8. Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» [ГУ ГАТО]. Ф. 90. Оп. 1. Т. 35. Д. 27490.
9. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 16762.
10. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 17222.
11. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 17404.
12. Журавлёв С. С., Перепелицын А. В. Крестьянская торговля в Воронежской губернии в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века) // *Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология*. 2018. № 4. С. 682–689.
13. Зайцева О. М., Стрекалова Н. В. Женщина купеческого сословия г. Тамбова в конце XIX – начале XX века: штрихи к социальному портрету // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 23, вып. 1 (171). С. 145–155.
14. Маслова И. В. Купечество уездных городов Вятской губернии в XIX в.: социально- психологический портрет // *Филология и культура. Philology and Culture*. 2010. № 21. С. 127–131.
15. Мельников М. В. Женское предпринимательство в период социально-экономических трансформаций: опыт второй половины XIX – начала XX вв. // *Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии*. 2012. № 3. С. 46–51.
16. Никифоров О. А. *История российского предпринимательства : учеб. пособие для академ. бакалавриата*. М.: Юрайт, 2018. 270 с.
17. Пешкова О. В. Купечество Юго-Восточной Сибири: экономико-правовые условия организации бизнеса в условиях XIX в. // *Историко-экономические исследования*. 2003. № 1. С. 97–114.

18. Позняк Т. З. Торговая инфраструктура городов юга Дальнего Востока во второй половине XIX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 2. С. 36–48.
19. Тихомирова М. Н. Участие женщин в промышленном производстве России в конце 60 - начале 70 годов XIX века // Женщины. История. Общество. Тверь: ТвГУ, 1999. С. 34–46.
20. Филатова С. В. «Приказчик, грош в ящик, а пятак за сапог»: наемные служащие торговых купеческих заведений во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Среднего Поволжья) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект) : материалы междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 194–200.

References

1. Abdrakhmanov K. A. Osobennosti delovykh otnoshenii kuptsov i prikazchikov v usloviakh prigranichnoi provintsii na primere Orenburgskoi gubernii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Features of business relations of merchants and sales representatives in the conditions of a frontier province on the example of the Orenburg province in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Istoriia pousednevnosti*. 2019. Issue 3(11). Pp. 116–129. [In Russian].
2. Andreevskii G. V. *Pousednevnyaya zhizn' Moskvyy na rubezhe XIX – XX vekov [Everyday life of Moscow at the turn of the 19th – 20th centuries]*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 2009. 642 p. [In Russian].
3. Baryshnikov M. N. Semeinye firmy v Rossii: institutsional'noe prostranstvo funktsionirovaniia v XIX – nachale XX v. [Family firms in Russia: institutional functioning in the 19th – early 20th century]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Vyatka State University]*. 2006. Issue 15. Pp. 28–36. [In Russian].
4. Bilenko N. A. *Tovarnyi rynek Tul'skoi gubernii v protsesse modernizatsii Rossii vtoroi poloviny XIX v.: diss. ... kand. istor. nauk [The commodity market of the Tula Province in the process of modernization of Russia in the second half of the XIX century: Thes. ... Cand. Ist. Sciences]* 07.00.02 / Bilenko Nikita Alekseyevich. 2018. Tula. 347 p. [In Russian].
5. Bilenko N. A. Zhurnaly general'noj poverki trgovli i promyshlennykh zavedeniy kak istoricheskie istochniki po izucheniyu vnutrennego rynka Rossijskoy imperii vtoroi poloviny XIX veka [Journals of general check of trade and industrial institutions in Tula governorate as the historical sources on studying the domestic market of the Russian Empire in the 2nd half of XIX century]. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series of «Humanities»*. 2018. Issue 1. Pp. 4–9. [In Russian].
6. Bilenko N. A. Krest'yanskoye predprinimatel'stvo v gubernskom Tule vtoroi poloviny XIX veka: formy, masshtaby, tendentsii razvitiya. [Peasant entrepreneurship in the provincial city of Tula of the second half of the 19th century: forms, scales, development trends]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University]*. 2018. Issue 4 (48). Pp. 52–62 URL: <http://scientificnotes.ru/pdf/053-008.pdf>. (accessed: 01 February 2021) [In Russian].
7. Biriukov M. Iu. Personal'nye torgovykh zavedeniy Rossiyskoy imperii v nachale XX v. (na primere Kurskoy gubernii) [Staff commercial establishments of the Russian empire at the beginning of XX century (on example of the province of Kursk)]. *Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya*. 2013. Issue 8. Pp. 108–114. [In Russian].

8. *Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyi arkhiv Tul'skoi oblasti»*. [State Archive of Tula Oblast (SATO)]. Fund. 90. Inventory 1. Vol. 35. File 27490. [In Russian].
9. *GATO [SATO]*. Fund 118. Inventory 1. Vol. 8. File 16762. [In Russian].
10. *GATO [SATO]*. Fund 118. Inventory 1. Vol. 8. File 17222. [In Russian].
11. *GATO [SATO]*. Fund 118. Inventory 1. Vol. 8. File 17404. [In Russian].
12. Zhuravlev S. S., Perepelitsyn A. V. Krest'yanskaya trgovlya v Voronezhskoy gubernii v poreformenny period (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Peasant's trade in Voronezh province in the post-reform period (second half of XIX – beginning of XX century)]. *Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya*. 2018. Vol. 45. Issue 4. Pp. 682–689. [In Russian].
13. Zaitseva, O. M., Strekalova, N. V. Zhenshchina kupecheskogo sosloviya g. Tambova v kontse XIX-nachale XX veka: shtrikhi k sotsial'nomu portretu [The Woman of Merchant Class of Tambov at the End Of 19th – The Beginning Of The 20th Century: Marks to a Social Portrait]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 2018. Tambov. Vol. 23. Issue 1 (171). Pp. 145–155. [In Russian].
14. Maslova I. V. Kupechestvo uyezdnykh gorodov Vyatskoy gubernii v XIX v.: sotsial'no-psikhologicheskii portret [Merchants of district cities of the Vyatka Province in the 19th century: a social and psychological portrait]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 2010. Issue 3. Pp. 127–131. [In Russian].
15. Mel'nikov M. V. Zhenskoye predprinimatel'stvo v period sotsial'no-ekonomicheskikh transformatsiy: opyt vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. [Women's entrepreneurship in the period of social and economic transformations: the experience of the second half of the 19th – early 20th centuries.]. *Vestnik NGTU im. R.Ye. Alekseyeva. Seriya: Upravleniye v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnyye tekhnologii*. 2012. Issue 3. Pp. 46–51. [In Russian].
16. Nikiforov O. A. *Istoriya rossiyskogo predprinimatel'stva : ucheb. posobiye dlya akadem. bakalavriata [History of Russian Entrepreneurship. Teaching guide for academic baccalaureate]*. Moscow: Urayt Publ., 2018. 270 p. [In Russian].
17. Peshkova O. V. Kupechestvo Yugo-Vostochnoy Sibiri: ekonomiko-pravovyye usloviya organizatsii biznesa v usloviyakh XIX v. [Merchants of the South-Eastern Siberia: economic and legal conditions of business organization in terms of the 19th century]. *Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya [The Journal of Economic History & History of Economics]*. 2003. Issue 1. Pp. 97–114. [In Russian].
18. Pozniak T. Z. Torgovaya infrastruktura gorodov yuga Dal'nego Vostoka vo vtoroy polovine XIX veka [Trade infrastructure of cities in the South of the Far East in the second half of the XIX century]. *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya [Oykumena. Regional researches]*. 2010. Issue 2. Pp. 36–48. [In Russian].
19. Tikhomirova M. N. Uchastiye zhenshchin v promyshlennom proizvodstve Rossii v kontse 60 – nachale 70 godov XIX veka [Participation of women in industrial production in Russia in the late]. *Zhenshchiny. Istoriya. Obshchestvo*. Tver: TvGU Publ., 1999. Pp. 34–46. [In Russian].
20. Filatova S. V. «Prikazchik, grosh v yashchik, a pyatak za sapog»: nayemnyye sluzhashchiye trgovykh kupecheskikh zavedeniy vo vtoroy polovine XIX - nachale XX v. (po materialam Srednego Povolzh'ya) [“Prikazchik, grosh v yashchik, a pyatak za sapog”: hired employees of merchants' trading establishments in the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries (based on materials of the Middle Volga region)]. *Material'nyy faktor i predprinimatel'stvo v povesednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyy aspekt) : materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Material factor and entrepreneurship in the everyday life of*

Russian population: history and modernity (regional aspect)]. Materials of international scientific conf. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina Publ., 2016. Pp. 194–200. [In Russian].

Дата поступления статьи: 24.02.2021
Дата решения о публикации: 25.03.2021

Date of receipt of article: 24.02.2021
Date of publication decision: 25.03.2021

Сведения об авторе

Лобачева Ирина Николаевна,
кандидат исторических наук,
учитель истории и обществознания
МБОУ «Центр образования –
гимназия № 30»
(e-mail: irina3478@yandex.ru)

Information about the Author

Lobacheva Irina Nicolaevna,
PhD of History, Teacher of History
and Social studies,
«Center of Education – Gymnasium No. 30»
(e-mail: irina3478@yandex.ru)

«ДЕТСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДО 3-Х ЛЕТ ПОЧТИ ВСЕ ВЫМЕРЛО...»: ОХРАНА ДЕТСТВА В ПЕРИОД ГОЛОДА 1921 – 1922 ГГ.

Т. И. Евсеева

*Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области»
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. Статья посвящена одному из сложнейших периодов отечественной истории – 1921 – 1922 гг. Автор анализирует проблему охраны детства в ситуации голода, описывает действия государства по борьбе с голодом среди детей – их эвакуацию из Поволжья в более «сытые» губернии, в том числе Тульскую. Государственная политика в отношении детей, проводимая в первые годы НЭПа, осуществлялась методом проб и ошибок. Установление твердого государственного бюджета, режима экономии, принципа покрытия местных расходов местными же средствами нанесло тяжелый удар для всей социальной сферы. Реализация государственной политики в области охраны детства была затруднена из-за халатности и равнодушия местных органов власти, в результате чего дети массово голодали, заболели и умирали. В условиях голода увеличилось количество беспризорных детей, выросло число правонарушений, совершаемых ими.

Источниками для подготовки публикации послужили документы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Государственного архива Тульской области (ГУ ГАТО), в первую очередь, Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК (Деткомиссии ВЦИК) и Тульского губернского отдела народного образования. Комплекс привлеченных источников – законодательные акты, циркуляры Деткомиссии ВЦИК, отчеты уполномоченных Деткомиссии, стенограмма заседания Президиума ВЦИК 20 февраля 1936 г., отчеты руководителей отделов Тульского губернского отдела народного образования, карточки детей, эвакуированных из голодающего Поволжья и др. Документы отражают положение детей голодающих губерний, меры, предпринятые государством для их спасения (организация врачебно-питательных поездов, детских столовых; эвакуация детей в плодородные губернии, проведение кампании массового патронирования), а также результативность этих мер.

Ключевые слова: голод, дети, Советское государство, Деткомиссия ВЦИК, Тульская губерния, Поволжье, эвакуация.

«THE CHILD POPULATION UNDER 3 YEARS OF AGE IS ALMOST ALL EXTINCT...»: CHILD PROTECTION DURING THE FAMINE OF 1921 – 1922

T. I. Evseeva

*State Institution «State Archive of the Tula Region»
(Tula, Russia)*

Abstract. The article is devoted to one of the most difficult periods of Russian history – 1921 – 1922. The author analyzes the problem of child protection in the situation of famine of 1921 – 1922, describes the main way of the state's struggle with hunger in the field of children's policy – the evacuation of children of the Volga region to more "well-fed" provinces, including the Tula province. The State policy on children in the early years of the NEP was implemented by trial and error. The establishment of a solid state budget, a regime of economy, and the principle of covering local expenses with local funds dealt a

heavy blow to the entire social sphere. The implementation of the state policy in the field of child protection was hampered by the negligence and indifference of local authorities, as a result of which children starved en masse, fell ill and died. In the conditions of hunger, the number of street children has increased, and the number of offenses committed by them has increased.

The sources for the preparation of the publication were documents from the funds of the State Archive of the Russian Federation (GA RF) and the State Archive of the Tula Region (GU GATO), first of all, the Commission for Improving the Lives of Children under the VTSIK (Children's Commission of the VTSIK) and the Tula Provincial Department of Public Education. The complex of sources involved – legislative acts, circulars of the Children's Commission of the VTSIK, reports of the authorized Children's Commission, the transcript of the meeting of the Presidium of the VTSIK on February 20, 1936, reports of the heads of sub-departments of the Tula provincial Department of Public Education, cards of children evacuated from the starving Volga region, etc. The documents reflect the situation of the children of the starving provinces, the measures taken by the state to save them (organization of medical and nutritional trains, children's canteens; evacuation of children to fertile provinces, conducting a campaign of mass patronage), as well as the effectiveness of these measures.

Keywords: famine, children, Soviet state, Children's Commission of the Central Executive Committee, Tula province, Volga region, evacuation.

Изучение истории детства – один из важнейших путей постижения таких проблем отечественной истории как взаимоотношения государства, общества и личности, формирование гражданского общества, преемственность исторических эпох. К сожалению, актуальность изучения дореволюционного и советского опыта только растет в связи с утратой многих прежних достижений детской и молодежной политики в постсоветской России. В центре внимания данной статьи – политика Советского государства в отношении детей в период голода 1921 – 1922 гг. Одной из дискуссионных проблем в отечественной историографии остается проблема изучения государственной политики в отношении охраны детства в начале 1920-х гг. Основное содержание советской историографии, посвященной проблемам детства в СССР, так или иначе строилось на постулате «СССР – Родина счастливого детства». Данный лозунг определил идеологический ракурс исследований, в которых акцент делался на достижениях советской власти в сфере охраны материнства и детства и смягчение, либо полное игнорирование наиболее острых проблем, таких как голод 1921 г. и чрезвычайно высокая смертность детей в ходе эвакуации их из голодных губерний. Значительное место в советской историографии традиционно занимала тема руководящей роли коммунистической партии в борьбе с детской беспризорностью (Арнаутов Г. А., Герасимова Г. Г., Чех С. М. и др.), в то время как реальное положение детей нередко оставалось за рамками исследований. Отечественная историография истории советского детства, долгое время развивавшаяся изолированно, в 1990-е гг. становится неотъемлемой частью мировой исторической науки. В зарубежной литературе 1991 г. назван годом архивной и историографической революции. Доступ исследователей к новым источникам, отложившимся в российских архивах, расширил и проблематику научных исследований. Уточняются многие факты, разворачиваются научные дискуссии по ряду важнейших положений. Начинается изучение и проблемы детской беспризорности и безнадзорности в первые годы советской власти (Алан М. Болл, К. Келли, Хиллиг Г. и др.).

Перемены в социально-экономической и общественно-политической жизни России в середине 1980-х – 1990-е гг., рассекречивание многих архивных документов заставили обратить внимание исследователей на проблему государственной политики в отношении детей в первые годы Советской власти. В данный период вышли работы Н. В. Рябининой, М. Р. Зезиной и А. Ю. Рожкова, в которых делались попытки освещения основных мероприятий партийных, государственных и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности. В 2000-е гг. был защищен ряд диссертаций, посвященных борьбе с беспризорностью в различных регионах страны

(Сажина Н. С., Блонский Л. В., Славко А. А., Шахова Е. С. и др.). В этих работах проблема анализируется на местном материале, рассматривается ее специфика в каждом отдельно взятом регионе. Данная проблема не являлась предметом специального изучения по материалам Тульской губернии.

Основные источники, составившие фундамент данной публикации, отложились в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Государственного учреждения «Государственный архив Тульской области» (ГУ ГАТО). Одним из наиболее содержательных является фонд Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК (Деткомиссии ВЦИК) (ГА РФ. Ф. Р-5207). Наряду с обширным комплексом законодательных актов (декреты и постановления по вопросам улучшения жизни детей), в фонде Деткомиссии ВЦИК отложились следующие виды документов: протоколы заседаний Президиума Деткомиссии, распоряжения, планы, инструкции, отчеты руководителей местных органов власти и др. Важное место в исследовании занимают документы из фонда ГУ ГАТО Р-326 «Отдел народного образования Тульского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губоно)»: законодательные и нормативно-правовые акты органов власти, их официальные отчеты о количестве детей в Тульской губернии, сведения комсомольских организаций и представителей женотделов о борьбе с детским алкоголизмом и беспризорностью в уездах Тульской губернии, карточки детей, эвакуированных из Поволжья в 1921 г. в Тульскую губернию, и др. Следует подчеркнуть, что документы данного периода отличаются высокой степенью достоверности, откровенным отражением негативных явлений в жизни детей и в области детской политики.

Революция и гражданская война, как и любые социальные катаклизмы, наиболее сильно ударили по самой социально незащищенной категории населения — детям, не разбирая их социального происхождения. Понимая это, советская власть среди приоритетов государственной политики назвала и заботу о детях. Были провозглашены громкие лозунги: «Дети — наше будущее», «Охрана детства — лозунг Советской власти», «Дети — надежда Советской России. Берегите детей» и т. п. [11, л. 12]. Однако уже вскоре стало очевидно, что на практике забота о детях нередко ограничивалась декларацией красивых лозунгов и принятием соответствующих законов, не подкрепленных механизмом их практического исполнения. В частности, был принят ряд декретов, направленных на обеспечение детей питанием и медицинским обслуживанием, на организацию всеобщего начального образования, охрану труда подростков, развитие сети специализированных детских учреждений для глухонемых, слепых и умственно отсталых детей и т. п. Для реализации принятых законов и воплощения в жизнь провозглашенных лозунгов был необходим соответствующий государственный механизм, а для налаживания его работы — опытные кадры, средства, время и наличие жесткой системы контроля исполнения принятых центром решений на местах.

Практическое осуществление задач охраны жизни и здоровья детей после октября 1917 г. было возложено на несколько государственных органов: Наркомсобес РСФСР, Наркомпрос РСФСР, Наркомздрав РСФСР, а с февраля 1919 г. к ним добавился Совет Защиты детей (04.02.1919 — 25.03.1921). Четкого разделения функций между ними не было ни на практике, ни в теории. Действовали они несогласованно, зачастую не столько помогая, сколько мешая друг другу [16, с. 50]. В феврале 1921 г. было решено создать единый чрезвычайный орган по спасению жизни детей, берущий на себя все полномочия по вопросам их обеспечения, воспитания и защиты их интересов в государственном масштабе. Таким органом стала созданная при ВЦИК Чрезвычайная Комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссия), первым председателем являлся Ф. Э. Дзержинский.

Летом 1921 г. Советскую Россию поразило страшное бедствие – голод, охвативший 25 хлебопроизводящих губерний Поволжья, Дона, Северного Кавказа и Украины. В периодической печати в течение нескольких месяцев публиковали сообщения о вымерших селениях, об опухших людях, беспомощно ожидающих смерть, о тысячах детей, лишившихся родителей, бродивших по городам и всяческим пристаням в поисках кусочка хлеба, о распространении болезней – цинги, дизентерии, сыпного и брюшного тифа [1, с. 132]. По современным подсчетам голодало около 26 – 28 млн. человек. Аналогичные сведения (27 – 28 млн. чел.) привел в докладе на IX Всероссийском съезде советов М. И. Калинин. Самой незащищенной категорией населения оказались дети. По отчетам органов власти 23 административно-территориальных единиц РСФСР на 1922 г. голодало 6,4 млн. детей. На 1 апреля 1922 г. число голодающих детей увеличилось до 8 573 200, а к 1 августа 1922 г. составило 9 893 700 [15, с. 467–468].

Ю. А. Поляков, исследуя демографические последствия голода 1921 – 1922 гг., пишет, что неурожай 1921 г., приведший к голоду, был в значительной степени обусловлен разорением деревни в результате войны [14, с. 129]. Неурожай был вызван не только природными явлениями, в том числе тяжелой засухой, но и в немалой степени сокращением запашки в результате действий комбедов и продотрядов, кампаний по продразверстке и др. Продразверстка снизила сбор зерна и повлекла разорение зажиточных крестьян и середняков, производивших основное товарное зерно.

Следствием голода 1921 – 1922 гг. была гибель около 8 млн. людей (около 6% населения Советской республики). Многодетность многих семей в этот период, особенно крестьянских, в условиях голода требовала того, чтобы старшие по возрасту дети заботились о себе сами. В этих случаях дети уходили из дома на заработки в поисках более сытной жизни и свободы. Руководители ряда отделов правовой защиты несовершеннолетних отмечали в своих отчетах, докладах и телеграммах увеличивающийся рост детской беспризорности в период наступления голода [11, л. 13]. Это одинаково коснулось и урожайных губерний, в том числе Тульской в виду того, что масса голодных, покинутых и осиротевших детей из Поволжья направилась туда в поисках хлеба и пристанища. На вокзалах, пристанях и дорогах десятками и сотнями бродили беспризорные дети, осаждали милицейские участки и совершали правонарушения, соединившись в отряды и банды малолетних преступников.

Максимальный количественный рост детской преступности (так же, как и беспризорности) приходился на 1921 – 1922 гг. Только зарегистрированных правонарушителей, прошедших через комиссии по делам несовершеннолетних, насчитывалось за 1921 г. – 54 906, за 1922 г. – 53 374 [13, с. 52]. Но далеко не все правонарушения регистрировались и, тем более, раскрывались. По данным Тульского губернского отдела народного образования (Тулгубоно), в эти годы из каждых 100 беспризорных детей 81 совершал какое-либо правонарушение [9, л. 118–118об.]. Подавляющую часть правонарушений составляли кражи (до 91 %) [12, с. 13], но кроме них детьми совершались и более серьезные преступления – разбой, изнасилования, убийства. Меры воздействия также были различными. Они зависели от тяжести содеянного, количества правонарушений, совершенных ранее, наличия или отсутствия семьи. Так, часть детей передавали на поруки родителям или родственникам, над другими устанавливали опеку, некоторых устраивали на работу или в школы ФЗУ. Но основным способом перевоспитания все-таки считался детский дом. Для детей-правонарушителей предполагалось создание особых детских домов. Назывались они учреждениями для морально-дефективных» детей [16, с. 53–54].

Другим демографическим последствием голода были массовые миграции из пораженных бедствием районов. Особое место отводилось эвакуации детей. С 1 июля 1921 г. по 1 июля 1922 г. по решению Деткомиссии ВЦИК из голодающих губерний было вывезено 121 018 детей. Всего же за указанный период было эвакуировано примерно 1 млн. человек [1, с. 133]. Наиболее тяжелая ситуация складывалась в Поволжье,

больше всего пострадавшем от неурожая. К концу 1921 г. детские учреждения Поволжья уже были заполнены на 500 % [3, л. 38], а численность беспризорных детей, нуждавшихся в помощи государства, все возрастала. Так, например, в июне 1921 г. в Уфимской губернии по данным Деткомиссии ВЦИК насчитывалось 4,5 тыс. беспризорных детей, к сентябрю того же года их численность превысила 16 тыс., к ноябрю - почти достигла 29 тыс., а в январе 1922 г. в Уфимской губернии было более 51 тыс. беспризорных детей [3, л. 38об.]. В составленном Деткомиссией ВЦИК в начале 1922 г. кратком очерке «Помощь голодающим детям» говорится, что с лета 1921 г. на узловых станциях железных дорог Поволжья собирается «масса детей, просящих помощи, умирающих с голоду и холоду». «Этот страдный крестный путь голодающего ребенка, — говорится далее в очерке, — покрыт детскими трупами: дети гибнут от голодного истощения, от различных заболеваний; особенно велика смертность среди детей в возрасте от 0 до 3 лет, где она по некоторым районам достигает 90 – 95 %» [3, л. 38]. В этих условиях органами власти было принято решение организованно эвакуировать голодающих детей в более плодородные губернии.

Чтобы справиться с ситуацией, в центре и на местах в 1921 г. стали организовываться специальные комиссии помощи голодающим [17]. Кроме них в губерниях при губсоцвосах назначались секретари, возглавлявшие работу по эвакуации, действовали губернские эвакуационные комиссии, детпродкомиссии. Силами этих органов на местах необходимо было создать целую сеть учреждений, приспособленных для оказания разного рода помощи детям Поволжья, которые прибывали изможденные, больные, нередко совершенно раздетые. «Распоряжения партии и правительства того времени, — писал в 1936 г. председатель Деткомиссии ВЦИК Н. А. Семашко по поводу проведенной в голодные годы эвакуации детей, — наглядно показывают, с какой исключительной заботливостью была проведена тогда охрана жизни и здоровья пострадавших от неурожая ребят» [18, с. 9]. Действительно, если ограничиться изучением распоряжений и циркуляров, то надо отдать должное этому правительству — ход эвакуации был тщательно продуман, разработано множество инструкций, выполнение которых должно было обеспечить бережное отношение к изнуренным голодом и болезнями детям. Перевозить их полагалось в специально оборудованных санпоездах с изоляторами для больных, банно-прачечными вагонами и кухней для приготовления горячей пищи, в сопровождении воспитателей и медицинских работников, при условии обеспечения всех теплой одеждой и пайками на весь период следования. Однако таковы были распоряжения и инструкции, но не реальность.

Реальная практика никак не хотела вписываться в рамки разработанных инструкций. Санпоездов не хватало, а умирающие от голода дети ждать не могли. В результате ослабленных голодом, больных детей спешно перевозили в тех поездах, которые удавалось достать. Чаще всего это были неотопливаемые товарные вагоны, не только без бани и прачечной, но нередко и вообще без воды. Одежду и скудные продовольственные пайки выдавали не всегда, в пути дети часто голодали. Объективные экономические трудности усугублялись халатностью и черствостью работников, нередко игнорировавших указания пропускать поезда с детьми вне очереди. Ужасающую картину обнаружил комендант станции Пресня при осмотре поезда с эвакуируемыми в Калугу детьми: «Дети валялись на полу полураздетыми, никакой посуды или какой-нибудь утвари для принятия пищи у детей не оказалось, а при опросе выяснилось, что с 3 августа, т.е. в течение 5 дней, никакой пищи они не получали, и продуктов у них не имелось никаких» [2, л. 310].

Очевидно, что в таких условиях неизбежными были массовые эпидемии и высокая смертность как детей, так и сопровождавших их педагогического и медицинского персонала. Точных данных о том, сколько детей погибло в ходе эвакуации, нет. По утверждению Семашко, всего в Советской России во время эвакуации «переболело» 554 ребенка и умерло 185 [18, с. 11]. Аналогичные данные приводятся и в отчете Эвакбюро об итогах эвакуации на 25 декабря 1921 г. [5, л. 13об.]. Видимо, именно на

этот отчет и опирался Семашко при подготовке своего праздничного отчетного доклада в связи с 15-летием работы Деткомиссии ВЦИК. Однако Семашко не учел некоторые немаловажные факты, которые в корне меняют ситуацию. В частности, указанный отчет относится лишь к начальному периоду эвакуации. Нет сведений о детях, эвакуированных по водным путям, а также о тысячах детей, перевезенных в товарных поездах без всякого медицинского контроля и без какого-либо учета. Установить точное количество погибших во время эвакуации детей невозможно. Статистика учитывала лишь смертность в пути, об уровне смертности детей вскоре после прибытия на место эвакуации практически ничего не известно [16, с. 164–165].

Как следует из документов Государственного архива Тульской области, в Тульскую губернию были эвакуированы дети преимущественно из Самарской и Саратовской губерний [10, л. 51]. В Тульском губоно на каждого ребенка, эвакуированного из голодающего Поволжья, была заведена карточка. В фонде ГУ ГАТО Р-326 «Тульский губернский отдел народного образования» были выявлены около 500 карточек. Формуляр заполнялся сотрудником губоно или опекуном ребенка и содержал следующие сведения:

- название губернии / уезда, в которую эвакуирован ребенок;
- дата составления;
- название учреждения / фамилия семьи, в которое(ую) прибыл ребенок;
- подпись составителя;
- фамилия, имя и пол ребенка;
- возраст ребенка;
- место рождения ребенка;
- адрес учреждения, из которого эвакуирован ребенок;
- сведения об отце (ФИО, умер / жив, место нахождения);
- сведения о матери (ФИО, умерла / жива, место нахождения);
- сведения о родственниках;
- точный адрес учреждения / семьи, в которое(ую) эвакуирован ребенок.

Организованный государственный характер создания документа наложил соответствующий отпечаток на его юридическое оформление – личное подписание карточки опекуном ребенка и заверение личной подписи составителя подписью официального лица и печатью учреждения. Данные внешние элементы документа обеспечивают высокую степень его достоверности.

Прием детей из голодающего Поволжья, за редким исключением, не был подготовлен. В «принимающих» губерниях детские дома были уже переполнены, средств на их расширение не хватало. В г. Туле губернским отделом народного образования был организован один изоляционный пункт с пропускной способностью в 1000 человек в сутки. На станции Тула Ряжская организованы комиссии по приему детей Поволжья и 2 приемника-распределителя на 500 человек, предполагалось, что из них детей будут направлять в уездные детские дома [8, л. 131]. В виде исключения было принято решение разрешить «размещение детей голодающих губерний у частных лиц», но при условии строгого соблюдения разработанных Деткомиссией правил передачи детей на патронат. Под патронатом в то время подразумевалась временная форма устройства детей-сирот в семью для воспитания и обучения. Патронирование должно было осуществляться на добровольной основе и оформляться специальным договором между органами власти и семьей, берущей ребенка на воспитание [16, с. 302–303]. В соответствии с правилами, местные отделы правовой защиты несовершеннолетних должны были заполнить на каждого передаваемого под частную опеку ребенка подробную анкету, выдать каждому ребенку на год 1 платье, 3 смены белья, шапку, рукавицы, по одной паре зимней и летней обуви, а также 1 пальто на 3 года. Не менее 1 раза в неделю каждого ребенка должен был посещать назначаемый из числа ответственных работников «коллективный опекун» и не менее 1 раза в 3 месяца —

врач. Семье, принимающей на воспитание ребенка, полагалось выплачивать регулярное пособие (точная сумма не установлена).

Для соблюдения всех этих условий не было ни средств, ни времени, ни людей, а иногда и желания. На практике частный патронат превратился в спешное принудительное расселение детей в семьи без какого-либо последующего контроля за их воспитанием. Согласно отчетам о работе тульского подотдела правовой защиты детей за 1922 г. желающих взять на свое иждивение ребенка были единицы, напротив, дети, принятые ранее, возвращались обратно [9, л. 21–30]. Семьи, сами едва сводившие концы с концами, были не слишком рады лишнему едоку. По данным ЦК Помгол, в Сибири, Подольской, Тверской и других губерниях большинство «розданных на руки населению» детей оказались вынуждены нищенствовать, лишь единицы встретили искреннюю заботу [4, л. 1]. Сотни детей бежали в Москву и близлежащие города, в том числе Тулу, в поисках защиты, но добраться до нее удалось далеко не всем.

Несмотря на вышеперечисленные печальные факты, председатель Эвакбюро Я. М. Фишман высоко оценил общие итоги эвакуационной кампании, особенно отметив энергию, проявленную руководящими органами, а также сочувствие и искреннее желание прийти на помощь голодающим детям, которое отмечалось со стороны всех ведомств [5, л. 178]. К совершенно противоположным выводам пришла комиссия Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), проводившая ревизию деятельности Эвакбюро:

«1. План эвакуации детей не выполнен. Этот план оказался теоретическим.

2. Эвакуированные дети в санпоездах и на вокзалах при посадках находились в самых ужасных условиях. Процент смертности и побегов детей чрезвычайно велики. Детские дома находились в состоянии дезорганизации. Передвижение поездов шло крайне медленно.

Эвакуация способствовала росту числа беспризорных детей.

Акты ревизии устанавливают полное пренебрежение внешних форм счетоводства, отчетности и проч. Невозможность установить в момент ревизии картину финансовых операций.

Акты ревизии материальной отчетности Эвакбюро указывают на ненадежность этого дела и позволяют утверждать о бесхозяйственности лиц, стоявших во главе эвакуации и руководивших эвакуацией.

Материалы, обнаруженные РКИ, давали все время определенную картину нецелесообразности дальнейшего продолжения эвакуации. В делах Эвакбюро между тем не найдено никаких документов, указывающих на то, что заведующий Эвакбюро входил с заявлениями в высшие инстанции о частичном или полном прекращении эвакуации» [7, л. 252].

Профессор Т. М. Смирнова приходит к выводу, что несмотря на некоторые положительные моменты в отдельно взятых регионах, кампания по эвакуации детей не оправдала возлагаемых на нее ожиданий и приняла трагический характер. Несмотря на крайне тяжелую ситуацию, значительное количество погибших детей можно было спасти [16, с. 169].

Со сбором нового урожая – осенью 1922 г. – ситуация в стране несколько улучшилась. Центральную и местные комиссии помощи голодающим решено было распустить, а вместо них создать новые комиссии для ликвидации последствий голода: содействия восстановлению разрушенных хозяйств, помощи беспризорным и др. Органы власти приняли решение о реэвакуации, т.е. возвращении детей Поволжья на родину. Проведение этой кампании также имело свои сложности. Реэвакуация растянулась на несколько лет, организована она была еще хуже и прошла крайне неблагоприятно. Принимающие губернии без предупреждения и согласования с надлежащими ведомствами самовольно отправляли детей в еще не оправившиеся от голода губернии, которые, в свою очередь, отказывались принимать реэвакуированных детей, и несчастных перевозили из города в город, в результате чего они нередко оказывались на улице [16, с. 168]. В общей сложности по РСФСР к 1 января 1923 г. было

реэвакуировано лишь около 35 тыс. детей [6, л. 53об.].

Подводя итог, следует отметить, что первые годы НЭПа стали одним из наиболее сложных и неблагоприятных периодов в процессе складывания социальной системы защиты детей. В экстремальных условиях голода и борьбы с его последствиями проявились противоречия советской послереволюционной действительности. Основные усилия в это время были направлены на восстановление экономики страны. Перспективных программ по функционированию социальной сферы в новых экономических условиях разработано не было, и политика в области охраны детства осуществлялась методами проб и ошибок. Постоянно возникали противоречия между провозглашенными социальными лозунгами, реальными возможностями страны и задачами восстановления экономики, в том числе за счет сокращения затрат на социальную сферу.

Список источников и литературы

1. Антибольшевистское правительство (Из истории Белого движения) : сборник документов / сост. С. П. Васильченко, О. А. Васьковский, Е. П. Сичинский, Т. И. Славко. Тверь: Изд-во ТвГУ, 1999. 219 с.
2. Государственный архив Российской Федерации [ГАРФ]. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48.
3. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 88.
4. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 96.
5. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 102.
6. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 168.
7. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 184.
8. Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» [ГУ ГАТО]. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 320.
9. ГУ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 537.
10. ГУ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 538.
11. ГУ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 2. Д. 1421.
12. Детская беспризорность и детский дом: сборник статей и материалов Второго Всероссийского съезда СПОН по вопросам детской беспризорности и правовой охраны детей и подростков / под ред. С. С. Тизановой, В. Л. Швейцер и В. М. Васильевой ; Нар. ком. по просвещению РСФСР, Главсоцвос. М.: Отд. соц.-правовой охраны несовершеннолетних, 1926. 240 с.
13. Маро (Левитина) М. И. Беспризорные: Социология. Быт. Практика работы / с предисл. проф. А. Б. Залкинда. М.: Новая Москва, 1925. 454 с. (Б-ка «Вестн. просвещения»).
14. Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 1: 1900 – 1939 гг. / [Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская, Л. С. Рогачевская и др.; отв. ред. В. В. Жиромская]. М.: РОССПЭН, 2000. 463 с.
15. Орлов И. Б. Между «Царь-голодом» и «Товарищем Урожаем» (1921 – 1922 гг.) // Социальная история : ежегодник : 2001/2002. М.: РОССПЭН, 2004. С. 467–485.
16. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917 – 1940 гг. М.: Ин-т российской истории РАН ; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 382 с.
17. Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1921. № 55. Ст. 342.
18. XV лет работы по улучшению жизни детей : (стенограмма заседания Президиума ВЦИК 20 февр. 1936 г.). М.: Деткомиссия при ВЦИК – изд-во «Власть советов», 1936. 47 с.

References

1. *Antibol'shevistskoye pravitel'stvo (Iz istorii Belogo dvizheniya: sbornik dokumentov [The Anti-Bolshevik Government (From the History of the White Movement): collection of documents] compiled by: S. P. Vasil'chenko, O. A. Vas'kovskii, E. P. Sichinskii, T. I. Slavko. Tver': Izdatelstvo Tverskogo Gosudarstvennogo Universiteta Publ., 1999. 219 p. [In Russian].*
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation (hereinafter - SARF)]. Fund P-5207. Inventory 1. File 48. [In Russian].*
3. *GA RF [SARF]. Fund P-5207. Inventory 1. File 88. [In Russian].*
4. *GA RF [SARF]. Fund P-5207. Inventory 1. File 96. [In Russian].*
5. *GA RF [SARF]. Fund P-5207. Inventory 1. File 102. [In Russian].*
6. *GA RF [SARF]. Fund P-5207. Inventory 1. File 168. [In Russian].*
7. *GA RF [SARF]. Fund P-5207. Inventory 1. File 184. [In Russian].*
8. *Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyi arkhiv Tul'skoi oblasti». [State Archive of Tula Oblast (hereinafter – SATO)]. Fund P-326. Inventory 1. File 320. [In Russian].*
9. *GATO [SATO]. Fund P-326. Inventory 1. File 537. [In Russian].*
10. *GATO [SATO]. Fund P-326. Inventory 1. File 538. [In Russian].*
11. *GATO [SATO]. Fund P-326. Inventory 2. File 1421. [In Russian].*
12. *Detskaya besprizornost' i detskiy dom [Child homelessness and an orphanage]. Sbornik statey i materialov Vtorogo Vserossiyskogo s'yezda SPON po voprosam detskoj besprizornosti i pravovoy okhrany detey i podrostkov [Collection of articles and materials of the Second All-Russian Congress of SPON on issues of child homelessness and legal protection of children and adolescents] ed. by S. S. Tizanova, V. L. Schweitzer and V. M. Vasilyeva; People's Committee for Education of the RSFSR, Glavsotsvos. Moscow: Otdeleniye sots. -pravovoy okhrany nesovershennoletnikh Publ. 1926, 240 p. [In Russian].*
13. *Maro (Levitina M.I.). Besprizornye. Sotsiologiya. Byt. Praktika raboty. [Street kids. Sociology. Mode of life. Working practice] with a foreword by prof. A. B. Zalkind. Moscow: Novaya Moskva Publ., 1925. 454 p. [In Russian].*
14. *Naseleniye Rossii v XX veke. istoricheskiye ocherki. V 3 tomakh. T. 1: 1900 – 1939 gg. [The population of Russia in the XX century: Historical essays in 3 volumes. Vol. 1]. Exec. ed. Iu. A. Poliakov. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000. 463 p. [In Russian].*
15. *Orlov I. B. Mezhdru «Tsar'-golodom» i «Tovarishchem-Urozhaem». [Between «Tsar-famine» and «Comrade-Harvest»]. Sotsial'naiia istoriia. Ezhegodnik. 2001/2002 [Social History: Yearbook: 2001/2002]. Moscow, 2004. Pp. 467–485. [In Russian].*
16. *Smirnova T. M. Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoi politiki k realiiam povsednevnoi zhizni. 1917 – 1940 gg. [Children of the Soviet land: From public policy to realities of everyday life. 1917 – 1940]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN Publ.; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2015. 382 p. [In Russian].*
17. *Sobranie zakononii RSFSR (SU RSFSR). [Collection of laws of the RSFSR (SU RSFSR)]. 1921. Issue 55. Art. 342. [In Russian].*
18. *XV let raboty po uluchsheniiu zhizni detei. [15 years of work to improve the lives of children] (stenogramma zasedaniya Prezidiuma VTSIK 20 fevralya 1936 g.). Moscow: Detkomissiiia pri VTsIK Publ., 1936. 47 p. [In Russian].*

Дата поступления статьи: 24.02.2021
Дата решения о публикации: 25.03.2021

Date of receipt of article: 24.02.2021
Date of publication decision: 25.03.2021

Сведения об авторе

Евсеева Татьяна Ильинична,
главный методист отдела научно-
исследовательской и методической
работы Государственного учреждения
«Государственный архив Тульской
области» (ГУ ГАО)
(e-mail: evseeva2@bk.ru)

Information about the Author

Evseeva Tatyana Ilinichna,
Chief Methodologist of the Department of
Research and Methodological Work,
State Archive of Tula Oblast (SATO)
(e-mail: evseeva2@bk.ru)

ОТОЗВАНА/RETRACTED 11.05.2021

МАТЕРИНСТВО И ДЕТСТВО В СЛОЖНЫХ МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВЫХ УСЛОВИЯХ НЕСТОЛИЧНОГО РЕГИОНА 1950 – 1960-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДА)*

И. В. Богдашина

*Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
(г. Москва, Россия)*

Аннотация: В статье раскрываются мероприятия, предпринятые советским государством в 1950 – 1960-е гг. в области женского здоровья, охраны материнства и детства. Нормативно-правовые акты наряду со средствами массовой информации определяли как допустимые, так и запретные правила и нормы, являясь регулятором репродуктивного поведения. Материалы эго-документов совершенно с иной стороны раскрывают реальные чувства и переживания женщин, связанные с материнскими практиками. Изучение повседневности и быта женщин в аспекте, касающемся планирования беременности, вынашивания и воспитания детей, позволит сравнить намеченные государством задачи и действительное положение дел в области охраны материнства и детства. Условия практически постоянных нехваток и беспорядков в лечебных и детских дошкольных учреждениях города, заставляли женщин подстраиваться под сложившуюся ситуацию. Совмещая роли работницы, жены и матери, горожанки возлагали на себя практически непосильный труд, который сказывался на их физическом и моральном здоровье. Процедура легализации абортов предоставила женщинам право самим решать вопрос о материнстве, однако реалии нестоличного региона вносили свои коррективы в жизни горожанок. Материнские практики, которые в большинстве случаев проходили все еще в тяжелых жилищных и материальных обстоятельствах, становились заботой женщин нескольких поколений.

Ключевые слова: материнство, детство, повседневная жизнь, здравоохранение, Волгоград, период «оттепели».

* Подготовлено по плану НИР ИЭА РАН и проекту РФФИ № 19-09-00191.

MOTHERHOOD AND CHILDHOOD IN DIFFICULT MATERIAL AND LIVING CONDITIONS OF THE NON-CAPITAL REGION OF THE 1950 – 1960s (ON THE EXAMPLE OF VOLGOGRAD)*

I. V. Bogdashina

*The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay
Institute of Ethnology and Anthropology
(Moscow, Russia)*

Abstract. The article reveals the measures taken by the Soviet state in the 1950 – 1960s in the field of women's health, maternal and child health. Normative legal acts, along with the mass media, determined both permissible and forbidden rules and norms, being a regulator of reproductive behavior. The materials of ego documents from a completely different perspective reveal the real feelings and experiences of women associated with maternal practices. The study of the everyday life and everyday life of women in the aspect of planning pregnancy, bearing and raising children will allow comparing the tasks set by the state and the actual state of affairs in the field of maternal and child health. The conditions of almost constant shortages and unrest in medical and preschool institutions of the city forced women to

adapt to the current situation. Combining the roles of a worker, a wife and a mother, city dwellers took on almost overwhelming work, which affected their physical and mental health. The procedure for legalizing abortion gave women the right to decide the issue of motherhood for themselves, but the realities of the non-capital region made their own adjustments in the lives of urban women. Maternal practices, which in most cases still took place in difficult housing and material circumstances, became the concern of women of several generations.

Keywords: motherhood, childhood, everyday life, healthcare, Volgograd, the period of the "thaw".

*** The study was carried out according to the research plan of the IEA RAS and the RFBR project 19-09-00191.**

На протяжении советского периода, государство практически непрерывно осуществляло контроль над репродуктивной системой, формируя идеологические представления через официальные указы и постановления, а также средства массовой информации, предназначенные для женщин. Исследования, посвященные охране материнства и детства, начали появляться еще в изучаемый нами период. Труды представляли собой руководства, брошюры и пособия, предназначенные в первую очередь для медицинских работников [32; 65; 45; 46]. В 1970 – 1980-е гг. появляются работы, посвященные женской занятости в условиях материнства [74; 66; 36; 47]. Со сменой идеологических установок в 1990-е гг., исследователи стали выдвигать новые утверждения о положении советской женщины. Вопросам социального обеспечения женщин посвящено немало трудов, многие из которых носят региональный характер [3; 44; 71; 73]. Материнство, как социокультурный феномен было рассмотрено Н. Л. Пушкаревой, Н. А. Мицюк и А. В. Беловой [61; 62; 63; 64]. Современные исследователи пришли к выводу о том, что в советский период женский вопрос не был решен, и по-прежнему сохранялись проблемы функционирования системы здравоохранения и социальной поддержки женщин. Цель работы состоит в выявлении повседневно-бытовых материнских практик в период 1950 – 1960-х гг.

Следует отметить, что именно в период «оттепели» происходит «частичная реабилитация личной жизни» [61, с. 17]. Одним из важных событий явилась отмена в 1955 г. запрета на искусственное прерывание беременности, что дало возможность женщине «самой решать вопрос о материнстве» [53]. Кроме того, был увеличен отпуск по беременности и родам, который составлял теперь 56 дней до и 56 после родов (до этого отпуск составлял 38 дней) [54]. Государство предпринимало важные шаги, направленные на развитие социальной поддержки матерей, однако в условиях нестоличного региона этого оказывалось недостаточно. Легализация аборт повлекла за собой не только еще большую распространенность процедуры, но и выявила неподготовленность региональных учреждений здравоохранения к осуществлению данной программы [15, л. 42; 16, л. 183]. Тем не менее, женщины теперь имели открытое право выбора: «Д. кажется беременна. Если сына – хочет рожать, если дочь – нет. Как быть?» – записала о своей близкой подруге хирург З. С. Седельникова в дневнике (И. Б. – октябрь 1963 г.) [9, л. 147]. Однако разговоры на данную тему по-прежнему оставались интимной сферой и носили табуированный характер.

Периодическая печать и различные пособия выступали практически единственным источником информации для женщин, из которых они жадно черпали советы. Стоит отметить, что немногие горожанки знали о существовании данных источников, а те женщины, которые читали нужную литературу, все равно оказывались неподготовленными к реальным ситуациям: «Книг по половому воспитанию не было, все узнавали друг у друга. Я в десятом классе ничего об этом не знала»; «Была книга “Девочка, девушка, женщина”, мама купила мне, когда я была в старших классах. Все хотели такую книгу, там было любопытно все, но вопросы личной жизни абсолютно не обсуждались, я даже не знаю, почему так, но я совершенно была не

подготовлена к замужней жизни, совершенно, хотя я читала об этом в книге» [57]. В журналах, предназначенных для женщин, тема полового воспитания начинает открыто подниматься лишь к середине 1960-х гг. Например, только в выпуске 1965 г. журнала «Здоровье» появляется рубрика «Разговор о половом воспитании» [40, с. 4–6].

На протяжении 1950 – 1960-х гг. именно аборт (зачастую криминальный) продолжал оставаться самым распространенным способом регулирования рождаемости [10, л. 283]. Несмотря на появление специализированной литературы, которая должна была осведомить женщин о правилах личной гигиены, вреде аборта и способах контрацепции – грамотность женщин в отношении полового воспитания оставалась все еще крайне низкой [42, с. 19, 89; 38, с. 82; 39, с. 111]. Причинами низкой осведомленности населения являлась не только государственная политика, но и замкнутость самих женщин, которые, как правило, не обсуждали личную жизнь ни с мамами, ни с подругами: «Я сама не хотела разговаривать об этом с мамой, и в школе об этом не говорили. Книгу “Девочка, девушка, женщина” мы читали вместе с подругами, но открыто это все не обсуждалось»; «Моя подруга лучшая в десятом классе родила, мы с ней об этом не разговаривали, это было интимно» [57]. Научно-просветительская литература рассказывала о различных видах контрацепции, которая, в большинстве случаев предназначалась для женщин, что определяло данную задачу именно как женскую прерогативу. Важную роль государство возлагало на лекционную пропаганду в женских лечебных учреждениях, однако в регионе данная работа велась на недостаточном уровне. Например, проверка городских женских консультаций в 1966 г. показала, что «в ряде консультаций в недостаточном объеме проводится санитарно-просветительская работа по таким актуальным разделам, как борьба с абортами, пропаганда применения противозачаточных средств» [22, л. 5].

Специальная литература, рассказывающая женщинам о противозачаточных средствах начала появляться только во второй половине 1950-х гг. [51]. Первым таким изданием (1959 г.) стала брошюра «Аборт и предупреждение беременности (противозачаточные средства)». Вместе с традиционной информацией о строении женского организма, гигиене и последствиях аборта, появились сведения о противозачаточных средствах. Иллюстрации, сопровождающие брошюры, наглядно показывали, как следует пользоваться средствами контрацепции [52, с. 29–36]. Однако сами женщины, даже при наличии у них таких средств, от незнания и нежелания отказывались ими пользоваться: «Презервативы вообще были, я помню, когда выходила замуж, старшая сестра Люба мне подарила два презерватива. Да какой там, я даже не знала, как ими пользоваться» [57].

Брошюра регионального издательства «Гигиена женщины» стала выпускаться в середине 1950-х гг., однако она еще обходила стороной столь нужную тему контрацепции. Лишь в третьем издании 1967 г. появляется информация о противозачаточных средствах [1; 2, с. 56–61]. В рубрике «Советы здоровья» журнала «Здоровье», который читался жительницами региона, также можно было встретить заметки, посвященные противозачаточным средствам, однако едва ли каждая женщина могла применить полученные знания на практике [58, с. 31; 57]. Несмотря на выпуск просветительской литературы, многие женщины были по-прежнему не осведомлены о способах и методах контрацепции: «Контрацепции не было, никто о ней не знал»; «Тогда книг, ничего не было, что подружка сказала, то и знала. Никто не беседовал, темные люди были в этом плане» – сетуют опрошенные нами женщины [57]. Из средств контрацепции женщины отмечают только спирали, которые стали доступны для них лишь в 1970-е гг. [57].

В 1950 – 1960-е гг. популярность начинают приобретать публичные лекции, читаемые не только лекторами общества «Знание», но и работниками самих учреждений. Особую роль такие лекции выполняли на предприятиях с преимущественно женским коллективом, например, на одной из швейных фабрик проводились беседы

на темы: «Брак и семья в советском государстве», «Гигиена женщины» [30, л. 31; 31, л. 51]. На партийных собраниях женщинами обсуждались вопросы о продлении отпусков по беременности, сокращении рабочего дня, воспитании детей [27, л. 6; 28, л. 3–8; 29, л. 23–27]. Однако на деле, и в середине 1960-х гг. во многих консультациях и предприятиях города, санитарно-просветительская работа проводилась «совершенно неудовлетворительно и страдала существенными недостатками» [22, л. 3–4].

Проще и дешевле было сделать аборт, к которому на протяжении жизни женщины прибегали неоднократно: «Соседка, помню, двадцать пять абортотделов сделала, и детей было шестеро, я всегда удивлялась, как так»; «Аборты делали все, помню, когда делала первый аборт, с нами лежала женщина и хвалилась, что она делает уже одиннадцатый аборт» [57]. В середине 1950-х гг. посетительницей женской консультации могла быть женщина сорока одного года, имеющая пятнадцатую беременность и восьмые роды, или женщина уже сорока семи лет с двадцать второй беременностью и пятью родами [12, л. 54–55]. Так называемые криминальные аборты имели свое место и после легализации процедуры, многие женщины буквально рисковали своей жизнью, решаясь на вмешательства в домашних условиях. Смертность от внебольничных абортов была особенно высокой, женщины в отчаянии решались на процедуру, за которую нередко расплачивались собственной жизнью. В 1952 г. с целью прервать беременность, женщины прибегали к самым различным способам: вводили в полость матки растворы мыла и марганца или раствор «неизвестный», купленный у незнакомой на базаре, открывали матку палочкой, которую не кипятили [10, л. 47–49]. Не были изжиты такие методы и после легализации процедуры, что было связано не только с длинной очередностью, но и плохими квартирными условиями, периодом лактации, внебрачными связями и многодетностью женщин [17, л. 159; 15, л. 117].

Государство считало своей важнейшей задачей повысить уровень рождаемости, однако медицинское и социальное обеспечение в городе не всегда способствовали рождению здорового потомства. Просветить женщин в вопросах, связанных с вынашиванием детей и подготовкой к родам, была призвана массовая научно-популярная литература. Первые пособия по гигиене для женщин во время беременности появляются в послевоенные годы, но активно они начинают выходить в регионах к середине 1950-х гг. [76; 35]. Выпускалось пособие «Гигиена беременной женщины», в котором поднимались вопросы гигиены тела и половой жизни, питания во время беременности [33; 34]. В женских журналах, можно было найти советы по гигиене в родовой и послеродовой периоды [58; 59; 70; 75].

Тема обезболивания родов поднимается в средствах массовой информации [5; 41, с. 8]. В региональном издании 1954 г. было указано, что «в Сталинградской области у тысячи женщин роды прошли без боли» [1, с. 43–44]. Например, в 1952 г. психопрофилактической подготовкой к родам в одном из учреждений было охвачено 75% женщин, однако в первом полугодии 1956 г. данным методом подготовлено было лишь 4,5% беременных города [10, л. 240; 14, л. 127]. Ситуация начала выравниваться только к 1960-м гг., когда в период с 1960 по 1962 гг. процентное соотношение по охвату обезболивания поступательно увеличивалось [25, л. 29]. О медикаментозном обезболивании в региональной литературе стало упоминаться только во второй половине 1960-х гг. [2, с. 27]. Одна из информанток вспоминает болезненные роды в 1965 г.: «Я рожала в центральном роддоме. Схватки начались, мы оделись с Робертом и пошли пешком, роддом рядом с домом был. Обезболивания не было, орала дурным голосом» [57].

Число коек для беременных женщин и рожениц в регионе к 1965 г. в сравнении с 1950 г. возросло чуть более чем в 1,5 раза [49, с. 252]. Абсолютное большинство опрошенных нами женщин рожали в лечебных учреждениях [57]. Однако бывали случаи, которые ставили жизнь рожениц под угрозу: «Во время родов, когда мне делали укол, занесли инфекцию и пошло заражение, шприцы же тогда кипятили, плохо обрабатывали и так получилось» – вспоминает одна из женщин [57]. А случаи смерти рожениц

обязательно передавались на расследование в прокуратуру, потому как нередко за смертью женщин скрывалось халатное отношение медицинских работников [11, л. 149; 13, л. 53, 70; 23, л. 147; 21, л. 29–30]. На протяжении всего периода в регионе наблюдалась перегрузка больничных коек, в том числе и в родильных отделениях [23, л. 188]. Остро стояла проблема санитарного состояния родильных домов; приказы горздрава пестрят примерами вспышек инфекционных заболеваний среди рожениц и новорожденных. Данные обстоятельства, вынуждали руководство раньше срока закрывать родильные дома на профилактические чистки, что в первую очередь создавало дефицит коечного фонда в городе [19, л. 116, 284; 20, л. 185; 24, л. 167]. Неудовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние, а нередко и необходимость срочного ремонта родильных учреждений, доставляли массу неудобств роженицам, ведь стокилометровый город в каждом из своих районов насчитывал не более одного родильного дома [25, л. 1; 21, л. 366].

Еще более сложный период наступал для молодых матерей с рождением ребенка. За советами женщины обращались к журналам, которые зачастую оказывались для них более доступным источником, нежели научно-популярная литература. На страницах журнала «Здоровье» регулярно освещались вопросы материнства и детства, ведь перед женщиной-труженицей ставилась задача «продолжать свою производственную и общественную деятельность», чему должна была способствовать развернутая сеть детских дошкольных учреждений [4; 55]. Советы по воспитанию детей молодые мамы находили в различных источниках: «Мои тетушки меня обучали всему, и как детей воспитывать»; «Была книга “От ноля до семи”, оттуда брала советы, как кормить и мыть» [57]. В журнале «Крестьянка» была рубрика «Беседы с матерями», в которой женщинам рассказывалось об уходе за грудными детьми, детской физиологии и болезнях [56; 37; 48]. Советы имелись в журнале «Работница» в таких рубриках, как «На педагогические темы», «Советы врача», «Советы для родителей», рассказывающие о воспитании и лечении детей [72; 43; 50].

Большинство женщин из-за тяжелых материальных условий, были вынуждены сразу выходить на работу: «В декабре 1963 г. уже вышла, так как много работы и надо было работать»; «Дочь родила в 1964 г., в декрете почти не была и вышла почти сразу, ведь жить надо было на что-то» [57]. Женщинам с детьми не так-то просто было устроиться на работу, о чем рассказала одна из информанток: «Моя мама много раз ходила на завод устраиваться на работу, ее долго не брали, в итоге она работала неполный рабочий день, потому как была кормящей матерью, материально было очень тяжело» [57]. По рассказам женщин, большинство из них отдавали своих детей в ясли и сад, однако нередко приходилось оставлять малышей на попечение няням и соседям: «Дочь младшая ходила в ясли с десяти месяцев, потом в садик, но там часто болела и наша знакомая сидела с ней»; «В полтора года отдала в ясли, а с трех лет в детский сад, до этого нам помогала бабушка-соседка»; «У меня было двое детей, и я работала все время. Была у нас нянечка-соседка, платили ей конечно. Детские сады были, в три года отдавала уже и в садик» [57]. Маленьких детей кормили грудным молоком и молочными кашами: «У меня очень много было жирного молока, соседского сына тоже кормила»; «Так как у меня было жирное молоко, то детскую кухню не предоставили. Варила манную, пшеничную, рисовую каши» [57]. Молочные кухни являлись хорошим подспорьем в кормлении ребенка, однако их санитарное состояние не всегда соответствовало нормам. К 1962 г. в городе работало девять молочных кухонь, то есть по одному, в редких случаях по два пункта в каждом районе, чего было явно недостаточно для детского населения. Из девяти учреждений в специально выстроенных помещениях было размещено только пять, а сами кухни нередко были плохо укомплектованы и находились в антисанитарном состоянии [19, л. 248, 334; 18, л. 6; 13, л. 133].

Совмещение роли матери-работницы требовало от женщин немало сил, стойкости и терпения. Горожанки находили поддержку в лице родственных женщин старшего поколения, реже рассчитывали на помощь мужей, а потому привлекали

знакомых женщин, выполняющих роль нянь и сиделок. Воспитание ребенка в домашних условиях в первые годы его жизни являлось достаточно распространенной практикой, что было связано с недоступностью детских учреждений для многих семей. Несмотря на то, что к 1965 г. в сравнении с 1950 г., число яслей выросло в 2 раза, количество детей в них возросло в 2,6 раза, в то время как число детских садов было увеличено в 2,5 раза, а количество детей в 2,4 раза [49, с. 251]. Статистические данные свидетельствуют о том, что в большей степени регион нуждался в ясельных учреждениях, которые практически всегда были переуплотнены, в то время как сады пополнялись относительно пропорционально [16, л. 79; 26, л. 19]. Однако даже если удавалось устроить ребенка в заветные ясли или сад, обслуживание в этих учреждениях находилось далеко не на высоком уровне. Встречались случаи смертей детей, что происходило как от недостатка медицинского осмотра, влекущего за собой вспышки смертельных инфекционных заболеваний, так и от невнимательного, халатного отношения обслуживающего персонала к подопечным [16, л. 71; 13, л. 172; 23, л. 150, 247; 21, л. 63–65; 20, л. 319]. Нередко детские учреждения находились в антисанитарном состоянии, например, в 1954 г. в яслях № 37 развелось большое количество грызунов-крыс [11, л. 49, 133; 13, л. 73]. Проверки детских яслей показывали, что питание детей находилось на очень низком уровне, было неразнообразным, а многие нужные продукты вовсе не завозились в учреждения [26, л. 9, 12, 14]. Совершенно иная картина представлялась в средствах массовой информации, где детские учреждения, «сделанные с любовью» радовали детей и родителей [67; 68; 6; 7; 8]. На всеобщее обозрение не выносилось антисанитарное состояние, плохое питание и смертельные случаи, которые показывали истинное положение дел в системе детского здравоохранения. Несмотря на множественные недостатки, работающим женщинам, не имеющим помощников, не оставалось иного выхода, как отдать ребенка на попечение в ясли и сад.

Непростые условия проживания в возрождающемся после войны городе, ставляли женщин подстраиваться под жизненные реалии. Катастрофическая нехватка лечебных учреждений (как женских, так и детских), а также неудовлетворительное их состояние, лишь усложняли жизнь молодым матерям. Аборты, зачастую криминального характера, оставались на протяжении 1950 – 1960-х гг. единственным способом регулирования рождаемости для горожанок нестоличного региона. Данные меры являлись фактом безысходности и отчаяния, за что женщины расплачивались не только своим здоровьем, но и жизнью. Осведомленность женщин в вопросах полового воспитания и контрацепции оставалась все еще на низком уровне. Научно-популярная литература, раскрывающая тонкости тщательно скрываемой от общественности темы, выпускалась небольшими тиражами и не удовлетворяла информационных потребностей жительниц города. Процедура легализации абортов, явилась важным шагом со стороны государства и дала женщинам право самим решать вопрос о материнстве. Однако в реальной ситуации лечебные учреждения города не могли удовлетворить потребности всех жительниц. В непростых жилищных и материальных условиях, заботы о воспитании детей ложились на плечи молодых матерей, которым было непросто совмещать вверенную им роль матери-работницы.

Список источников и литературы

1. *Ананьев Я. М. Гигиена женщины. Сталинград: Сталингр. кн. изд-во, 1954. 96 с.*
2. *Ананьев Я. М. Гигиена женщины. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1967. 64 с.*
3. *Антонова М. В. Советская социальная политика: семейно-бытовой аспект: 1950–1960-е годы (на материалах Ленинграда) : дис. ...канд. ист. наук : 07.00.02. / Антонова Мария Владимировна. СПб., 2010. 202 с.*

4. Боголепова Л. С. Охрана здоровья женщин и детей // *Здоровье*. 1955. № 3. С. 1.
5. Вельвовский И. З. Роды без боли // *Здоровье*. 1957. № 5. С. 13–15.
6. *Волгоградская правда*. 1963. № 264.
7. *Волгоградская правда*. 1964. № 34.
8. *Волгоградская правда*. 1964. № 80.
9. Государственное казенное учреждение Волгоградской области «Государственный архив Волгоградской области» (ГКУВО ГАВО). Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 29.
10. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 7. Д. 117.
11. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 7. Д. 140.
12. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 7. Д. 151.
13. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 7. Д. 165.
14. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 7. Д. 185.
15. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 7. Д. 197.
16. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 11. Д. 34.
17. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 11. Д. 47.
18. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 11. Д. 48.
19. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 11. Д. 56.
20. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 11. Д. 84.
21. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 11. Д. 121.
22. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 11. Д. 169.
23. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 11. Д. 220.
24. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 11. Д. 328.
25. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 12. Д. 11.
26. ГКУВО ГАВО. Ф. Р-6719. Оп. 1. Д. 30.
27. Государственное казенное учреждение Волгоградской области «Центр документации новейшей истории Волгоградской области» (ГКУВО ЦДНИВО). Ф. 340. Оп. 1. Д. 12.
28. ГКУВО ЦДНИВО. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 40.
29. ГКУВО ЦДНИВО. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 41.
30. ГКУВО ЦДНИВО. Ф. 10096. Оп. 1. Д. 8.
31. ГКУВО ЦДНИВО. Ф. 10096. Оп. 1. Д. 9.
32. Государственная охрана прав матери и ребенка в СССР : (сб. важнейших офиц. материалов) / сост. Ф. А. Артемьев. М.: [б. и.], 1952. 60 с.
33. Гранат Н. Е. Гигиена беременной женщины. М.: Медгиз, 1955. 32 с.
34. Гранат Н. Е. Гигиена беременной женщины. Минск: Госиздат БССР, 1963. 92 с.
35. Давыдов В. И. Гигиена беременной женщины. Свердловск: Свердл. обл. гос. изд-во, 1952. 44 с.
36. Данченко Н. И. Правовая охрана труда женщин в СССР. Киев: Наук. думка, 1985. 159 с.
37. Доброхотова А. И. Что надо знать родителям о кори // *Крестьянка*. 1955. № 3. С. 30.
38. Домоводство / сост. А. А. Демезер, М. Л. Дзюба. М.: гос. изд-во с.-х. лит., 1958. 560 с.
39. Домоводство / под ред. В. А. Мартемьянова. М.: Колос, 1965. 759 с.
40. Колбановский Е. М. Предупреждение сексуальности у детей // *Здоровье*. 1965. № 7. С. 4–6.
41. Константинов В. И. Возможны ли роды без боли. М.: Медгиз, 1960. 38 с.
42. Коробкевич О. Вам, девушки. М.: Медгиз, 1961. 272 с.
43. Кудрявцева В. П. Не запускайте болезнь у детей // *Работница*. 1959. № 6. С. 29.
44. Кузнецова И. П. Государственная политика в области охраны материнства и детства во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х годов (на примере Башкирской АССР) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014. № 8. С. 41–48.

45. Мананникова Н. В. Охрана материнства и детства в СССР. М.: Медгиз, 1956. 76 с.
46. Мананникова Н. В. Охрана материнства и детства в СССР. М.: Медгиз, 1959. 104 с.
47. Машика Т. А. Занятость женщин и материнство. М.: Мысль, 1989. 285 с.
48. Михайлов Ю. Почему дети плачут? // Крестьянка. 1955. № 6. С. 23.
49. Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет : стат. сб. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1967. 263 с.
50. Невская Т. Если ребенок заболел... // Работница. 1962. № 6. С. 32.
51. Никончик О. К. Аборт и его последствия. М.: Медгиз, 1956. 35 с.
52. Никончик О. К. Аборт и предупреждение беременности (противозачаточные средства). М.: Медгиз, 1959. 36 с.
53. Об отмене запрещения абортотворения : указ Президиума ВС СССР от 23.11.1955 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15519#09135342238891582> (дата обращения: 14.02.2021).
54. Об увеличении продолжительности отпусков по беременности и родам : указ Президиума ВС СССР от 26.03.1956 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17167#07903103934895195> (дата обращения: 14.02.2021).
55. Орлова Д. Ясли и сад – вместе // Здоровье. 1959. № 12. С. 26–27.
56. Павлова А. Уход за грудным ребенком // Крестьянка. 1955. № 9. С. 30.
57. ПМА 1 – Полевые материалы автора. г. Волгоград, апрель–декабрь 2019 г., январь–декабрь 2020 г. (информанты – МП 1933 г.р.; НФ 1933 г.р.; РА 1935 г.р.; ЛВ 1936 г.р.; ИВ 1937 г.р.; НВ 1938 г.р.; ТГ 1940 г.р.; НП 1941 г.р.; ЛВ 1943 г.р.; АД 1943 г.р.; ЕВ 1944 г.р.; НЕ 1945 г.р.; ГП 1945 г.р.; ТВ 1948 г.р.; ОВ 1953 г.р.; ЛГ 1954 г.р.).
58. Пирадова М. Д. Противозачаточные средства // Здоровье. 1957. № 8. С. 31.
59. Пирадова М. Д. До и после родов // Здоровье. 1958. № 7. С. 22–24.
60. Пирадова М. Д. Гигиена беременной женщины // Здоровье. 1957. № 3. С. 28.
61. Пушкарева Н. Л. Гендерная система советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 17.
62. Пушкарева Н. Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47–59.
63. Пушкарева Н. Л. Материнство как социально-исторический феномен // Материнство и отцовство как социально-культурные феномены / под. ред. Т. Б. Рябовой. Иваново: ИвГУ, 2001. С. 93–106.
64. Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н. Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI – XX веков. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 504 с.
65. Руководство для врачей яслей и домов ребенка / отв. ред. Л. В. Гречишникова. М.: Медгиз, 1954. 419 с.
66. Советская женщина: труд, материнство, семья / сост. З. П. Крылова. М.: Профиздат, 1987. 172 с.
67. Сталинградская правда. 1954. № 276.
68. Сталинградская правда. 1957. № 16.
69. Стародуб Л. И. Женщина и общественный труд. Л.: Лениздат, 1975. 92 с.
70. Степанов Л. Гигиена беременной женщины // Советская женщина. 1956. № 6. С. 44.
71. Такташева Ф. А. Развитие системы охраны здоровья женщин и детей в Сталинградской области в 1945-м – начале 1950-х гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 4. С. 184–189.
72. Турнин В. Наши малыши // Работница. 1957. № 6. С. 26–27.

73. Фахрутдинова Н. Р. Политика охраны материнства и детства в РСФСР в 1950–1980 годах и ее региональные проявления // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2017. № 22. С. 129–131.
74. Харчев А. Г. Профессиональная работа женщин и семья. Л.: Наука, 1971. 176 с.
75. Хренова В. Г. Гигиена послеродового периода // Здоровье. 1958. № 8. С. 30.
76. Черепяхин Г. К. Что нужно знать беременной женщине. Горький: Горьк. обл. гос. изд-во, 1950. 36 с.

References

1. Anan'ev Ya. M. *Gigiena zhenshchiny [Woman's Hygiene]*. Stalingrad: Stalingradskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1954. 96 p. [In Russian].
2. Anan'ev Ya. M. *Gigiena zhenshchiny [Woman's Hygiene]*. Volgograd: Nizhne-Volzhskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1967. 64 p. [In Russian].
3. Antonova M. V. *Sovetskaya social'naya politika: semeyno-bytovoy aspekt. 1950–1960-s gody (na materialakh Leningrada): avtoref. dis. ...kand. ist. nauk [Soviet social policy: family and household aspect. 1950 – 1960 (on the materials of Leningrad)]*. 2010. St. Petersburg. 22 p. [In Russian].
4. Bogolepova L. S. Okhrana zdorov'ya zhenshchin i detey [Health care for women and children]. *Zdorov'e*. 1955. No 3. P. 1. [In Russian].
5. Vel'vovskiy I. Z. Rody bez boli [Childbirth without pain]. *Zdorov'e*. 1957. No 5. Pp. 13–15. [In Russian].
6. *Volgogradskaya pravda*. 1963. No 264. [In Russian].
7. *Volgogradskaya pravda*. 1964. No 34. [In Russian].
8. *Volgogradskaya pravda*. 1964. No 80. [In Russian].
9. *Gosudarstvennoye kazennoye uchrezhdeniye Volgogradskoy oblasti (GAVO) [State Archive of Volgograd Oblast (SAVO)]*. Fund P-6880. Inventory 6. File 29. [In Russian].
10. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 7. File 117. [In Russian].
11. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 7. File 140. [In Russian].
12. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 7. File 151. [In Russian].
13. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 7. File 165. [In Russian].
14. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 7. File 185. [In Russian].
15. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 7. File 197. [In Russian].
16. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 11. File 34. [In Russian].
17. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 11. File 47. [In Russian].
18. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 11. File 48. [In Russian].
19. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 11. File 56. [In Russian].
20. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 11. File 84. [In Russian].
21. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 11. File 121. [In Russian].
22. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 11. File 169. [In Russian].
23. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 11. File 220. [In Russian].
24. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 11. File 328. [In Russian].
25. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 12. File 11. [In Russian].
26. (GAVO) [SAVO]. Fund P-3969. Inventory 12. File 30. [In Russian].
27. *Gosudarstvennoye kazennoye uchrezhdeniye Volgogradskoy oblasti «Tsentri dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti (TSDNIVO) [Center for Documentation of the Recent History of Volgograd Oblast (CDRHVO)]*. Fund 340. Inventory 1. File 12. [In Russian].
28. (TSDNIVO) [CDRHVO]. Fund 1405. Inventory 1. File 40. [In Russian].
29. (TSDNIVO) [CDRHVO]. Fund 1405. Inventory 1. File 41. [In Russian].
30. (TSDNIVO) [CDRHVO]. Fund 10096. Inventory 1. File 8. [In Russian].

31. (TSDNIVO) [CDRHVO]. Fund 10096. Inventory 1. File 9. [In Russian].
32. Gosudarstvennaya okhrana prav materi i rebenka v SSSR [State protection of the rights of mother and child in the USSR], ed. by F.A. Artem'ev. Moscow: b.i., 1952. 60 p. [In Russian].
33. Granat N. E. *Gigiena beremennoy zhenshchiny* [Hygiene of a pregnant woman]. Moscow: Medgiz, 1955. 32 p. [In Russian].
34. Granat N. E. *Gigiena beremennoy zhenshchiny* [Hygiene of a pregnant woman]. Minsk: Gosizdat BSSR, 1963. 92 p. [In Russian].
35. Davydov V. I. *Gigiena beremennoy zhenshchiny* [Hygiene of a pregnant woman]. Sverdlovsk: Sverdl. obl. gos. izd-vo, 1952. 44 p. [In Russian].
36. Danchenko N. I. *Pravovaya okhrana truda zhenshchin v SSSR* [Legal labor protection of women in the USSR]. Kiev: Nauk. dumka, 1985. 159 p. [In Russian].
37. Dobrokhotova A. I. Chto nado znat' roditelyam o kori [What parents need to know about measles]. *Krest'yanka*. 1955. No 3. P. 30. [In Russian].
38. *Domovodstvo* [Housekeeping], ed. by A. A. Demezer, M. L. Dzyuba. Moscow: gos-e izd-vo s-h lit-ry, 1958. 560 p. [In Russian].
39. *Domovodstvo* [Housekeeping], ed. by V. A. Martem'yanova. Moscow: izd-vo «Kolos», 1965. 759 p. [In Russian].
40. Kolbanovskiy E. M. Preduprezhdeniye seksual'nosti u detey [Prevention of sexuality in children]. *Zdorov'e*. 1965. No 7. Pp. 4–6. [In Russian].
41. Konstantinov V. I. *Vozmozhny li rody bez boli* [Is childbirth possible without pain]. Moscow: Medgiz, 1960. 38 p. [In Russian].
42. Korobkevich O. Vam, devushki [You, girls]. Moscow: Medgiz, 1961. 272 p. [In Russian].
43. Kudryavtseva V. P. Ne zapuskayte bolezni u detey [Do not neglect the disease in children]. *Rabotnitsa*. 1959. No 6. p. 29. [In Russian].
44. Kuznetsova I. P. *Gosudarstvennaya politika v oblasti okhrany materinstva i detstva vo vtoroy polovine 1940-kh – pervoy polovine 1960-kh godov* (na primere Bashkirskoy ASSR) [State policy in the field of maternal and child health in the second half of the 1940s – the first half of the 1960s (for example, the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. No 8. Pp. 41–48. [In Russian].
45. Manannikova N. V. *Okhrana materinstva i detstva v SSSR* [Protection of motherhood and childhood in the USSR]. Moscow: Medgiz, 1956. 76 p. [In Russian].
46. Manannikova N. V. *Okhrana materinstva i detstva v SSSR* [Protection of motherhood and childhood in the USSR]. Moscow: Medgiz, 1959. 104 p. [In Russian].
47. Mashika T. A. *Zanyatost' zhenshchin i materinstvo* [Women's employment and motherhood]. Moscow: Mysl', 1989. 285 p. [In Russian].
48. Mikhaylov Yu. Pochemu deti plachut? [Why do children cry?]. *Krest'yanka*. 1955. No 6. p. 23. [In Russian].
49. *Narodnoye khozyaystvo Volgogradskoy oblasti za 50 let. Statisticheskiy sbornik* [The national economy of the Volgograd region for 50 years. Statistical Digest]. Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1967. 263 p. [In Russian].
50. Nevskaya T. Esli rebenok zabolet... [If a child falls ill...]. *Rabotnitsa*. 1962. No 6. p. 32. [In Russian].
51. Nikonchik O. K. *Abort i ego posledstviya* [Abortion and its consequences]. Moscow: Medgiz, 1956. 35 p. [In Russian].
52. Nikonchik O. K. *Abort i preduprezhdenie beremennosti (protivozachatochnye sredstva)* [Abortion and pregnancy prevention (contraceptives)]. Moscow: Medgiz, 1959. 36 p. [In Russian].
53. «Ob otmene zapreshcheniya abortov»: ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 23.11.1955 g. [“On the abolition of the prohibition of abortion”: Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces of 23.11.1955]. Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya Sistema [Consultant-Plus: ref. legal system].

- URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15519#09135342238891582> (access date: 14.02.2021). [In Russian].
54. «*Ob uvelichenii prodolzhitel'nosti otpuskov po beremennosti i rodam*»: ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 26.03.1956 g. [*“On increasing the duration of maternity leave”*: Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces of 26.03.1956]. Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya Sistema [ConsultantPlus: ref. legal system]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17167#07903103934895195> (access date: 14.02.2021). [In Russian].
 55. Orlova D. Yasli i sad – vmeste [Nursery and kindergarten – together]. *Zdorov'e*. 1959. No 12. Pp. 26–27. [In Russian].
 56. Pavlova A. Ukhod za grudnym rebenkom [Care of the infant]. *Krest'yanka*. 1955. No 9. p. 30. [In Russian].
 57. PMA 1 – Polevye materialy avtora. g. Volgograd, aprel'–dekabr' 2019 g., yanvar'–dekabr' 2020 g. (informanty – MP 1933 g.r.; NF 1933 g.r.; RA 1935 g.r.; LV 1936 g.r.; IV 1937 g.r.; NV 1938 g.r.; TG 1940 g.r.; NP 1941 g.r.; LV 1943 g.r.; AD 1943 g.r. EV 1944 g.r.; NE 1945 g.r.; GP 1945 g.r.; TV 1948 g.r.; OV 1953 g.r.; LG 1954 g.r.). [In Russian].
 58. Piradova M. D. Do i posle rodov [Before and after childbirth]. *Zdorov'e*. 1958. No 7. Pp. 22–24. [In Russian].
 59. Piradova M. D. Gigiena beremennoy zhenshchiny [Hygiene of a pregnant woman]. *Zdorov'e*. 1957. No 3. p. 28. [In Russian].
 60. Piradova M. D. Protivozachatochnye sredstva [Contraceptives]. *Zdorov'e*. 1957. No 8. p. 31. [In Russian].
 61. Pushkareva N. L. Gendernaya sistema sovetskoy Rossii i sud'by Rossiyanok [The gender system of Soviet Russia and the fate of Russians]. *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2012. No 5. p. 17. [In Russian].
 62. Pushkareva N. L. Materinstvo v noveyshikh filosofskikh i sociologicheskikh kontseptsiyakh [Motherhood in the latest philosophical and sociological concepts]. *Etnograficheskoye obozreniye*. 1999. No 5. Pp. 47–59. [In Russian].
 63. Pushkareva N. L. *Materinstvo kak social'no-istoricheskiiy fenomen [Motherhood as a socio-historical phenomenon]. Materinstvo i ottsovstvo kak social'no-kul'turnye fenomeny [Motherhood and fatherhood as socio-cultural phenomena]*, ed. by T. B. Ryabova. Ivanovo: IvGU, 2001. Pp. 93–106. [In Russian].
 64. Pushkareva N., Belova A., Mitsyuk N. *Smetaya zaprety: ocherki russkoy seksual'noy kul'tury XI – XX vekov [Sweeping away the Prohibitions: Essays on Russian Sexual Culture of the 11th–20th centuries]*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2021. 504 p. [In Russian].
 65. *Rukovodstvo dlya vrachey yasley i domov rebenka [Guide for nursery doctors and orphanages]*, ed. by L. V. Grechishnikova. Moscow: Medgiz, 1954. 419 p. [In Russian].
 66. *Sovetskaya zhenshchina: trud, materinstvo, sem'ya [Soviet woman: labor, motherhood, family]*, ed. by Z. P. Krylova. Moscow: Profizdat, 1987. 172 p. [In Russian].
 67. *Stalingradskaya pravda*. 1954. No 276. [In Russian].
 68. *Stalingradskaya pravda*. 1957. No 16. [In Russian].
 69. Starodub L. I. *Zhenshchina i obshchestvennyy trud [Woman and social work]*. Leningdad: Lenizdat, 1975. 92 p. [In Russian].
 70. Stepanov L. Gigiena Beremennoy zhenshchiny [Hygiene of the Pregnant Woman]. *Sovetskaya zhenshchina*. 1956. No 6. p. 44. [In Russian].
 71. Taktasheva F. A. Razvitiye sistemy okhrany zdorov'ya zhenshchin i detey v Stalingradskoy oblasti v 1945-m – nachale 1950-kh gg. [Development of a system for protecting the health of women and children in the Stalingrad region in 1945 and the beginning of the 1950s]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2015. No 4. Pp. 184–189. [In Russian].
 72. Turnin V. Nashi malyshi [Our kids]. *Rabotnitsa*. 1957. No 6. Pp. 26–27. [In Russian].

73. Fakhrutdinova N. R. Politika okhrany materinstva i detstva v RSFSR v 1950 – 1980 godakh i ee regional'nye proyavleniya [The policy of protecting motherhood and childhood in the RSFSR in 1950 – 1980 and its regional manifestations]. *Vestnik ha-kasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*. 2017. No 22. Pp. 129–131. [In Russian].
74. Kharchev A. G. *Professional'naya rabota zhenshchin i sem'ya* [Women's professional work and family]. Leningrad: Nauka, 1971. 176 p. [In Russian].
75. Khrenova V. G. Gigiena poslerodovogo perioda [Postpartum Hygiene]. *Zdorov'e*. 1958. No 8. p. 30. [In Russian].
76. Cherepakhin G. K. Chto nuzhno znat' beremennoy zhenshchine [What a pregnant woman needs to know]. Gor'kiy: Gor'k. obl. gos. izd-vo, 1950. 36 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 24.02.2021
Дата решения о публикации: 25.03.2021

Date of receipt of article: 24.02.2021
Date of publication decision: 25.03.2021

Сведения об авторе

Богдашина Ирина Владимировна,
аспирант Центра гендерных
исследований Института
этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
(e-mail: ira18bogdashina@mail.ru).

Information about the Author

Bogdashina Irina Vladimirovna,
postgraduate student, Center for Gender
Studies, the Russian Academy of Sciences
N. N. Miklouho-Maklay
Institute of Ethnology and Anthropology
(e-mail: ira18bogdashina@mail.ru).

ТУЛА И ТУЛЯКИ В НАЧАЛЕ XXI В. В ВОСПРИЯТИЯХ АФРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

Япи Жоэлле Роланд

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности восприятия города Тула и туляков африканскими студентами и аспирантами, которые обучаются в вузах региона. Основой для анализа послужили данные опроса, проведенного автором в двух тульских вузах. Установлено, что по приезду в Россию для обучения африканские студенты отмечают существенные отличия в климатических условиях. Метод приписывания качеств позволил выявить основные характеристики Тулы и туляков. Африканцы характеризуют Тулу как город с героическим историческим прошлым, знаменательными памятниками и достопримечательностями. Городскую среду они воспринимают как комфортную для проживания.

Адаптация иностранных студентов начинается с преодоления языкового барьера, поскольку практически никто из них до приезда в Россию не владел русским языком. Отмечено, что проблемы освоения языка связаны с недостаточными контактами с русскими студентами, что препятствует усвоению разговорного языка. Исследование показывает, что социокультурные барьеры между привычным «своим», африканским» и «иным», русским/тульским наиболее заметно проявляются в восприятии пространства, пищи, а отличия в культуре и поведении людей замечаются позже. В целом туляки позитивно воспринимаются африканскими студентами, которые отмечают такие качества горожан как гостеприимство, общительность, чувство юмора. Автор обращает внимание на различия в подходах к обучению в тульских вузах и в африканских странах. Студенты указывают на большую роль самостоятельной работы в организации учебного процесса у себя на родине. В статье выявлена тенденция, что чем дольше иностранный студент проживает в Туле, тем меньше он замечает отрицательных качеств жителей города и больше склонен к положительной оценке туляков.

Ключевые слова: иностранные студенты, африканские страны, туляки, адаптация, восприятие иного, культурно-языковой барьер, образ города.

TULA AND TULA'S DWELLERS IN THE EARLY 21st CENTURE IN PERCEPTION OF THE AFRICAN UNDERGRADUATE AND POSTGRADUATE STUDENTS

Yapi Joelle Roland

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The article examines the peculiarities of the perception of the city of Tula and inhabitants of Tula by African students and graduate students who study at universities in the region. The analysis was based on the data of a survey conducted by the author in two Tula universities. It was found that upon arrival in Russia to study, African students note significant differences in climatic conditions. The method of attributing qualities made it possible to identify the main characteristics of Tula and inhabitants of Tula. Africans characterize Tula as a city with a heroic historical past, significant monuments and landmarks. They perceive the urban environment as comfortable for living.

The adaptation of foreign students begins with overcoming the language barrier, since almost none of them before arriving in Russia spoke Russian. It is noted that the problems of language acquisition are associated with insufficient contacts with Russian students, which prevents the acquisition of the spoken language. The study shows that the socio-cultural barriers between the usual "own", African and "other", Russian / inhabitants of Tula are most noticeably manifested in the perception of space, food, and differences in culture and behavior of people are noticed later. In general, inhabitants of Tula are positively perceived by African students, who note such qualities as hospitality, sociability, and a sense of humor. The author draws attention to the differences in approaches to teaching in Tula universities and in African countries. Students point to the great role of independent work in organizing the educational process in their homeland. The article reveals a tendency that the longer a foreign student lives in Tula, the less he/she notices the negative qualities of the inhabitants of the city and the more likely he/she is to rate them positively.

Keywords: foreign students, African countries, Tula, adaptation, perception of another, cultural and linguistic barrier, image of the city.

Введение

Актуальность нашего исследования определяется тем, что в последнее время Россия в целом и, в частности, Тульская область являются привлекательным образовательным пространством для иностранных студентов. Любая миграция, в том числе и учебная, ставит проблему коммуникаций между приезжающей и принимающей сторонами. В исследованиях большое внимание уделяется реакциям принимающей стороны [1; 4; 5]. В данной статье мы планируем остановиться на рассмотрении реакций «приехавших» в Россию студентов и аспирантов, которые почти не находят отражения в публикациях специалистов. Между тем, приезд на обучение в другую страну не только порождает особые ситуации, но и ставит непростые задачи, связанные с адаптацией зарубежных студентов.

В городе Тула студенты из африканских стран появились более 10 лет назад и число их растет. Африканских студентов, обучающихся в городе, можно разделить на две группы. К первой относятся «африканские бюджетники». Вначале они подавали документы, необходимые для бесплатного обучения в Российской Федерации, в государственные органы образования своих стран. Согласно квотам, определенных Россотрудничеством по разным направлениям и уровням подготовки, происходило распределение студентов по результатам экзаменов. В этом случае потенциальные студенты не выбирали город обучения и поэтому оказались в Туле «по распределению». Вторая группа – «коммерческие» студенты, которые сами (или совместно с родителями) приняли решение обучаться в России на платной основе. Многие из них имели информацию о системе российского образования, стоимости обучения и выбрали Тулу сознательно.

Нам кажется полезным обратиться к анализу впечатлений африканских студентов, которые живут в Туле, встречают туляков как в университете, так и в других местах города. На основе взаимодействия и личного опыта у них вырабатывается представление о новой для них стране пребывания, формируется образ конкретного города, в котором они учатся, складывается мнение о жителях. Рассмотрению этих сюжетов и посвящена данная работа.

Методика

С целью изучения представлений африканских студентов о Туле и ее жителях с осени 2019 г. по весну 2020 г. было проведено опросное исследование в двух ВУЗах: Тульском государственном университете (ТулГУ) и Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого (ТГПУ им. Л. Н. Толстого). Опрос проводился методом анкетирования. В ТулГУ было опрошено 100 человек (80 юношей и 20 девушек) из 12 стран Африки (Конго, Замбия, Египет, Ангола, Гвинея-Бисау, Танзания, Кабо-Верде, Мадагаскар, Бенин, Сенегал, Мозамбик, Кот-д'Ивуар), обучающихся на уровнях бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. В ТГПУ им.

Л. Н. Толстого в исследовании приняли участие 24 человека (14 юношей и 10 девушек), обучающихся на подготовленном факультете, на бакалавриате и в магистратуре из 9 стран (Мадагаскар, Гвинея-Бисау, Экваториальная Гвинея, Мали, Гвинея-Конакри, Танзания, Бенин, Чад, Кот-д'Ивуар). Всего в нашем распоряжении оказались ответы 124 респондентов в возрасте от 19 до 30 лет.

Анкета состояла из двух частей. В первой содержались открытые вопросы, на которые анкетированные давали ответы и комментарии. Во второй части применялась методика «Приписывания качеств», которую предложили в 1930-е гг. Д. Кац и К. Брейли для изучения этнических стереотипов [7].

Анализ

«Здесь климат иной». Приезжие африканцы сталкиваются с необычными суровыми природными условиями, несопоставимыми с привычными для них теплыми и даже жаркими. Большинство африканских студентов приехали в Тулу из стран Африки, расположенных к югу от Сахары. Эта часть континента отличается очень жарким климатом с температурой от 35 до 45 градусов в сухой сезон и затяжными дождями в период муссонов. До приезда в Россию африканцы никогда не были в странах с холодным климатом, поэтому почти все респонденты (95%) были поражены суровой российской погодой. Одна из студенток отметила: «В моей стране (Танзания), когда наступает время харматан (сухой пыльный ветер – Я. Ж.), я одеваюсь тепло, потому что не переношу холод. Поэтому, представьте себе, как мне холодно в России зимой и весной. Я помню, когда приехала в Россию в середине зимы в январе, мне было очень холодно, я даже не чувствовала свое лицо, свои руки и ноги. Сразу поняла, что русская зима никак не сравнима с нашим харматаном». Студент из Кот-д'Ивуара с улыбкой заметил: «Благодаря интернету и тому, что говорят западные СМИ о суровости российского климата, я смог психологически подготовиться к моему приезду в Россию. Я приехал в Россию в начале августа, когда погода была более или менее сопоставима с жаркой погодой сезона дождей в Кот-д'Ивуаре. Это помогло мне адаптироваться».

Опрошенные африканские студенты единогласно указали на сложности определения сезонов года в России: «Нет разницы между зимой и весной: идет снег, холодно. В отличие от Франции, где зима резко отличается от весны». Студентка из Гвинеи-Конакри сказала: «Перед приездом в Россию я поехала навестить дядю во Францию. Это было весной. Хорошо помню, что снега не было, погода была солнечная. А моей первой весной в России я была удивлена, когда увидела снег. Было холодно, я думала, что это ещё зима, а не весна».

Проблема адаптации к суровой русской зиме решается посредством покупки и ношения соответствующей одежды. Ответы опрошенных студентов показывают, что еще до отъезда с Родины большинство (98%) запланировали определенные средства на покупку теплой одежды и обуви. Некоторые студенты, которые прибывали в Россию зимой, подготовились заранее, купив теплые вещи в магазинах своих стран. Однако, оказалось, что от такой одежды в России было мало пользы, поэтому на месте пришлось срочно покупать соответствующий комплект. По этому поводу один из студентов вспоминал: «Моя мама хотела, чтобы я был хорошо защищен от холода, т.к. я должен был приехать в Россию в декабре. Мне купили пальто, шапку и перчатки. В этой одежде в России мне было так холодно, как будто я был раздетым. Со временем я понял, что такая одежда не годится для русской зимы».

Что касается практики ношения теплой одежды, то, оказалось, что юноши, в отличие от девушек, испытывают дискомфорт. Типичные высказывания юношей: «Нам очень неудобно носить перчатки, шапки, шарфы и, особенно, мужские рейтузы. В пальто и теплых куртках мы чувствуем себя более комфортно, т.к. мы вроде бы надеваем костюм на нашу одежду». Девушки гораздо комфортнее чувствуют себя в теплой одежде и обуви. Со временем гардероб африканских студентов в России меняется за счет появления новых вещей для холодного времени года.

Барьеры между «своим» и «иным» отчетливо проявляются в восприятии пространства. В связи с этим для нашего опроса важными были вопросы о ландшафте. Как и погодные условия, он воспринимается африканцами как необычный. Прежде всего, их поражает изменения растительности в зависимости от сезонов года. Студентка из Мозамбика заметила: «Зимой и весной все деревья засыпаны снегом, листья кажутся белыми. В конце весны и летом зелень изменяет вид деревьев. Осенью листья желтеют и опадают, что придает паркам желтоватый оттенок. Все это невероятно великолепно». Студент из Гвинеи-Бисау добавил: «Африканский пейзаж очень красив, поэтому нельзя завидовать русскому пейзажу. Но в Туле у нас была возможность увидеть впечатляющее разнообразие ландшафтов, соответствующих разным временам года в России – зиме, весне, лету, осени. Все это сильно впечатляет африканцев, впервые прибывших в Россию».

Городская среда: комфорт и доступность. Важную роль в представлениях о городе у зарубежных студентов играют зрительное восприятие, культурная составляющая, собственный личный опыт, срок проживания в городе, степень эмоциональности восприятия. По мнению африканцев, городское пространство в Туле также имеет существенные отличия. Один из респондентов обратил внимание на наличие деревьев на улицах. Тула была воспринята им как большой город, и он был приятно удивлен, увидев растущие на улицах деревья. В африканских городах такого нет, поскольку деревья вырубаются для того, чтобы освободить место для строительства зданий.

Студенты из африканских стран отмечали развитую инфраструктуру города Тулы. Один из них сказал: «Я заметил разнообразие транспортных средств в Туле, в частности, наличие трамваев и троллейбусов, которых до сих пор нет в городах Анголы. Меня приятно удивила дисциплина пассажиров и персонала на авто- и железнодорожных вокзалах. Нравится, что автобусы и поезда ходят в соответствии с расписанием». Респонденты отмечали хорошее качество дорог. Все опрошенные студенты считают, что в тульских жилых кварталах есть все необходимое: школа, детская площадка, супермаркет, аптека, банкомат.

Многие африканцы высоко оценивают тульскую городскую архитектуру. Студентка из Бенина высказалась эмоционально: «Тула – город замечательной архитектуры с впечатляющими и внушительными зданиями! Есть такие знаменитые места как площадь Победы, тульская набережная, мемориальный комплекс Защитникам неба отечества, парк Патриот, Центральный парк культуры и отдыха. Они отражают героическую историю города».

По мнению многих африканских студентов, Тула привлекательна более доступным, по сравнению с Москвой, уровнем жизни. Для них важно, что в городе имеется много недорогих гипермаркетов, таких как Глобус, Лента и особенно Fix price. Во многих крупных магазинах часто бывают скидки и распродажи. Многие покупают продукты и вещи на рынках, где цены еще более доступные.

Все респонденты указали, что самый большой плюс в городе Тула – это безопасность, по сравнению с уровнем безопасности в Африке. Респонденты отмечали, что в некоторых городах России африканские студенты жаловались на нападения на улицах. В Туле они не сталкивались с подобными неприятностями.

Метод приписывания качеств позволил охарактеризовать образ г. Тула в целом. Респондентам нужно было из 24 предложенных качеств выбрать 7, отражающие характеристики города¹. Полученные результаты показали, что чаще всего отмечались следующие черты города: сильный (80%), свободный (50%), независимый (45%). Приписывание этих качеств, скорее всего, обусловлено исторической славой города и России в целом, а главное – значением Тулы для победы во Второй мировой войне. Что касается таких определений, как разный (85%), красивый (75%), интересный (45%), исторический (40%), то, скорее всего, они характеризуют Тулу как

город с историческим прошлым, красивой природой и достопримечательностями, достойными внимания.

Респонденты отметили и отрицательные характеристики города. Среди них доминирует определение «загрязненная» (40%), что указывает на экологическое неблагополучие Тулы. Загрязненность воздуха связывается с наличием множества заводов. Также были выбраны характеристики, связанные с трудностью восприятия новой и незнакомой культуры: сложная – 35%, непонятная – 20%, опасная – 30%.

При анализе ответов аспирантов и студентов выяснились некоторые отличия в восприятии города. Среди положительных характеристик Тулы у аспирантов преобладали: красивый, свободный, независимый, старинный, тихий, самобытный, чистый, исторический, а у студентов: разнообразный, интересный, свободный. Студенты, по сравнению с аспирантами, чаще называли отрицательные характеристики города: недружелюбный, шумный, мрачный, опасный, непонятный. Более позитивное восприятие городской среды аспирантами связано с этапами адаптации. Аспиранты проживают в Туле более длительное время, поэтому привыкли к городу и даже начали считать его в определенной степени своим.

Языковой и культурный барьеры. Африканским учащимся приходится адаптироваться не только к необычным для них природным условиям и ландшафту, но и к новым культурным, бытовым условиям, иному образовательному пространству. В процессе адаптации возникают проблемы, которые они постепенно преодолевают.

Одной из основных проблем, с которой сталкиваются приезжающие, является языковой барьер. В африканских странах, помимо этнических языков, люди говорят на национальных языках, т.е. тех, которые «остались» от колонизации. Например, в Мозамбике, бывшей португальской колонии, национальный язык – португальский, в Чаде, входившем в колониальные владения Франции – французский. Языки бывших метрополий являются родными для значительной части населения. В школах стран Африки учащиеся, наряду с родным, изучают два европейских языка как иностранные. Русский язык в школах не изучается, поэтому, те, кто отправляется в Россию для продолжения образования, с ним не знакомы. На подготовительных факультетах в российских вузах африканские студенты впервые начинают изучать русский язык. Студент-респондент из Мали заметил: «Я прежде считал, что французский язык – самый сложный, но когда я начал учить русский, изменил свое мнение».

Многие респонденты считают, что времени на изучение русского языка на подготовительном отделении недостаточно. Для овладения языком нужно иметь постоянную практику говорения, которой им не хватает. 95% опрошенных студентов написали об отсутствии такой практики, так как живут в общежитиях отдельно от русских студентов. Четверо из пяти опрошенных отметили, что девушки из африканских стран опасаются общаться с русскими девушками, а русские юноши предпочитают быть бойфрендами, а не друзьями. Поэтому африканским студентам легче общаться в письменной форме.

Среди культурных барьеров африканские студенты существенным считают пищевой. В Туле (как в целом в России) невозможно купить такие продукты как ямс, маниока, плантаны, африканский острый перец. Между тем, блюда, приготовленные из них, являются типичными для африканской кухни. Поэтому многие заказывают их друзьям, улетающим на родину. Так поступают 40% опрошенных.

К отличным от африканских социокультурных норм все опрошенные отнесли российскую традицию обращения к преподавателям по имени и отчеству. В Африке такое обращение не считается знаком уважения.

Какие вы, туляки? Для анализа восприятия туляков африканскими студентами и аспирантами мы использовали метод приписывания качеств. Респонденту

предлагался набор из 20 качеств, из которого было необходимо выбрать не более пяти качеств, которые, по его мнению, отражают характер жителя Тулы².

Анализ результатов исследования показал, что африканскими студентами и аспирантами выбирались и положительные, и отрицательные качества. Чаще всего отмечались следующие положительные черты туляков: гостеприимство (60%), общительность (60%), чувство юмора (50%), независимость (45%), искренность (40%). Скорее всего, они отражают особенности русского характера в целом. Среди отрицательных черт туляков чаще всего назывались: закрытость (80%), грубость (70%), агрессивность (65%), завистливость (60%), лень (40%). Эти качества были названы в результате взаимодействия иностранных студентов с русскими, выстраивания межличностных отношений.

При оценке положительных качеств можно отметить различия между оценками аспирантов и студентов. Аспиранты считают доминирующими такие черты туляков как ответственность, целеустремленность, общительность, чувство юмора, трудолюбие; а студенты чаще обращают внимание на вежливость, темпераментность, искренность, гостеприимство. Честность отметили и аспиранты, и студенты. Можно предположить, что различия в представлениях о туляках у аспирантов и студентов обусловлены продолжительностью обучения в городе, а также кругом общения: аспиранты более ответственные и целеустремленные по сравнению с бакалаврами.

Студенты чаще, чем аспиранты обращают внимание на отрицательные черты туляков (агрессивность, завистливость, лень, наглость, грубость, закрытость, неуважительность). По мнению аспирантов, туляки часто бывают высокомерными. В целом аспиранты относятся более позитивно к тулякам, чем студенты. Это можно объяснить тем, что студенты в период адаптации эмоционально воспринимают негативный опыт общения. Мы заметили, что негативные качества туляков чаще отмечались респондентами, которые живут в России 1 – 2 года, в течение которых переживают сложный период адаптации к новой культуре, к новому обществу. На основе полученных данных можно выявить тенденцию, что чем дольше иностранный студент проживает в Туле, тем меньше отрицательных качеств жителей города он указывает. Это может быть связано с тем, что расширяется круг знакомств, осуществляется большее количество взаимодействий, иностранец лучше узнает характер русского человека.

Университет и университетская среда. Анкета включала ряд открытых вопросов, касающихся социальной жизни африканцев в Туле в сравнении с их родными городами. В ней были указаны следующие позиции: отношение к университету и обучению, помощь в обучении со стороны русских студентов и преподавателей, жизнь в общежитии, организация процесса обучения. Респонденты должны были оценить каждый критерий с точки зрения «положительно/отрицательно» и указать трудности.

Данные анкетирования показали положительное отношение к университету. Об этом заявили 45% респондентов. По их мнению, и в ТулГУ, и в ТГПУ высокий уровень обучения, имеются всевозможные средства для освоения учебных программ. Каждый пятый респондент отметил, что в университетах акцент делается на обязательное присутствие студентов на занятиях, а не на самостоятельную работу. В африканских странах учебный процесс организуется по другому принципу – с опорой на самостоятельное обучение. Каждый четвертый опрошенный считает, что преподаватели активно участвуют в жизни африканских студентов. Обучающиеся отметили, что преподаватели помогают в учебе, объясняют правила поведения, дают рекомендации по выполнению заданий, а также ждут опаздывающих студентов, отвечают на телефонные звонки. Каждый третий африканец высоко ценит возможность свободного общения с преподавателями. Один из респондентов отметил, что в африканских странах студентам не так просто выйти на контакт с преподавателями. Для получения консультации (даже продолжительностью 10

минут) необходимо через ассистента записаться на время, которое удобно преподавателю.

Более половины опрошенных (55%) отметили, что русские студенты помогают им в учебе. Контакты с одноклассниками, как показывает наше исследование, африканские студенты налаживают к концу первого года обучения. Респонденты отмечают, что русские студенты постепенно начинают общаться с иностранцами, приглашают в гости, организуют совместные походы в кино. Если же наладить контакты не удается, то и позже взаимодействие ограничивается совместным посещением занятий. Каждый четвертый африканский студент полагает, что русские студенты ориентированы только на внутринациональное общение, африканцы для них являются лишь «предметом для обсуждения», поэтому не стремятся к межличностным контактам. Каждый пятый опрошенный заметил, что на протяжении всего времени обучения ощущают на себе неприятные взгляды, выражающие недопонимание и опасение («смотрят с опаской, особенно на очень темный цвет кожи»). По общему мнению, к мулатам русские относятся теплее.

Большинство (98%) африканских студентов и аспирантов живут в общежитиях совместно с другими иностранными студентами из СНГ, Вьетнама, Китая, стран ближнего востока и южной Азии. Естественно, что особенности проживания и коммуникаций в общежитии были в орбите нашего влияния. Подавляющее большинство африканских студентов довольны условиями проживания в общежитии. Сложности видят в том, что проживают в комнатах не по одному человеку (90%) и ощущают нехватку личного пространства (65%). Чувство дискомфорта возникает из-за того, что некоторые русские студенты обращают пристальное внимание на цвет кожи африканцев, поэтому проявляют пренебрежение (об этом заявили 60% респондентов), откровенную брезгливость (отметили 55%), смеются (45%) и не подходят на близкое расстояние (указали 35%). Настороженное отношение принимающей стороны приводит к тому, что иностранные студенты объединяются в группы и вместе посещают занятия, ходят по магазинам. Многие респонденты (65%) отметили, что в первый год обучения они не ходили по городу в одиночку.

Результаты

Опрос студентов и аспирантов из африканских стран позволил выявить наиболее сложные и во многом болезненные для них вопросы, связанные с освоением российского образовательного пространства в г. Тула. Африканцы относятся к другой расе, в силу чего объективно имеется дистанция из-за различий с представителями принимающей стороны в цвете кожи, структуре волос и других телесных признаках. Один из основоположников концепции социальной дистанции Р. Парк заметил, что расовое сознание «описывает некое состояние разума», в котором мы осознаем дистанции, которые разделяют расы. Эти дистанции, или «зоны недоступности» (reserve) могут быть разрушены в ходе длительной коммуникации. [8, 257]. Наше исследование показало, что чем дольше африканцы обучаются в России, тем чаще они выбирают позитивные качества для характеристик города и туляков.

Социокультурные барьеры между привычным «своим», африканским» и «иным», русским/тульским особенно сильно проявляются в восприятии пространства, пищи, затем осознаются отличия в культуре и поведении людей. Объяснением этому может послужить то обстоятельство, что в основу восприятия «нового», отличного от привычного и родного, ложатся в первую очередь характеристики, порожденные эмоциональным и чувственным восприятием. Африканские студенты никогда не бывали ни в России, ни в Туле до приезда на учебу, поэтому все окружающее воспринимается первоначально ими как незнакомое и вызывает сложные эмоции, среди которых первое время доминирует удивление, что «может рассматриваться как механизм изменения социальной информации, хранящейся в прототипах, схемах и скриптах» [3, 50]. Удивление – это эмоция, которая мало поддается контролю, она

быстро возникает и длится недолго. В то же время реакция удивления на неожиданное и непривычное служит своеобразным побудительным механизмом к активному приспособлению к новым условиям [2; 6].

Примечания

¹ В качестве характеристик Тулы были предложены следующие: сильный, независимый, свободный, исторический, разный, красивый, интересный, загрязненный, недоступный, сложный, непонятный, опасный, гостеприимный, шумный, мрачный, старинный, тихий, самобытный, негостеприимный, этнически разнообразный, комфортный для проживания, социально напряженный, дорогой, дешевый для проживания.

² В качестве качеств туляков были предложены следующие: гостеприимный, вежливый, общительный, независимый, имеющий чувство юмора, искренний, ответственный, трудолюбивый, грубый, ленивый, злоупотребляющий алкоголем, недружелюбный, закрытый, открытый, непонятный, терпеливый, терпимый, нетерпимый к недостаткам других, находчивый, злой.

Список источников и литературы

1. Дятлов В. И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 451–454.
2. Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
3. Кутковой Н. А. Удивление как предмет социально-психологического исследования // Национальный психологический журнал. 2013. № 3 (11). С. 47–53.
4. Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России / отв. ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. 340 с.
5. Нам И. В. Мигранты в университетском городе (отношение принимающего общества) // Миграции и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений / отв. ред. В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2015 – 2016. С. 263–272.
6. Эжман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб.: Питер, 2010. 334 с.
7. Katz D., Braly K. W. Racial stereotypes of one hundred college students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. Vol. 28. P. 280–290.
8. Park R. E. The Concept of Social Distance // Race and Culture. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1950. P. 256–260.

References

1. Dyatlov V. I. Transgranichnye migranty v sovremennoy Rossii: dinamika formirovaniya stereotipov [Cross-border migrants in modern Russia: dynamics of the formation of stereotypes]. *Migratsii i diaspori v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX – XX i XX – XXI vekov* [Migration and Diaspora in the Sociocultural, Political and Economic Space of Siberia. The frontiers of the 19th – 20th and 20th – 21st centuries]. Irkutsk: Ottisk publ, 2010. 640 p. [In Russian].
2. Izard K. *Psikhologiya emotsii* [Psychology of emotions]. St. Petersburg: Piter publ, 2006. 464 p. [In Russian].

3. Kutkovoy N. A. Udivleniye kak predmet sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya [Surprise as a subject of socio-psychological research]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National Psychological Journal]*, 2013, No 3(11), pp. 47–53. [In Russian].
4. *Migratsiia i mezhnatsional'nye otnosheniya: resurs gosudarstvenno-obshchestvennogo partnerstva v Rossii [Migration and interethnic relations: a resource of state-public partnership in Russia]*. Ed. by V. A. Tishkov, V. V. Stepanov. Moscow: Institut etnologi i antropologii RAN publ, 2019. 340 p. [In Russian].
5. Nam I. V. Migranty v universitetskom gorode (otnosheniye prinimaiushchego obshchestva [Migrants in the university city (attitude of the host society)]. *Migratsii i migranty v Rossii i mire: opyt sotsial'no-antropologicheskikh i etnograficheskikh nabliudenii [Migration and migrants in Russia and the world: experience of socio-anthropological and ethnographic observations]*. Ed. by Stepanov V. V. Moscow: Institut etnologi i antropologii RAN Publ., 2015 – 2016. Pp. 263–272. [In Russian].
6. Ekman P. *Psikhologiya emotsii. Ia znaiu, chto ty chuvstvuyesh' [Psychology of emotions. I know what you feel]*. St. Petersburg: Piter publ., 2010. 334 p. [In Russian].
7. Katz D., Braly K. W. Racial stereotypes of one hundred college students. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1933. Vol. 28. Pp. 280–290. [In English].
8. Park R.E. The Concept of Social Distance. *Race and Culture. Glencoe, III: The Free Press*. 1950. Pp. 256–260. [In English].

Дата поступления статьи: 24.02.2021
Дата решения о публикации: 25.03.2021

Date of receipt of article: 24.02.2021
Date of publication decision: 25.03.2021

Сведения об авторе

Яни Жюэлле Нсу Флор Роланд,
аспирант факультета истории и права,
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: jojoetestou@yahoo.fr).

Information about the Author

Yani Joelle Nsu Flor Roland,
postgraduate student,
Faculty of History and Law,
Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(e-mail: jojoetestou@yahoo.fr).

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(430)87
ББК 63.3(0)64
DOI 10.22405/27128407_2021_1_55

UDC 94(430)87
LBC 63.3(0)64

СОТРУДНИЧЕСТВО ФРГ И США В НАТО: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ю. В. Родович

*Тулский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. В статье рассматривается участие Соединенных Штатов Америки в вовлечении Западной Германии в Североатлантический союз, история взаимодействия США и ФРГ в НАТО с 1955 г. до настоящего времени. На протяжении почти всего этого периода во взаимоотношениях партнеров по блоку проявлялось стремление к сотрудничеству, однако нередко возникали и противоречия. После объединения Германии немецкие войска стали участвовать в военных акциях Альянса. Берлин проявлял относительную самостоятельность при проведении внешней политики. Он переориентировал структуры, финансирование, оснащение и организацию вооруженных сил с обороны на борьбу с кризисами за пределами зоны ответственности НАТО. Но суверенитет ФРГ ограничен в силу размещения на ее территории американских военных объектов, включая ядерное оружие. В ходе украинского кризиса, способствовавшего реанимации Североатлантического блока, США, по всей видимости, осознали необходимость более тесных связей с Германией при решении проблем вокруг государств Восточной Европы и России, а также учета интересов ФРГ в отношении этих стран. Попытки президента Д. Трампа переложить чрезмерную финансовую нагрузку США в НАТО на европейских участников блока не совпадали с интересами ФРГ. Поэтому действуя в рамках проекта PESCO, страна стремилась обеспечить свою безопасность, не только в рамках НАТО, но и Европейского союза, не исключая возможности создания европейской армии. Однако это не означает отказа Германии от военно-политического сотрудничества с США в Североатлантическом блоке, особенно после смены президентской администрации в Вашингтоне.

Ключевые слова: Германия, США, трансатлантические отношения, НАТО. Европейский союз.

COOPERATION OF GERMANY AND THE UNITED STATES IN NATO: HISTORY, CHALLENGES, PROSPECTS

Yu. V. Rodovich

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The article examines the participation of the United States of America in the involvement of West Germany in the North Atlantic Treaty Organization, the history of mutual action of the United States and Germany in NATO since 1955 up to the present day. During almost all of this period, the relations between the partners in the bloc showed a desire for cooperation, but sometimes there were contradictions. After the unification of Germany, German troops began to participate in the military actions of the Alliance. Berlin was relatively independent in its foreign policy. He refocused the structures, funding, equipment, and organization of the armed forces from defense to dealing with crises outside the NATO area of responsibility. Although the sovereignty of Germany is limited due to the

deployment of American military facilities, including nuclear weapons, on its territory. During the Ukrainian crisis, which contributed to the resuscitation of the North Atlantic bloc, the United States, apparently, realized the need for closer ties with Germany in solving problems around the states of Eastern Europe and Russia, as well as taking into account the interests of Germany in relation to these countries. Attempts by President D. Trump's move to shift the excessive financial burden of the US in NATO to the European members of the bloc did not coincide with the interests of Germany. Therefore, acting within the framework of the PESCO project, the country sought to ensure its security, not only within the framework of NATO, but also the European Union, without excluding the possibility of creating European army. However, this does not mean that Germany will abandon military-political cooperation with the United States in the North Atlantic bloc, especially after the change of the presidential administration in Washington.

Keywords: Germany, United States, transatlantic relations, NATO, European Union.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что отношения между Германией и Соединенными Штатами Америки в рамках НАТО являются важнейшим компонентом евроатлантических отношений, которые, в свою очередь, оказывают существенное влияние на обстановку в Европе и во всем мире. В изучении политики ФРГ в Североатлантическом союзе и ее военно-политического сотрудничества с США был создан значительный задел. Существенный вклад в разработку проблемы внесли отечественные исследователи Л. Г. Истягин [5], Н. В. Павлов [14], Н. К. Глазунов [3], К. Н. Михайлин [12], Ф. О. Трунов [15; 16], О. Г. Лекаренко [9]. Следует отметить также труды зарубежных ученых – германских (В. фон Бредов [19], Й. Фарвик [29]), британских (А. Хаид-Прайс [24]) и другие исследователей. Краткий анализ трансатлантических отношений в 2017 – 2020 гг. содержится в работе ученого из ФРГ В. Рихтера [25] Однако в настоящее время появляются новые материалы, позволяющие дополнить некоторые сюжеты о взаимоотношениях ФРГ и США в рамках НАТО на протяжении нескольких десятилетий. Изменяется и ситуация в евроатлантическом регионе. Поэтому автор поставил целью своей статьи исследование как истории военно-стратегического взаимодействия двух государств в НАТО, так и их взаимодействия в военно-политической сфере в рамках этой организации в самом конце второго десятилетия XXI в., а также определить перспективы развития германо-американских отношений в Североатлантическом союзе.

Инициатором вовлечения Федеративной Республики Германия в Североатлантический альянс явились Соединенные Штаты Америки, Целью США было превратить страну в форпост НАТО в Европе, направив ее политику в сфере обороны на противоборство с СССР. 16 сентября 1954 года госсекретарь США А. Даллес прибыл в Европу. Обойдя Париж, опасавшийся ремилитаризации ФРГ, он посетил столицы более надежных партнеров – Бонн и Лондон. Позже, на Лондонском совещании США, Англии, Франции, Западной Германии, Италии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Канады 28 сентября – 3 октября 1954 г. обсуждался вопрос о статусе ФРГ. Было решено отменить оккупационный режим и привлечь Западную Германию «на основе равенства» к военным усилиям Запада. 22 октября 1954 г. состоялась встреча министров иностранных дел и обороны стран-членов НАТО. В частности, совещание было созвано для утверждения договоренностей, направленных на достижение «полной ассоциации Федеративной Республики Германии с Западом, и германского оборонного вклада» [22]. 23 октября 1954 г. были подписаны Парижские соглашения о вступлении ФРГ в НАТО, а также в Западноевропейский союз [23]. В нарушение Ялтинских и Потсдамских соглашений 1945 г. в Западной Германии воссоздавались вооруженные силы (бундесвер) численностью почти 500 тыс. человек, включавшие сухопутные силы, 12 моторизованных и танковых дивизий, авиацию с самолетным парком 1350 самолетов и военные штабы. Германии запрещалось, однако, иметь собственное оружие массового поражения. Непосредственную работу по

формированию армии возглавил генерал-лейтенант А. Хойзингер. Бундесвер рассматривался США в качестве основной силы в НАТО, способной «сдерживать» потенциального противника (прежде всего, войска Германской Демократической Республики, а также расположенные на территории ГДР советские войска). Чтобы завуалировать ремилитаризацию ФРГ, уже при первом ее канцлере К. Аденауэре, использовалась «ширма» растворения бундесвера в военных структурах НАТО, а также Западноевропейского союза. Немецкое военное соединение впервые вошло в НАТО в 1957 г. Военно-воздушные силы ФРГ стали участвовать в объединенной системе противовоздушной обороны НАТО, выполняя задачу «сдерживания» советского флота в Балтийском море. С 1957 г. по 1963 г. командующим Объединёнными сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе был немецкий генерал Х. Шпейдель. На протяжении четырех лет пост заместителя начальника штаба командования Объединёнными силами Альянса в Северной Европе занимал Ф. Гутгенбергер, бывший подводник военно-морского флота нацистской Германии.

В период с 1955 по 1960 гг. отношения ФРГ и НАТО были омрачены кризисом, связанным с размещением оружия массового поражения под контролем США на ее территории, а также сменой стратегии США по отношению к обычным вооружениям [1].

Со времени вступления Западной Германии в Североатлантический блок в мае 1955 г. и до начала 1990-х гг. безопасность ФРГ формально гарантировалась силами этого блока, но фактически Соединенными Штатами. Однако при этом ФРГ оказывалась под американским контролем. На ее территории оставались войска трех западных держав. Вместе с тем, с помощью США, прежде всего после реализации «плана Маршалла» (1948 – 1952 гг.), Западная Германия сравнительно быстро смогла преодолеть тяжелые последствия Второй мировой войны, осуществить «экономическое чудо» и стать процветающим государством. В этих условиях ФРГ, чтобы повысить свой статус в Североатлантическом союзе, наращивала свою военную мощь, частично закупая военную технику у США, в частности, танки «М-47» и «М-48». Позже, в 1966 г. на вооружение армии был принят основной боевой танк «Леопард-1» собственного производства. После того как бундестаг в марте 1958 года (задним числом) санкционировал размещение атомного оружия на территории ФРГ, ее руководство стремилось приобщиться к планам США по созданию «многосторонних ядерных сил» НАТО путем предоставления в распоряжение верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами Альянса в Европе атомных подводных лодок с ракетами средней дальности. Эти планы, разрабатываемые в США с конца 1960 г., однако, не были реализованы после испытаний в КНР в октябре 1964 г. ядерного оружия, а также из-за позиции президента Франции Ш. де Голля, стремящегося к независимости от военных структур НАТО. Очевидно, сказалось и коллективное заявление стран – членов Организации Варшавского Договора от 20 января 1965 г., в котором подчеркивалось, что в случае создания многосторонних ядерных сил с участием ФРГ эти страны будут вынуждены принять необходимые защитные меры [8, с. 76–80]. В конце 1964 г. по инициативе Великобритании был выдвинут план создания «европейских ядерных сил» НАТО, причем на ФРГ возлагалось участие в финансировании этого плана. В США поощрялось обсуждение различных вариантов создания коллективных ядерных сил, но не приветствовалось принятие каких-либо конкретных решений по данной проблеме. Вашингтон стал переключать интерес ФРГ и других партнеров по Альянсу в сторону «ядерного планирования НАТО» [9, с. 111–113].

Совместные американско-западногерманские военные учения и тесное сотрудничество позволили армиям двух стран перенимать друг у друга военную стратегию и тактику.

Взаимодействуя с США в рамках блока и на двусторонней основе, ФРГ, тем не менее, проявила известную самостоятельность. Так канцлер К. Аденауэр вплоть до постройки «Берлинской стены» в 1961 г. противился размещению на территории страны американского ядерного оружия, а канцлер Л. Эрхард отказался направить в 1965 г. свои войска во Вьетнам, как того требовали США.

В условиях резкого обострения международной обстановки на рубеже 1970 – 1980-х гг. 12 декабря 1979 г. было принято т. н. «двойное решение» НАТО: вести американо-советские переговоры об ограничении ракет средней дальности двух стран, а в случае неудачи этих переговоров «довооружаться», т.е. размещать ракеты США в ряде стран Западной Европы. После того, как бундестагом ФРГ 22 ноября 1983 г. принял решение о готовности принять на территории страны американские ядерные ракеты СССР покинул стол переговоров. Началось размещение в Западной Европе ядерных ракет средней дальности («Першинг-2» и крылатых ракет) с коротким полетным временем, причем всех 108 ракет «Першинг-2» – в ФРГ. В ответ Советским Союзом на территории ГДР и Чехословакии были размещены оперативно-тактические ракеты повышенной дальности. Человечество оказалось перед угрозой ядерной войны. Только после позитивных перемен в развитии отношений СССР с США и другими западными государствами во второй половине 1980-гг. стало возможным решить проблему «евроракет». Советско-американские переговоры с подключением к ним западногерманской стороны завершились подписанием 8 декабря 1987 г. Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, что наряду с другими договорами и соглашениями способствовало значительному снижению международной напряженности.

В 1988 г. на пост генерального секретаря НАТО был избран министр обороны ФРГ М.Вернер, который в своей военно-политической деятельности занимал антисоветские и антикоммунистические позиции. Он также выступал за жесткий курс на переговорах Запада с Советским Союзом [1].

Однако, учитывая изменившуюся обстановку в Европе и мире в целом, в 1989 г. Германия отказалась от проведения ядерных манёвров на своей территории по требованию США. Тогда Вашингтон предложил НАТО провести учебные бомбардировки г. Лейпцига ядерными боеголовками – симулировать нападение Советского Союза на ФРГ. Но статс-секретарь министерства обороны В. Виммер категорически отказал США в проведении подобных манёвров. Манёвры не состоялись, США были раздражены и пожаловались Г. Колю. Тем не менее, канцлер оставил всё без изменений [13].

После окончания «холодной войны» ФРГ перестала быть «прифронтовым государством». Став после объединения Германии в 1990 г. великой державой, она стала по-новому осмысливать свою роль в меняющемся мире, искать ответы на новые вызовы и риски, связанные с международным терроризмом, межэтническими конфликтами, экологическими проблемами и т.д. Она заняла лидирующие позиции в созданном в 1992 г. Европейском союзе (ЕС). В Берлине была поставлена задача формирования Евросоюзом Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) – для создания, сбалансированного «евро-американского партнерства». В интересах укрепления безопасности по периметру своих границ, а также по экономическим соображениям ФРГ поддержала вовлечение стран Центрально-Восточной Европы в НАТО и ЕС. Германия продемонстрировала атлантическую солидарность, участвуя силами своих 16 самолетов в военной операции НАТО «Союзная сила» против Союзной Республики Югославии в марте-июне 1999 г., а затем в действиях западной «антиталибской» коалиции в Афганистане. В Боснии, Косово и Афганистане было задействовано около 10 тыс. немецких военнослужащих, выполнявших, главным образом, миротворческие функции. В то же время в немецком обществе нарастало критическое отношение к вопросу об использовании военной силы для разрешения региональных конфликтов, тем более, что в соответствии с «доктриной Буша», отраженной в опубликованной в сентябре 2002 г. «Стратегии национальной безопасности

США», предусматривалась возможность нанесения упреждающих ударов против террористов. Отказ правительства Г. Шрёдера поддержать военную акцию Соединенных Штатов Америки в Ирак в 2003 г. означал проявление первого серьезного кризиса в отношениях между ФРГ и США. Была продемонстрирована возросшая политическая самостоятельность Германии. В феврале 2005 г. канцлер ФРГ Г. Шрёдер на Мюнхенской конференции по безопасности поставил под сомнение роль НАТО в качестве структуры для координации между трансатлантическими партнерами «стратегического видения» [2, с. 282], хотя это заявление было обусловлено, скорее всего, соображениями предвыборной борьбы. В силу приверженности ФРГ традициям атлантизма, имевшиеся в двусторонних отношениях разногласия удалось преодолеть. С приходом к власти правительства А. Меркель в Коалиционном договоре партий ХДС/ХСС и СДПГ была отмечена роль НАТО в качестве центральной площадки трансатлантического диалога в области безопасности, координации действий по стратегическим вопросам [2, с. 283]. Руководству ФРГ пришлось учитывать и проамериканскую политику стран Центрально-Восточной Европы, вступивших в альянс в 1999 и 2004 гг. Тем не менее, Берлину проявлял самостоятельность при проведении внешней политики. Он переориентировал структуры, финансирование, оснащение и организацию бундесвера с обороны на борьбу с кризисами за пределами зоны ответственности НАТО, что нашло отражение в «Директиве по оборонной политике» 2003 г. и «Концепции бундесвера» 2004 г., наконец, в «Белой книге» 2006 г. [12, с. 202]. В первые годы президентства Б. Обамы трансатлантическая политика Вашингтона была несколько смещена в сторону активизации взаимодействия США с Европейским союзом. Германия активно участвовала в борьбе с международным терроризмом в районах Ближнего Востока, Сахары, Африканского Рога независимо от США и НАТО. ФРГ воздержалась при голосовании в ООН о применении военной силы и не участвовала в военной операции НАТО в Ливии в 2011 г.; придерживалась более умеренной позиции по Сирии и роли России в сирийском урегулировании, по сравнению с Вашингтоном; Германия, как и Франция, отвергла отстаиваемую США идею придания Североатлантическому союзу глобального характера и выступили против предоставления Украины и Грузии Плана действий по членству в НАТО.

Однако под воздействием событий на Украине в 2013 – 2014 гг. и воссоединения Крыма с Россией ситуация изменилась. Реакцией США и НАТО на эти события стала реанимация Североатлантического блока, возросло значение военно-политического аспекта трансатлантического партнерства ФРГ.

Впервые за четверть века усилилось военное присутствие Соединенных Штатов на немецкой земле, на что германское руководство дало согласие. Чем можно объяснить такую позицию Берлина? Во-первых, эти меры усиливали потенциал войск бундесвера, предназначенных для решения задач территориальной обороны, после значительного сокращения их состава в начале 1990-х гг. Во-вторых, Германия старалась «компенсировать» недостаточные темпы роста военных расходов и численности своих войск [16, с. 157].

В ходе украинского кризиса США, по всей видимости, осознали необходимость более тесных связей с Германией при решении проблем вокруг государств Восточной Европы и России, а также учета интересов ФРГ в отношении этих стран. В апреле 2014 г. гражданское и военное сотрудничество с Россией в рамках Совета Россия – НАТО, образованного в мае 2002 г., было приостановлено, за что выступили и США, и ФРГ. Между евроатлантическими партнерами наблюдалось своего рода «разделение труда»: США стремились активизировать развертывание войск и инфраструктур Североатлантического блока вдоль границ России, а Германия нацеливала ЕС на использование против РФ экономических санкций, не отказываясь при этом от двусторонних отношений с ней в сфере экономики.

Но способствующие сплочению ФРГ и США в рамках трансатлантического союза украинские события не смогли скрыть определенных трений между Берлином и

Вашингтоном. В октябре 2013 г. стало известно о прослушивании американскими спецслужбами телефонных разговоров политиков Германии, в том числе А. Меркель, что вызвало возмущение последней. Из Берлина был выслан официальный представитель ЦРУ, а в июле 2014 г. было до минимума сокращено сотрудничество между разведками ФРГ и США [20]. В дальнейшем следственный комитет бундестага ФРГ выявил факт участия германской разведслужбы БНД в отслеживании контактов политиков и бизнесменов и передачи полученной информации американским коллегам, что привело к отставке главы БНД. Между двумя странами проявились разногласия в вопросах урегулирования украинского кризиса, прежде всего касающихся использования военной силы. Выступавшая от имени Евросоюза А Меркель 9 февраля 2015 г. на встрече с Б. Обамой выступила против намерений США начать поставлять на Украину летальное оружие. Глава Белого дома был вынужден прислушаться к мнению своего партнера [10].

Американская администрация не стала чинить препятствия подписанию в феврале 2015 г. лидерами России, Украины, Германии и Франции Минских соглашений с целью урегулирования кризиса и даже заявила, что приветствует заключение этих соглашений [6].

Что касается А. Меркель, то она старалась избегать новых трений с США, неизменно подчеркивая важность трансатлантического партнерства для Германии.

Ей приходилось считаться с традициями «атлантической солидарности», настроениями политической и военной элиты страны, позицией руководства НАТО, ограничением ее суверенитета, что связано с необходимостью соблюдать дисциплину в рамках НАТО, с размещением на территории ФРГ пяти из семи американских гарнизонов в Европе (два других находятся в Италии и Бельгии). Штаб-квартира армии США находилась в Висбадене, штаб Сил морской пехоты США – в городке Беблингене. Американские авиабазы расположены в Рамштайне и Шпангалеме. При этом на авиабазе бундесвера в Бухеле хранилось до 20 американских ядерных боеголовок. Кроме того, авиабаза Рамштайн использовалась в качестве центра управления беспилотниками, задействованными на Ближнем Востоке. В Германии в 2019 г. находилось около 34,5 тыс. американских солдат (в последствии Д. Трампом было решено их число уменьшить до 25 тыс.). За 2012 – 2019 гг. Германия потратила более 760 млн. евро на содержание американского военного контингента в ФРГ. На долю США приходились почти все ассигнования ФРГ на военное строительство для стран-партнеров по НАТО. Однако, как заявила посол ФРГ в США Э. Хабер, войска США «находятся в ФРГ не для того, чтобы защищать Германию. Они там для того, чтобы защищать трансатлантическую безопасность» [17].

Вовлечение Германии Вашингтоном в планы использования ядерного оружия в Европе в случае их реализации может поставить страну под смертельный удар. Но по представлениям министерства обороны ФРГ, возможность применения американских атомных бомб, хранящихся в Германии, должна быть обеспечена без проблем. Истребители-бомбардировщики «Торнадо», предназначенные для выполнения этой задачи, тем не менее, должны быть заменены новыми самолетами, способными доставлять ядерное оружие. Приверженность ФРГ участию в «ядерном сдерживании» глубоко укоренилась в некоторых ее военно-политических кругах. Федеративная Республика, территория которой во времена противостояния Восток – Запад была возможным полем войны, по словам немецкого исследователя П. Рудольфа, «имела существенный интерес к влиянию на ядерное планирование НАТО, определенное США, как бы оно ни было ограничено. Однако привилегированная по сравнению с другими государствами, не имеющими ядерного оружия, роль, которую Германия имела в ядерном планировании НАТО во время конфликта Восток – Запад, ушла в прошлое. Однако привилегированная по сравнению с другими государствами, не имеющими ядерного оружия, роль, которую Германия имела в ядерном планировании НАТО во время конфликта Восток – Запад, как считает ученый, ушла в прошлое [26].

Наблюдается снижение доверия среди граждан ФРГ к Североатлантическому союзу как к гаранту их безопасности падать: если в 2009 г. Североатлантическому альянсу доверяли 73% опрошенных немцев, то в 2015 г. – только 55% [28].

После победы на президентских выборах в США представителя республиканской партии Д. Трампа в ноябре 2016 г. и вступления его января 2017 г. в Белый дом по большинству направлений взаимодействия Германии и США наблюдалось ослабление евроатлантических связей. Руководство ряда государств-членов НАТО были недовольны предвыборным высказыванием президента, который в своем интервью изданию «Нью-Йорк Таймс» усомнился в том, что станет автоматически продлевать гарантии безопасности, которые обеспечивают 28 членам Организации Североатлантического договора уверенность в том, что в случае нападения они получат военную поддержку США [27].

Заняв президентский пост, Д. Трамп скорректировал свою позицию. Он заявил о своей приверженности НАТО, но стал связывать активное участие США в организации с необходимостью увеличения всеми государствами-членами блока удельного веса военных расходов в объеме национальных ВВП, поскольку только США и Великобритания несли на себе военную финансовую нагрузку в союзе. На первой встрече с А. Меркель 17 марта 2017 г. Д. Трамп, не возражая против практической значимости НАТО, стал использовать Альянс для оказания давления на ФРГ, призвав Германию увеличить расходы на оборону на 2%, исходя из объема ВВП [16, с. 150]. Американский президент выставил ФРГ также счет в размере 370 млрд. долл. за помощь, которую США ранее оказали Германии в деле обеспечения ее обороны [15, с. 120]. Трамп пересмотрел позиции, согласованные прежде руководителями США с союзниками по НАТО по проблемам Ближнего и Среднего Востока, а также по проблемам ядерных вооружений. Так Вашингтон признал Иерусалим столицей Израиля (6 декабря 2017 г.), объявил о выходе Соединенных Штатов Америки из подписанного в 2015 г. Ираном и пятью государствами-членами Совета Безопасности ООН, а также Германией. Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе (8 мая 2018 г.), а затем из имеющего стратегическое значение Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, заключенного между СССР и США 8 декабря 1987 г. (2 августа 2019 г.). В августе и сентябре 2019 г. США провели испытания новейшей модификации крылатой ракеты «Томагавк» с запрещенной договором дальностью полета и прототипа новой баллистической ракеты наземного базирования средней дальности. 22 ноября 2020 г. завершился процесс выхода США из Договора по открытому небу, позволяющего его участникам совершать облеты территорий друг друга для наблюдения за военной деятельностью [7]. Под угрозой оказался и Договор между Россией и США о мерах по дальнейшему сокращению и сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III) от 8 апреля 2010 г., срок которого истекал в феврале 2021 г. Реакция ФРГ на эти действия была достаточно сбалансированной. ФРГ увеличила военные ассигнования на 2017 – 2018 гг. на 4 – 6 млрд. долл. С 2017 г. начался рост численности бундесвера. На Брюссельском саммите НАТО (11 – 12 июля 2018 г.) было согласовано решение о создании двух новых логистических командований, основной задачей которых будет обеспечение ускоренной переброски войск на Европейском театре военных действий и подкреплений из США через Атлантику в случае войны [4, с. 6]. Германия взяла на себя ответственность за комплектование Сил быстрого реагирования НАТО, причем раньше срока, не с 2021 г, а с 2019 г.

В то же время на Брюссельском саммите Альянса возглавляемая А. Меркель делегация, заранее согласовав свои позиции с Францией, Нидерландами, Литвой и некоторыми другими государствами, выступила против новой инициативы Д. Трампа об увеличении военных расходов стран-участниц блока с 2 до 4% от ВВП. Не помогла попытка президента США оказать давление на ФРГ, заявившего накануне многосторонней встречи о возможности сокращения американского воинского контингента с территории страны. А еще раньше министр обороны ФРГ У. фон дер Ляйен отвергла

саму возможность обсуждения вопроса о выплате ФРГ 370 млрд. долл. по счету, предъявленному президентом Соединенных Штатов Америки [15, с. 120–123].

Со второй половины 2016 г. Германия и Франция стали активно выступать за более тесное военное сотрудничество в рамках Европейского союза и создание единой европейской армии. В декабре 2017 г. на заседании Совета Европейского союза в Брюсселе была подписана программа Постоянного структурированного сотрудничества (PESCO) (*Europäische Union-Staaten melden PESCO* [21]). Реализация проекта PESCO позволяет ФРГ совместно с Францией и другими ближайшими партнерами осуществлять военно-политические акции за пределами НАТО, производить продукцию военного назначения без США, а также обеспечить переподчинение части германских военных контингентов Евросоюзу. ФРГ сделала первый шаг к уменьшению зависимости от НАТО и США в области обороны, создавая в рамках ЕС механизм продвижения своих национальных интересов. Однако достигнутые соглашения не означали отказа ФРГ от стремления к обеспечению ее безопасности силами Североатлантического блока, а должны лишь дополнять мероприятия, принимаемые в рамках Альянса.

Германия стала стремиться повысить свою роль не только в рамках ЕС, но и в НАТО, изменить там военный баланс по отношению к США. Чтобы подтвердить свою роль как европейского лидера и окончательно возратить политическую субъектность на международной арене, на равных вести диалог с США, ей необходима сильная дееспособная армия.

Этим можно объяснить то, что ФРГ и без требований Вашингтона стала увеличивать свои оборонные расходы. Например, в 2019 г. по сравнению с 2018 г. расходы на эти цели увеличились на 3,6%. Среди европейских союзников США значительную часть в бюджет НАТО после Франции (более 50 млрд. долл.) вносит Германия (49 млрд. долл.). Среди всех союзников НАТО именно рост военных расходов Германии наиболее примечателен. С 2010 по 2019 г. расходы Германии возросли на 15% [13].

Тем не менее, ФРГ нуждалась в сохранении американского «ядерного зонтика». Пока Д. Трамп был президентом, рассчитывать на это, однако, в полной мере было нельзя.

Поэтому, не дожидаясь официального подведения итогов президентских выборов, А. Меркель в ноябре 2020 г. поздравила представителя демократической партии Дж. Байдена с победой. При этом она отметила его многолетний опыт во внутренней и внешней политике, хорошее знание Германии и Европы. Меркель назвала основные направления сотрудничества с США при Дж. Байдене: борьба с пандемии коронавируса, борьба с потеплением климата и его глобальными последствиями, борьба с терроризмом. Канцлер выразила также надежду на объединение усилий Берлина и Вашингтона, чтобы вместе выступать за открытую глобальную экономику и свободную торговлю [18]. По словам Меркель, несмотря на то, что дружба между двумя странами «прошла проверку временем», Германия выразила надежду на более тесное взаимодействие с США после занятия Дж. Байденом Овального кабинета в Белом доме. Канцлер заявила, что и ФРГ, и Европа должны «взять на себя больше ответственности» в отношениях с Соединёнными Штатами. А. Меркель отметила, что США были и остаются важнейшим союзником ФРГ, но они ожидают от Германии больше собственных усилий для обеспечения ее собственной безопасности и продвижения своих убеждений в мире. «Мы союзники по НАТО и разделяем основные ценности и интересы», – подчеркнула глава правительства ФРГ [11].

Однако, по мнению немецкого специалиста в области политики безопасности В. Рихтера, для долгосрочного будущего трансатлантического альянса возникают некоторые проблемы. Почти равновесные лагеря в поляризованных Соединенных Штатах имеют «силу предотвращения», которая позволяет им ограничивать свободу действий соответствующей администрации. Кроме того, существуют двухпартийные

общие черты в принципиальной ориентации внешней политики и политики безопасности США. Помимо сдерживания России, Ирана и Северной Кореи, это, прежде всего, геополитическое соперничество с Китаем. Вашингтон будет подталкивать Европу к принятию соответствующих решений. Таким образом, интересы США и впредь не будут совпадать с интересами Германии и Европы. В долгосрочной перспективе, как утверждает ученый, Европа сможет сохранить свою политическую свободу действия по отношению к неевропейским державам только в том случае, если практические шаги. Для этого необходимо тесное сотрудничество Германии с Францией [25].

Подводя итоги исследования, можно заключить следующее. Инициатором вовлечения Федеративной Республики Германия в Североатлантический альянс явились Соединенные Штаты Америки, Целью США было превратить страну в форпост НАТО в Европе. Для этого были возрождены и укреплялись вооруженные силы Западной Германии, усиливалась их интеграция в структуры НАТО. С окончанием «холодной войны» ФРГ перестала быть «прифронтовым государством». Став после объединения Германии в 1990 г. великой державой, она стала по-новому осмысливать свою роль в меняющемся мире, искать ответы на новые вызовы и риски.

На протяжении 1955 – 2020 гг. взаимоотношения ФРГ и США в Североатлантическом союзе характеризовались как сотрудничеством, так и определенными противоречиями, что связано с несовпадением национальных интересов сторон.

После победы на президентских выборах в США Д. Трампа в ноябре 2016 г. и вступления его в январе 2017 г. в Белый дом по большинству направлений взаимодействия Германии и США наблюдалось ослабление евроатлантических связей, что было связано, в основном, со стремлением переложить часть бремени военных расходов НАТО с Соединенных Штатов Америки на плечи Германии и других государств-членов Альянса, а также с выходом США из ряда важных международных договоров и соглашений.

Реализация проекта PESCO (2017 г.) предоставляет возможность ФРГ совместно с ближайшими партнерами осуществлять военно-политические акции за пределами НАТО, производить продукцию военного назначения без США, а также обеспечить переподчинение части германских военных контингентов Европейскому союзу. Тем не менее, безопасность ФРГ в ближайшей и среднесрочной перспективе не может рассматриваться вне военно-политического сотрудничества с США в Североатлантическом блоке, что обусловлено традициями «атлантической солидарности», позицией немецкой политической и военной элиты, руководства НАТО, размещением на германской территории американских военных объектов и значительной интеграцией бундесвера в структуры этой организации. После смены американской администрации в 2021 г. Германия стремится выступить инициатором «трансатлантического Ренессанса». Вместе с тем она хочет на равных вести диалог с США в Североатлантическом альянсе, для чего, в частности, увеличивает военные расходы и укрепляет свою военную мощь.

Список источников и литературы

1. *Взаимодействие Германии и НАТО [Электронный ресурс] // НАТО.РФ: информационно-аналитический портал. URL: <https://нато.рф/ru/germany.html> (дата обращения: 01.03.2021).*
2. *Германия. Вызовы XXI века. М.: Весь мир, 2009. 792 с.*
3. *Глазунов Н. К. Бундесвер и НАТО: история создания и развития вооруженных сил ФРГ (1955 – 1978). М.: Воениздат, 1979. 271 с.*
4. *Далеко идущие планы НАТО. Альянс озаботился мобильностью своих войск на Европейском театре // Коммерсантъ. 2017. 9 нояб. (№ 208). С. 6.*
5. *Истягин Л. Г. ФРГ и НАТО. М.: Ин-т междунар. отношений, 1963. 109 с.*

6. Керри: США снимут санкции с РФ, если минские соглашения будут выполнены [Электронный ресурс] // Regnum : [сайт информ. агентства]. Дата публикации: 12.02.2015. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1894888.html> (дата обращения: 01.03.2021).
7. Как США выходили из международных соглашений при администрации Дональда Трампа [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт информ. агентства]. Дата публикации: 22.11.2020. URL: <https://tass.ru/info/10068059> (дата обращения: 01.03.2021).
8. Коммюнике о заседании Политического консультативного комитета государств-участников Варшавского Договора в Варшаве 20 января 1965 г. // Организация Варшавского Договора: документы и материалы, 1955 – 1985 / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1986. С. 76–80.
9. Лекаренко О. Г. Проблема разделения ядерной ответственности в НАТО в годы президентства Л. Джонсона // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401 (декабрь). С. 108–116.
10. Меркель отговорила Обаму от поставок оружия Киеву, рассказал немецкий посол в Вашингтоне [Электронный ресурс] // NEWSru.com : сайт. Дата публикации: 10.03.2015. URL: <https://www.newsru.com/world/10Mar2015/merkel.html> (дата обращения: 01.03.2021).
11. Меркель поздравила Байдена с избранием президентом США [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт информ. агентства]. Дата публикации: 09.11.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9948217> (дата обращения: 01.03.2021).
12. Михайлин К. Н. ФРГ и НАТО в конце XX – начале XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Михайлин Кирилл Николаевич. Тула, 2009. 224 с.
13. О расходах Германии на оборонный бюджет НАТО [Электронный ресурс] // Рамблер : [сайт]. Дата публикации: 22.10.2020. URL: https://news.rambler.ru/army/45075004/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 01.03.2021).
14. Павлов Н. В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. М.: Наука, 2005. 410 с.
15. Трунов Ф. О. Политика ФРГ в НАТО: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. С. 114–134.
16. Трунов Ф. О. Проблемы и перспективы взаимодействия ФРГ и США в политико-военной области при администрации Д. Трампа // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 1. С. 146–168.
17. Найт Б., Елкина А. Что нужно знать об американских войсках в Германии [Электронный ресурс] // DW.com: [Новости и аналитика о Германии, России, Европе, мире]. Дата публикации: 16.06.2020. URL: <https://p.dw.com/p/3OHJE> (дата обращения: 01.03.2021).
18. Biden-Sieg bei US-Wahl. Merkels Glückwunsch, Merkels Angebot [Elektronische ressource] // Tagesschau. Stand: 09.11.2020. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/uswahl/reaktionen-biden-sieg-merkel-101.html> (accessed: 01.03.2021).
19. Bredow W.von. Die Geschichte der Bundeswehr. Berlin: Palm Verlag, 2017. 160 s.
20. Donahue P. Germany Expels U.S. Intelligence Envoy Amid Spying Spat [Electronic resource] // Bloomberg : site. Posted: 10.07.2014. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-07-10/germany-expels-u-s-intelligence-envoy-amid-spying-allegations> (accessed: 01.03.2021).
21. Europäische Union-Staaten melden PESCO (Permanent Structured Cooperation) – Teilnahme [Elektronische Ressource] // Bundesministerium der Verteidigung : site. Stand: 13.11.2017. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/eustaaten-melden-pesco-teilnahme19568> (accessed: 01.03.2021).

22. *Final Communiqué [22.10.1954] [Elektronic resource] / chairman: mr. S. Stephanopoulos, Foreign Minister of Greece // NATO : site. Updated: 23.10.2000. URL: <https://www.nato.int/docu/comm/49-95/c541022a.htm> (accessed: 01.03.2021).*
23. *Geschichte. Der Beitritt Deutschlands zur NATO – 50 Jahre danach: Helga Haftendorn analysiert die Debatten und Ereignisse im Zusammenhang mit dem vor 50 Jahren erfolgten Beitritt Deutschlands zur NATO [Elektronische ressource] // Die NATO und Friedensmissionen : site. URL: <https://www.nato.int/docu/review/2005/issue2/german/history.html> (accessed: 01.03.2021).*
24. *Hyde-Price, A. Germany and European order Enlarging NATO and the EU. Manchester: Manchester univ. press. 2000. 270 p.*
25. *Richter W. US-Rüstungskontroll- und Militärpolitik in Europa – Erwartungen an Biden SWP-Aktuell [Elektronische ressource] // Stiftung Wissenschaft und Politik: Deutsches Institute für Internationale Politik und Sicherheit : site. URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/us-ruestungskontroll-und-militaerpolitik-in-europa-erwartungen-an-biden/> (accessed: 05.03.2021) ; <https://www.swp-berlin.org/wissenschaftler-detail/wolfgang-richter/> (accessed: 01.03.2021).*
26. *Rudolf P. Deutschland, die Nato und die nukleare Abschreckung [Elektronische ressource] // Stiftung Wissenschaft und Politik: Deutsches Institute für Internationale Politik und Sicherheit : site. 2020/S 11, Mai 2020. URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/deutschland-die-nato-und-die-nukleare-abschreckung/> (accessed: 01.03.2021).*
27. *Trump's NATO Skepticism Raises Alarm for Allies Near Russia [Electronic resource] / by Aaron Eglitis, Toluse Olorunnipa, and Andy Sharp // Bloomberg : site. Posted: 21.07.2016. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-07-21/trump-says-u-s-may-not-defend-nato-allies-against-russia-attack-iqwv8gki> (accessed: 01.03.2021).*
28. *Umfrage: Deutsche lehnen Nato-Einsatz gegen Russland ab [Elektronische ressource] // Deutsche wirtschaftsnachrichten: eine publication der verlagsgruppe bonnier : site. Stand: 15.06.2015. URL: <https://deutsche-wirtschaftsnachrichten.de/2015/06/15/deutsche-lehnen-nato-einsatz-gegen-russland-ab> (accessed: 01.03.2021).*
29. *Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden, 2007. S. 763–778.*

References

1. *Vzaimodeystviye Germanii i NATO [Interaction of Germany and NATO] [Electronic resource]. NATO.RF: information and analytical portal. URL: <https://nato.pf/ru/germany.html> (accessed: 01.03.2021). [in Russian].*
2. *Germaniya. Vyzovy XXI veka [Germany. Challenges of the 21th century]. Moscow: Ves' mir publ, 2009. 792 p. [in Russian].*
3. *Glazunov N. K. Bundesver i NATO: istoriya sozdaniya i razvitiya vooruzhennykh sil FRG (1955 – 1978) [Bundeswehr and NATO: History of the Creation and development of the West German Armed Forces (1955-1978)]. Moscow: Voenizdat publ, 1979. 271 p. [in Russian].*
4. *Daleko idushchiye plany NATO. Al'yans ozabotilsya mobil'nost'yu svoikh voysk na Yevropeyskom teatre [NATO's far-reaching plans. The Alliance has taken care of the mobility of its troops in the European Theater]. Kommersant" 2017. 9 Nov. (No 208). P.6. [in Russian].*
5. *Istyagin L. G. FRG i NATO [West Germany and NATO]. Moscow: In-t mezhdunar. otnosheniy publ, 1963. 109 p. [in Russian].*

6. Kerri: *SSHA snimut sanktsii s RF, yesli minskiye soglasheniya budut vpolneny [Kerry: US will remove the sanctions against Russia if the Minsk agreements are fulfilled]* [Electronic resource]. Regnum: [website inform. agencies]. Publication date: 12.02.2015. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1894888.html> (accessed: 01.03.2021). [in Russian].
7. *Kak SSHA vykhodili iz mezhdunarodnykh soglasheniy pri administratsii Donal'da Trampa [How the United States withdrew from international agreements under the administration of Donald Trump]* [Electronic resource]. TASS: [inform. agency website]. Publication date: 22.11.2020. URL: <https://tass.ru/info/10068059> (accessed: 01.03.2021). [in Russian].
8. Kommyunike o zasedanii Politicheskogo konsul'tativnogo komiteta gosudarstv-uchastnikov Varshavskogo Dogovora v Varshave 20 yanvarya 1965 g. [Communiqué on the meeting of the Political Consultative Committee of the Warsaw Treaty States Parties in Warsaw on January 20, 1965]. *The Warsaw Treaty Organization: Documents and Materials, 1955 – 1985*. USSR Ministry of Foreign Affairs Moscow: Politizdat publ, 1986. Pp. 76–80. [in Russian].
9. Lekarenko O. G. Problema razdeleniya yadernoy otvetstvennosti v NATO v gody prezidentstva L. Dzhonsona [The issue of nuclear responsibility sharing in NATO during the presidency of Lyndon Johnson]. *Tomsk State University Journal*. 2015. No 401 (December). Pp. 108–116. [in Russian].
10. *Merkel' otgovorila Obamu ot postavok oruzhiya Kiyevu, rasskazal nemetskiy posol v Vashingtone [Merkel dissuaded Obama from supplying weapons to Kiev, said the German ambassador in Washington]* [Electronic resource]. NEWSru.com : website. Publication date: 10.03.2015. URL: <https://www.newsru.com/world/10Mar2015/merkel.html> (accessed: 01.03.2021). [in Russian].
11. *Merkel' pozdravila Baydena s izbraniyem prezidentom SSHA [Merkel congratulates Biden on his election as US President]* [Electronic resource]. TASS: [inform. agency website]. Publication date: 09.11.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9948217> (accessed: 01.03.2021). [in Russian].
12. Mikhaylin K. N. *FRG i NATO v kontse XX – nachale XXI vv. [West Germany and NATO in the late 20th - early 21st centuries]: diss. ... kand. ist. nauk [Thes. ... Cand. Hist. Sciences]: 07.00.03 (Mikhaylin Kirill Nikolaevich)*. Tula, 2009. 224 p. [in Russian].
13. *O raskhodakh Germanii na oboronnyy byudzheth NATO [On German spending on the NATO's defense budget]* [Electronic resource]. Rambler : [website]. Publication date: 22.10.2020. URL: https://news.rambler.ru/army/45075004/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (accessed: 01.03.2021). [in Russian].
14. Pavlov N. V. *Vneshnyaya politika FRG v postbipolyarnom mire [West German foreign policy in the post-bipolar world]*. Moscow: Nauka publ, 2005. 410 p. [in Russian]
15. Trunov F. O. *Politika FRG v NATO: problemy i perspektivy [The policy of West Germany in NATO: problems and prospects]*. 2019. No 4. Pp. 114–134. [in Russian].
16. Trunov F. O. Problemy i perspektivy vzaimodeystviya FRG i SSHA v politiko-voyennoy oblasti pri administratsii D. Trampa [Problems and prospects of interaction between Germany and the United States in the political and military sphere under the administration of D. Trump]. *Aktual'nyye problemy Yevropy*. 2019. No 1. Pp. 146–168. [in Russian].
17. Knight B., Elkina A. *Chto nuzhno znat' ob amerikanskikh voyskakh v Germanii [What you need to know about American troops in Germany]* [Electronic resource]. DW.com: [News and analytics about Germany, Russia, Europe, and the world]. Publication date: 16.06.2020. URL: <https://p.dw.com/p/3OHJE> (accessed: 01.03.2021). [in Russian].

18. *Biden-Sieg bei US-Wahl. Merkmals Glückwunsch, Merkmals Angebot* [Elektronische ressource]. Tagesschau. Stand: 09.11.2020. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/uswahl/reaktionen-biden-sieg-merkel-101.html> (accessed: 01.03.2021). [in German].
19. Bredow W.von. *Die Geschichte der Bundeswehr*. Berlin: Palm Verlag, 2017. 160 s. [in German].
20. Donahue P. *Germany Expels U.S. Intelligence Envoy Amid Spying Spat* [Electronic resource]. Bloomberg: site. Posted: 10.07.2014. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-07-10/germany-expels-u-s-intelligence-envoy-amid-spying-allegations> (accessed: 01.03.2021). [in English].
21. *Europäische Union-Staaten melden PESCO (Permanent Structured Cooperation) – Teilnahme* [Elektronische Ressource]. Bundesministerium der Verteidigung : site. Stand: 13.11.2017. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/eustaaten-melden-pesco-teilnahme19568> (accessed: 01.03.2021). [in German].
22. *Final Communiqué [22.10.1954]* [Electronic resource]. chairman: mr. S. Stephanopoulos, Foreign Minister of Greece. NATO: site. Updated: 23.10.2000. URL: <https://www.nato.int/docu/comm/49-95/c541022a.htm> (accessed: 01.03.2021). [in English].
23. *Geschichte. Der Beitritt Deutschlands zur NATO – 50 Jahre danach: Helga Haftendorn analysiert die Debatten und Ereignisse im Zusammenhang mit dem vor 50 Jahren erfolgten Beitritt Deutschlands zur NATO* [Elektronische ressource]. Die NATO und Friedensmissionen : site. URL: <https://www.nato.int/docu/review/2005/issue2/german/history.html> (accessed: 01.03.2021). [in German].
24. Hyde-Price, A. *Germany end European order Enlarging NATO and the EU*. Manchester: Manchester univ. press. 2000. 270 p. [in English].
25. Richter W. *US-Rüstungskontroll- und Militärpolitik in Europa – Erwartungen an Biden SWP-Aktuell* [Elektronische ressource]. Stiftung Wissenschaft und Politik: Deutsches Institute für Internationale Politik und Sicherheit : site. URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/us-ruestungskontroll-und-militaerpolitik-in-europa-erwartungen-an-biden/> (accessed: 05.03.2021) ; <https://www.swp-berlin.org/wissenschaftler-detail/wolfgang-richter/> (accessed: 01.03.2021). [in German].
26. Rudolf P. *Deutschland, die Nato und die nukleare Abschreckung* [Elektronische ressource] // Stiftung Wissenschaft und Politik: Deutsches Institute für Internationale Politik und Sicherheit : site. 2020/S 11, Mai 2020. URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/deutschland-die-nato-und-die-nukleare-abschreckung/> (accessed: 01.03.2021). [in German].
27. *Trump's NATO Skepticism Raises Alarm for Allies Near Russia* [Electronic resource] / by Aaron Eglitis, Toluse Olorunnipa, and Andy Sharp // Bloomberg : site. Posted: 21.07.2016. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-07-21/trump-says-u-s-may-not-defend-nato-allies-against-russia-attack-iqvw8gki> (accessed: 01.03.2021). [in German].
28. *Umfrage: Deutsche lehnen Nato-Einsatz gegen Russland ab* [Elektronische ressource] // Deutsche wirtschaftsnachrichten: eine publication der verlagsgruppe bonnier : site. Stand: 15.06.2015. URL: <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/2015/06/15/deutsche-lehnen-nato-einsatz-gegen-russland-ab> (accessed: 01.03.2021). [in German].
29. Varwick J. *Nordatlantische Allianz* // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden, 2007. S. 763–778. [in German].

Дата поступления статьи: 01.03.2021
Дата решения о публикации: 25.03.2021

Date of receipt of article: 01.03.2021
Date of publication decision: 25.03.2021

Сведения об авторе

Родович Юрий Владиславович,
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории и археологии
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: yura.rodovich@mail.ru).

Information about the Author

Rodovich Yuri Vladislavovich,
Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department
of History and Archaeology,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: yura.rodovich@mail.ru).

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Т. БОНДАРЕНКО

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус-3
DOI 10.22405/27128407_2021_1_69

UDC 811.161.1
LBC 81.2 Рус-3

О СМЕХЕ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

V. T. Bondarenko

*Тулский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологизмы, обладающие коммуникативно-прагматической целеустановкой на создание комического эффекта. Установлено, что реализация и воздействие фразеологических шуток определяются их коннотациями. Фразеологическая единица может вызвать у адресата как улыбку, так и скрытую насмешку. Сила осмеяния имеет разную степень интенсивности. В статье рассмотрены разные структурные виды шуточных фразеологизмов, построенных на смысловом контрасте двух частей по аналогичному типу.

Ключевые слова: фразеологизм, прагматика, смех, ирония, коннотация.

LAUGHTER IN RUSSIAN PHRASEOLOGY

V. T. Bondarenko

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The article deals with phraseological units having a communicative and pragmatic goal for creating a comic effect. The author finds out that the connotations determine the implementation and impact of phraseological jokes. A phraseological unit can cause both a smile and a latent ridicule of the addressee. The power of ridicule has varying degrees of intensity. The article discusses various structural types of humorous phraseological units built, in a similar manner, on the semantic opposition of two parts.

Keywords: phraseology, pragmatics, laughter, irony, connotation.

Всему свое время... Время рож-
даться и время умирать... Время убивать
и время врачевать... Время плакать и
время смеяться...

Екклесиаст, гл. 3, 1-4

Составляя суть человеческого мировоззрения, смех всегда привлекал самое пристальное внимание философов, психологов, писателей, литературоведов, лингвистов, культурологов. История разработки проблемы смеха насчитывает по меньшей мере две с половиной тысячи лет, если начинать ее с Платона и Аристотеля. Ведь эстетический смех – (комическое как явление культуры) – одна из основных эстетических категорий, наряду с прекрасным, возвышенным и трагическим [11].

Общим моментом во многих теориях является признание того факта, что в основе языкового изображения комического лежит сочетание несходного [15], контраст двух планов (противоположность, противоречие, отклонение от нормы) [7]. С позиции теории фреймов образование языковой шутки как словесной формы комического объясняется действием механизма, основанного на неожиданной смене фреймов, когда «сначала сцена описывается с одной точки зрения, а затем неожиданно (для этого достаточно одного-единственного слова)» предстает в совершенно другом ракурсе [9, с. 294]. В результате произвольного объединения в рамках одного текста разного материала происходит «короткое замыкание», приводящее сначала к недоумению вследствие непонимания, а затем – к внезапному распознаванию нового (шуточного) содержания.

Как называть проявления языкового смехотворчества и какие вербально-комические структуры к ним относить? Здесь среди ученых нет единства. В. Д. Девкин, например, все, отмеченное лингвистическим комизмом, предлагает объединить понятием юморема. К юморемам относятся и единицы языка: слова, фразеологизмы, устойчивые фразы (поговорки, крылатые выражения и др. клишированные фразы), и единицы речи: предложения и тексты [6]. В. З. Санников же использует в качестве общего названия сочетание языковая шутка – «цельный текст ограниченного объема (или автономный элемент текста) с комическим содержанием» [12, с. 23]. Тем самым отмечается смысловая и грамматическая законченность смехового произведения.

Объектом нашего внимания являются фразеологизмы, обладающие коммуникативно-прагматической целеустановкой на создание комического эффекта, вызывающего у слушателя/читателя улыбку или удовольствие в виде смеха. Ср.: *на рыбьем меху, заливатья соловьем, кот наплакал, рот шире ворот; Милости прошу к нашему шалашу, У лысого голова не чешется*¹.

Смеховая культура русской фразеологии исследована незадолго мало. Многие шутливые фразеологизмы не получают в современных словарях надлежащей лексикографической оценки. Изучение юмора фразеологии поможет раскрыть и лучше понять смеховой мир русского народа (над чем смеемся? почему? как?), постичь национальное своеобразие лингвистической техники комического в русском языке.

Уже при беглом знакомстве с единицами фразеологии, при погружении мир фразеологических образов и фантазий сразу же напрашивается мысль о большой предрасположенности фразеологического материала к юмористическому осмыслению и изображению действительности, свидетельствуя тем самым о склонности русского человека к шутливости и комикованию. Это еще зорко было подмечено гениальным Н. В. Гоголем: «У нас у всех много иронии. Она видна в наших пословицах и песнях... Трудно найти русского человека, в котором бы не соединилось вместе с умением пред чем-нибудь истинно возблагодарить – свойство над чем-нибудь истинно посмеяться. Все наши поэты заключали в себе это свойство» [5, с. 358].

Подтверждение этому можно найти и в «Лекциях по русской литературе» В. Набокова. Рассматривая персонаж нос в гоголевских произведениях «как литературный прием, свойственный глубокому карнавальному юмору и русским шуткам по поводу носа в частности», писатель отмечает следующее в этой связи: «Знаменитый гимн носу в «Сирано де Бержераке» Ростана – ничто по сравнению с сотнями русских пословиц и поговорок по поводу носа. Мы вешаем его в унынии, задираем от успеха, советуем при плохой памяти сделать на нем зарубку, и его вам утирает победитель... Мы чаще, чем любой другой народ, говорим, что водим кого-то за нос или кого-то с ним оставляем. Сонный человек «клюет» им, вместо того чтобы кивать головой. Большой нос, говорят, - через Волгу мост или – сто лет рос. В носу свербит к радостной вести, ежели на кончике вскочит прыщ, это – вино пить. Писатель, который мельком сообщит, что кому-то муха села на нос, почитается в России юмористом» [10, с. 33–34].

О массовом характере представленности «несерьезных» (шутливых) единиц в составе русской фразеологии можно судить по самим словарным материалам. В четырехтомном труде И. М. Снегирева «Русские в своих пословицах» одним из шести источников пословиц специально указаны «острые ответы и шутки, сделавшиеся общими и составляющие знамение жизни умственной и нравственной, общественной и семейной» [13, с. 156].

Обратившись к списку паремий, приведенных в знаменитом словаре В. Даля «Пословицы русского народа» по тематическому признаку, мы найдем достаточно большое количество этих речений в разделе «Смех – шутка – веселье». Приводимые дидактические пословицы интересны с точки зрения связи выражаемого ими культурного концепта «смех» с другими концептами: дело, правда, грех, печаль, веселье и др. См.: *Смешки смешками, а дело делом; В шутках правды не бывает; В чем живет смех, в том и грех; Кто смешлив, тот и слезлив; Шутку шутить, смех веселить.*

Что касается устойчивых фраз с комическим содержанием, то они рассыпаны в изобилии в каждой словарной рубрике (всего их 178). А такой раздел, как «Кабы – если б», сплошь представлен смеховыми единицами: *Кабы не плешь, так бы и не голо; Кабы не кабы, стала б кобыла меринном; Кабы ты была пила, то бы ты была железная; Если бы не мороз, то овес бы до неба дорос и т.д.*

Реализация и воздействие фразеологических шуток определяются их коннотативной (эмотивно-оценочной) характеристикой. С одной стороны, выделяются фразеологизмы – собственно шутки, относящиеся к числу безобидных, одобрительных: *на деревню дедушке, короче воробьиного носа, Жизнь бьет ключом и все по голове; до свидания, милое создание; чай не водка – много не выпьешь.*

Главные значения таких единиц – вызвать у адресата улыбку, веселье, доставить ему удовольствие, а заодно и похвалить, утешить, подбодрить, создать непринужденную и благоприятную атмосферу общения.

Когда шутка очень обесмысливается, это уже балагурство, смех ради смеха: *Аз пью квас, а увижу пиво, не пройду мимо; Где уж нам за вами, лучше вы за нами; Спишь, спишь, а отдохнуть некогда; Как начет картошки дров поджарить? Шутил покойник: помер во вторник, а в среду встал да лошадку украл.* Употребляя подобные паремии, говорящий не ставит перед собой никаких содержательных задач, кроме одной – развлечь, хорошо повеселить себя, собеседника и окружающих. Как отмечал, Д. С. Лихачев: «Балагурство – одна из национальных русских форм смеха, в которой значительная доля принадлежит «лингвистической» его стороне» [8, с. 21].

На другом полюсе располагаются тенденциозные фразеологические шутки, в которых негативная оценка имеет неодинаковый характер проявления. С их помощью можно выразить ироничное отношение к объекту оценки – тонкую, лукавую шутку, скрытую насмешку, несущую в замаскированной виде критический запал. Ср.: *развесистая клюква, легкость в мыслях необыкновенная, Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву; Хмельного в рот не берет, а на своих двоих шатается.*

Будучи шуткой «с двойным дном» (насмешить и одновременно покритиковать, подчеркнуть недостатки и при этом смягчить критику, пощадить чувства), иронический фразеологизм и действует на объект иронии двояко. Он может быть воспринят адресантом в целом одобрительно за получение эстетического удовольствия от формы выражения иронии (реализуется смеховая установка) или, наоборот, неодобрительно (обиженно, раздраженно) при реакции на отрицательную оценку.

Далее по нарастанию негативности идет фразеологическая насмешка – «сильная» шутка, обидная, злая. Насмешливые фразеологизмы оказывают отрицательно комическое воздействие, их коммуникативная цель – выставить адрес на смех окружающих, посрамить его, осудить, разоблачить с позиции идеала (нормы), что может вызвать у объекта осмеяния негодование, зло и обиду. В результате коммуникативного акта осмеяния отправитель речи, а возможно, и третьи лица получают определенное психологическое и эстетическое удовлетворение.

Сила осмеяния и сам «калибр» фразеологических насмешек могут быть самые разные: от не очень обидного, не очень злого, порицательного до убойного (возмущения, осуждения, презрения, пренебрежения, отвращения). Ср.: *Без штанов, а в шляпе; Студент прохладной жизни; Служит землемером по винной части; А его лоб только поросят бить; У него семь волос – и все густые; Не ковыряй в носу, лопату принесу; Гений среди удобрений; Мал клоп да вонюч; Урод: из заду ноги.*

Надо сказать, что граница между шуткой и иронией, шуткой и насмешкой, иронией и насмешкой во фразеологизмах не всегда бывает явной, о чем свидетельствуют и соответствующие пометы в словарях, когда одна и та же фразеологическая единица может квалифицироваться и как шутливая и как ироническая, шутливая и насмешливая [14]. Конкретная коннотативная расшифровка фразеологического знака происходит лишь в условиях речевого акта, с опорой на данные контексты.

Арсенал лингвистических средств (и приемов) комического в фразеологии использует ресурсы всех языковых уровней, участвующих в языковой игре [12], но далеко не в равной степени. Главную семантическую роль в производстве фразеологического смеха играет метафора. Ср.: *Чурка с глазами; Ветер свистит в карманах; Как аршин проглотил; под носом взошло, а в голове не посеяно; У него из голубятни голуби улетели; Чудно дядино гумно: семь лет урожая нет, а мыши водятся.* При этом чем сильнее натяжение и чем ярче, резче контраст между буквальным и переносным смыслами, тем больше юмора.

Для пословично-поговорочных фразеологизмов очень характерны приемы создания комического в плане выражения является каламбурное обыгрывание (на основе паронимии и омонимии), а также наличие рифмы, ритма и вообще созвучия. Ср.: *Я влез, а он в лес, я завяз, и он завяз; Ну и щи: хоть кнутом хлещи, пузырь не вскочит; Звал гостей, а закупил костей; Разорился парень бедный: купил девке перстенек медный.*

Прослеживается ли в срезе фразеологизмов русского языка какая-либо «грамматика» языкового смеха? Можно ли выделить здесь определенные типовые структуры, призванные для выражения и оформления юмора?

Хотя «внешняя одежда» шутливых фразеологизмов может быть самой разнообразной, однако синтаксическое построение многих из них подчинено основополагающему принципу действия в механизме комического – контрасту (антитезе). В таких фразеологических шутках прослеживается структурно-семантическая моделированность и серийность их образования.

Приведем некоторые структурные виды шутливых фразеологизмов, построенных на смысловом контрасте двух частей по аналогичному типу.

1. Субстантивные фраземы: *артисты с погорелого театра, герой кверху дырой, монах в рваных штанах, профессор кислых щей* и т.п.

2. Поговорки: *Воин: сидит в кустах и воет; Земляк: избил всех в синяк; Марток: надевай двое порток; Экономист: спичку – на шестерых, бутылочку на одного* и др.

3. Поговорки: *Седлай порты, надевай коня; Грудь нараспашку, язык на плечо; Курочка бычка родила, поросенок яичко снес; Две лошади белые, третья голая* и т.д.

4. Самый распространенной синтаксической структурой в шутливой паремии является бессоюзное сложное предложение с объяснительным значением [3, с. 153]: *Все наготове: сани в Казани, хомут на базаре; Коза пропала: было восемь – девять стало; Сделал дело: надел на свинью хомут; Хата брата всем богата: три полена, два ушата* и др.

5. Паремии с модальной частицей только: *Человек он умный, только мало смыслит; Похожа свинья на быка, только шерсть немного не така; Лошадь совсем готова, только хомут надеть* и др.

6. Пословицы, построенные по модели сложноподчиненного предложения со значением временной обусловленности с *как..., так и*: *Как печь топить, так и дрова*

рубить; Как на охоту ехать, собак кормить; Как в пир идти, так и голову чесать и др.

7. Так называемые велеризмы [4]: Слепой сказал: «Посмотрим»; Глухой сказал: «Услышим»; «Хорошенького понемножку!» - сказала старушка, вылезая из под трамвая и т.п.

8. В качестве особого структурного типа языковых шуток можно рассматривать и многочисленные ответные фразеореплики, употребляющиеся в речи только в структуре диалогического единства, где просиходит резкое столкновение смыслов реплики-стимула и реплики-реакции. Ср.: (Кто?) – Дед Пухто; (Куда?) – Когда рак на горе свистнет; (Стыдно) – Стыдно у кого видно. См. об этом [2].

Все мы являемся свидетелями того, как в наше время, в условиях «опьянения» общества свободой и демократией, в средствах массовой информации и живой речи происходит невероятно сильная тяга к различным переделкам фразеологических единиц (особенно пословиц, поговорок и крылатых выражений), вовлечении их в среду языковой игры. Делается это из-за «раскованности» стиля и острой потребности в повышении языковой экспрессии как средства воздействия на слушателя и читателя.

Действенными приемами в образовании смехотворных фразеологических вариантов является замена компонентов, контаминация, расширение состава: *Птицу видно по полету; Счастливые трусов не надевают; Тише едешь, кобыле легче; Не плюй в колодец, вылетит не поймаешь; С милым рай и в шалаше, если милый атташе.*

В подобных переделках представлены и юмор, и зубоскальство, и глум, и стеб.

Примечания

1. В состав фразеологии мы вслед за В. Л. Архангельским [1] включаем как фраземы (единицы-минимум), так и устойчивые фразы (единицы-максимум).

Список источников и литературы

1. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1964. 315 с.
2. Бондаренко В. Т. Ответные фразеореплики в русской диалогической речи // Русский язык в школе. 2004. № 6. С. 75–77.
3. Бочина Т. Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 194 с.
4. Быкова А. А. Семиотическая структура велеризмов // Паремнологические исследования. М., 1984. С. 274–293.
5. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Сов. Россия, 1990. 428 с.
6. Девкин В. Д. Юморемы // Слово в словаре и дискурсе : сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. М.: Элпис, 2006. С. 71–76.
7. Дземидок Д. О комическом : пер. с пол. М.: Прогресс, 1974. 223 с.
8. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
9. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / пер. с англ. М. А. Дмитриевской // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 289–301.

10. Набоков В. В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. М.: Независимая газ., 1999. 439 с.
11. Рюмина М. Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М.: УРСС : Едиториал УРСС, 2003. 311 с.
12. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. 547 с.
13. Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Н. Новгород: Рус. купец : Братья славяне, 1996. 620 с.
14. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.
15. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.: Алетейя, 1998. 308 с.

References

1. Arkhangel'skiy V. L. *Ustoychivyye frazy v sovremennom russkom yazyke. Osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii* [Stable phrases in modern Russian. Foundations of the theory of stable phrases and problems of general phraseology]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo universiteta Publ., 1964. 315 p. [In Russian].
2. Bondarenko V. T. *Otvetnyye frazeorepliki v russkoy dialogicheskoy rechi* [Reciprocal phraseological responses in Russian dialogical speech]. *Russkiy yazyk v shkole. № 6. [Russian language at school. Issue 6]*. 2004. Pp. 75–77. [In Russian].
3. Bochina T. G. *Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkikh poslovits* [Stylistics of contrast: Essays on the language of Russian proverbs]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta Publ., 2002. 194 p. [In Russian].
4. Bykova A. A. *Semiotic structure of velerisms* [Semiotic structure of velerisms]. *Paremiologicheskie issledovaniya [Paremiological studies]*. Moscow, 1984. Pp. 274–293. [In Russian].
5. Gogol N. V. *Vybrannyye mesta iz perepiski s druž'yami* [Selected Passages from Correspondence with Friends]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1990. 428 p. [In Russian].
6. Devkin V. D. *Yumoremy* [Humorema]. *Slovo v slovare i diskurse : sbornik nauchnykh statey k 50-letiyu Kharri Val'tera* [Word in Dictionary and Discourse: A Collection of Scientific Papers for Harry Walter's 50th Anniversary]. Moscow: Elpis Publ., 2006. Pp. 71–76. [In Russian].
7. Dzemidok D. *O komicheskom* [Dzhemidok D. On the comic] transl. from Polish. Moscow: Progress Publ., 1974. 223 p. [In Russian].
8. Likhachev D. C., Panchenko A. M., Ponyrko H. B. *Smekh v Drevney Rusi* [Laughter in ancient Russia]. Leningrad: Nauka Publ., 1984. 295 p. [In Russian].
9. Minsky M. *Ostroumiye i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo* [Logic of the Cognitive Unconscious] transl. from English by M. A. Dmitrovskaya. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnyye aspekty yazyka*. Moscow: Progress Publ., 1988. Pp. 289–301. [In Russian].
10. Nabokov V. V. *Lektsii po russkoy literature: Chekhov, Dostoyevskiy, Gogol', Gor'kiy, Tolstoy, Turgenev* [Lectures on Russian literature: Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorky, Tolstoy, Turgenev]. Moscow: Nezavisimaya gazeta Publ., 1999. 439 p. [In Russian].

11. Ryumina M. T. *Estetika smekha: Smekh kak virtual'naya real'nost' [Aesthetics of laughter. Laughter as virtual reality]*. Moscow: URSS: Editorial URSS Publ., 2003. 311 p. [In Russian].
12. Sannikov V. Z. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry. 2-ye izd., ispr. i dop. [Russian language in the mirror of the language game. 2nd ed., aug.]*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. 547 p. [In Russian].
13. Snegirev I. M. *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok. Russkiye v svoikh poslovitsakh [Dictionary of Russian proverbs and sayings. Russians in their proverbs]*. Nizhniy Novgorod: Russkiy kupets Publ.: Brat'ya slavyane Publ., 1996. 620 p. [In Russian].
14. Khimik V. V. *Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi [The big dictionary of the Russian colloquial expressive speech]*. St. Petersburg: Norint Publ., 2004, 762 p. [In Russian].
15. Freud S. *Ostroumiye i yego otnosheniye k bessoznatel'nomu [Wit and its Relation to the Unconscious]*. St. Petersburg: Aletheia Publ, 1998. 308 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 01.03.2021
Дата решения о публикации: 25.03.2021

Date of receipt of article: 01.03.2021
Date of publication decision: 25.03.2021

Сведения об авторе

Бондаренко Виктор Терентьевич,
доктор филологических наук, профессор
кафедры документоведения и
стилистики русского языка
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого».

Information about the Author

Bondarenko Viktor Terentyevich,
Doctor of Philology, Professor of the
Department of Documentation
and Stylistics of the Russian Language,
Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.

**ЗАМЕТКИ К ИСТОРИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ.
В. В. ВИНОГРАДОВ — В. Л. АРХАНГЕЛЬСКИЙ — В. Т. БОНДАРЕНКО**

А. А. Хуснутдинов

Ивановский государственный университет

(г. Иваново, Россия)

Аннотация. В статье определяются основные направления развития отечественной фразеологической науки во второй половине XX века. Выделяются три основные линии разработки фразеологических материалов, которые отличаются друг от друга разным пониманием объекта и предмета фразеологии и решаемых ею задач: направление, представители которого считают объектом фразеологии все сочетания лексем, а предметом — особенности сочетаемости лексических единиц (линия «Е. Д. Поливанов — М. М. Копыленко, З. Д. Попова и др.»), направление, представители которого определяют фразеологическую единицу как несловное образование, как особую единицу языка, не являющуюся словосочетанием, так как она состоит не из слов, а из компонентов, только генетически восходящих к словам или ассоциирующихся со словами (линия «Б. А. Ларин — А. И. Молотков и др.»), и направление, представители которого рассматривают в качестве объекта фразеологии только те сочетания слов, которые характеризуются устойчивостью и воспроизводимостью (линия «В. В. Виноградов — В. Л. Архангельский и др.»). Особое внимание в статье уделяется характеристике третьего направления фразеологии, которое стало наиболее популярным в отечественной и зарубежной лингвистике. Указывается также на вклад в науку одного из представителей этого направления В. Т. Бондаренко, а именно на решение вопросов, связанных с научным описанием особенностей варьирования устойчивых фраз. Отмечается, что отношение В. Т. Бондаренко к проблеме варьирования фразеологических единиц как к явлению, затрагивающему и форму, и содержание единицы, а также его убеждение в том, что адекватное отражение реального функционирования фразеологических единиц возможно только при учете коммуникативного характера таких видоизменений в актах речи, позволяет ученому показать поле возможных трансформаций устойчивых фраз и способность фразеологических единиц к тем или иным модификациям, описать варианты парадигмы различных типов трансформаций с их оценкой с точки зрения устойчивости и изменчивости. В статье получает оценку и «Словарь ответных реплик в русской диалогической речи», составленный В. Т. Бондаренко, в котором представлен основной фонд употребительных устойчивых словесных формул, использующихся в речи в качестве ответных реплик-реакций.

Ключевые слова: русский язык, история фразеологической науки, фразеология, фразеологическая единица, фразема, устойчивая фраза, сочетаемость лексем.

**NOTES TO THE HISTORY OF PHRASEOLOGICAL SCIENCE.
V. V. VINOGRADOV – V. L. ARKHANGELSKY – V. T. BONDARENKO**

A. A. Khusnutdinov

Ivanovo State University

(Ivanovo, Russia)

Abstract. The article defines the main directions of the Russian phraseological science development in the second half of the XX century. The author distinguishes three main lines in the development of

phraseological materials. They differ from each other in perception of the object and subject of phraseology and the tasks it solves. The direction where the representatives see all the combinations of lexemes as the object of phraseology, and the peculiarities of lexical units compatibility as its subject (the line "E. D. Polivanov – M. M. Kopylenko– Z. D. Popova, etc."); the direction where the representatives define a phraseological unit as a non-word formation, as a special unit of language that is not a phrase, since it consists of components which are only genetically originated or associated with words and not of words themselves (the line "B. A. Larin – A. I. Molotkov, etc."); and the direction, the representatives of which consider only those combinations of words that are characterized by stability and reproducibility as the object of phraseology (the line "V. V. Vinogradov – V. L. Arkhangelsky and others"). The article pays particular attention to the characteristics of the phraseology's third direction, which has become the most popular in domestic and foreign linguistics. The author stresses the contribution to science of the representative of this direction, V. T. Bondarenko, namely, to the solution of the issues related to the scientific description of the features of stable phrases variation. It is stated that V. T. Bondarenko's attitude to the problem of varying phraseological units as a phenomenon affecting both the form and the content of a unit, as well as his belief that an adequate reflection of the real functioning of phraseological units is possible only when taking into account the communicative nature of such modifications in acts of speech. They allow the scientist to show the field of possible transformations of stable phrases and the ability of phraseological units to this or that modification, to describe the variant paradigms of various types of transformations with their evaluations in terms of stability and variability. The article also appreciates the "Dictionary of Responses in Russian Dialogical Speech", compiled by V. T. Bondarenko, which presents the main fund of common stable verbal formulas used in speech as response-reaction.

Keywords: Russian language, history of phraseological science, phraseology, phraseological unit, phraseme, stable phrase, lexeme compatibility.

Полное и цельное описание истории фразеологической науки является задачей будущего, однако уже в период становления и развития фразеологии как особой отрасли языкознания появляются обзоры и оценки научных исследований и словарей, посвященных описанию устойчивых сочетаний разных типов. Среди них не только аналитические обзоры реферативного характера в научных статьях, диссертациях и монографиях, представляющих так называемую «историю вопроса» рассматриваемой в работе научной проблемы, но и специальные исследования, ставящие задачей описать историю формирования тех или иных фразеологических концепций, очертить круг проблем, обсуждаемых в науке в тот или иной исторический период, показать особенности подхода к языковому материалу разных исследователей и т. д. (см., например, работы [16; 17; 19; 22] и др.). Заметим, однако, что в большей части таких исследований анализируются работы, в том числе и лексикографические труды, касающиеся времени становления фразеологии как науки или ее предыстории — «дофразеологического» периода. По-разному отражена в них и история фразеологии: одни работы построены как научные рефераты тех или иных трудов ученых, другие акцентируют внимание на особенностях решения разными авторами теоретических и практических проблем, актуальных в определенный исторический период развития фразеологии и фразеографии, третьи по содержанию и форме выступают как отзывы и рецензии. В этой связи кажется необходимым установление основных, магистральных путей развития фразеологии и фразеографии, что позволит более точно представить историю науки и объективно оценить место и значение каждого исследователя и научного труда в данной отрасли языкознания. Важно при этом учитывать особую роль лексикографических изданий в становлении, развитии и современном состоянии фразеологической науки. Сказанным определяется основная цель настоящей статьи: указать на три основные фразеологические концепции, которые, на наш взгляд, определили историю развития отечественной фразеологии и фразеографии во второй половине XX века и, соответственно, их нынешнее состояние и решаемые ими задачи в наши дни. При этом несколько больше места будет уделено характеристике одной

из них, заложенной академиком В. В. Виноградовым и развитой его учениками и последователями (среди которых В. Л. Архангельский, А. Г. Балакай, В. Т. Бондаренко, В. Н. Телия и др.) и получившей наибольшее распространение в науке.

Основным вопросом любой науки, в том числе и фразеологии, которым определяется необходимость выделения той или иной области исследования в самостоятельную науку, является вопрос о ее объекте и предмете. Для фразеологии этот вопрос имеет особое значение, что подчеркивается многими исследователями, ср., например: «...определение объема фразеологии является узловой проблемой данного раздела лингвистики, зависящей в свою очередь от того, что считать единицей фразеологического состава...» [19, с. 80]. Значимость этого вопроса фразеологической науки определяется разнообразием типов устойчивых сочетаний, каждый из которых имеет свои, часто весьма существенные, отличия, затрагивающие и форму, и содержание, и функциональное назначение таких сочетаний. Сущность самой этой проблемы для фразеологии как науки заключается в формулировке ответов на два вопроса: 1) что считать фразеологической единицей и 2) какие типы сочетаний следует отнести к фразеологическому составу языка. Четкие ответы на эти вопросы необходимы и для составителей фразеологических словарей: «Установление понятия фразеологизма должно лечь в основу работы над фразеологическим словарем, определить его типологические границы и объем» [2, с. 17].

В зависимости от ответов на эти вопросы во фразеологии принято выделять два «понимания» фразеологии, которые были предложены в 1957 г. С. И. Ожеговым — «фразеология в узком смысле» и «фразеология в широком смысле»: «Устойчивые словесные сочетания, бытующие в речи, разнородны по строению и по характеру использования в языке. Их объединяет только одно общее — это их устойчивость. Отсюда они так легко объединяются общим именем фразеологии. Но одни из них обладают определенными структурными особенностями и являются, наряду с отдельными словами, средствами построения предложений или элементами предложений. Подобные устойчивые словесные сочетания, фразеологические единицы языка, можно назвать фразеологией в узком смысле. Другие устойчивые сочетания, не обладающие указанными признаками, можно назвать фразеологией в широком смысле. При этом следует иметь в виду, что эти фразеологические стихии тесно взаимодействуют в своем историческом развитии, в процессе использования в речи» [14, с. 194]. С. И. Ожегов отмечает также, что фразеология в широком смысле многообразна. Она включает «"крылатые слова" в классическом смысле» — «любые отрезки контекста с законченным смыслом, употребляющиеся в речи как цитаты» — и «такого же рода всевозможные афоризмы, фразы, извлеченные из контекстов или составленные на основе каких-нибудь контекстов и ставшие ходовыми для цитирования», «пословицы, поговорки и подобные им словесные сочетания, объединяемые обычно как произведения народного творчества с присущими им жанровыми и художественными особенностями», а также «типические особенности словоупотребления, словосочетания и фразообразования в творчестве отдельных писателей или, преимущественно, в произведениях тех или иных литературных направлений и школ, а также фразовые особенности речи отдельных социальных слоев, профессиональных групп» [14, с. 194–197]. Здесь важно указать на следующее замечание С. И. Ожегова: «Таким образом, "крылатые слова", пословицы и поговорки, сказочные формулы, исторические афоризмы, анекдоты и другие многообразные творческие произведения, лишь разлагаясь на элементы, утрачивая структурные признаки жанра, уподобляясь структурно фразеологическим единицам, становятся достоянием собственно фразеологии языка» [14, с. 197].

Эта трактовка фразеологии как фразеологии в «широком» смысле и фразеологии в «узком» смысле получила известное распространение в науке, хотя предпринимались попытки, с одной стороны, обозначить такую трактовку как «ненаучную», с другой — представить ее в более детальном и уточненном виде, указывая при этом

(как и С. И. Ожегов), что изучение отдельных видов устойчивых сочетаний может выходить за пределы лингвистики, ср.: «Уяснение объективной сущности фразеологизма — это одновременно нахождение прямого и единственно правильного пути к определению объективного состава фразеологизмов в языке. Нет состава фразеологических единиц языка в “широком” или “узком” смысле слова, такое определение объекта фразеологии ненаучно; в состав фразеологизмов к о л и ч е с т в е н н о включаются в с е единицы языка, определяемые к а ч е с т в е н н о как фразеологизмы. Они могут дифференцироваться по семантико-тематическим, стилистическим, лексико-грамматическим и т. п. разрядам, но по категориальной сущности различаться не могут» [12, с. 18]; «Можно предложить даже условные названия для всех выделенных выше типов: *Фразеология-1* это раздел лингвистики, исследующий идиоматичность сочетаний слов и их знаковые функции; *Фразеология-2* — раздел лингвистики, изучающий категорию связанности значения (в ее лексических и семантических, а также лексико-грамматических аспектах) и знаковые функции связанного значения слова; *Фразеология-3* раздел лингвистики, изучающий клишированность речи (скорее всего во взаимодействии с теорией речевых актов и культурой речи); *Фразеология-4* — раздел лингвостилистики, исследующий характерные для того или иного направления, стиля или отдельного автора способы номинации; *Фразеология-5* — раздел паремиологии; *Фразеология-6* скорее всего прикладная область лингвистики, коллекционирующая афоризмы, сентенции или слова, воспринимаемые как “цитации”, с целью создания энциклопедических словарей крылатых слов и выражений. Таким образом, к собственно лингвистическим разделам можно отнести *Фразеологию-1* — *Фразеологию-4*, выполняющие разные задачи» [20, с. 75]. В том, что деление фразеологии на «фразеологию в широком смысле» и «фразеологию в узком смысле» является весьма условным, убеждает и невозможность однозначно определить авторов большинства научных работ и составителей фразеологических словарей как исповедующих то или иное понимание фразеологии.

Вместе с тем с точки зрения объекта и предмета фразеологии как науки (и, соответственно, ее задач и места среди других научных дисциплин) в отечественном языкознании отчетливо выделяются три подхода к фразеологии языка, три фразеологические концепции, три направления во фразеологической науке, основоположниками которых являются (по хронологии) Е. Д. Поливанов, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин. Каждый из них, на наш взгляд, открыл свою линию во фразеологической науке, которая была продолжена их учениками и последователями. Рассмотрим особенности, которые позволяют увидеть черты, характерные для каждого направления, и своеобразие каждой фразеологической концепции, представив их как линии «Е. Д. Поливанов — М. М. Копыленко, З. Д. Попова и др.», «В. В. Виноградов — В. Л. Архангельский и др.», «Б. А. Ларин — А. И. Молотков и др.».

Наиболее кратко и точно сущность идеи, лежащей в основе не только фразеологической концепции, но и одного из направлений исследования сочетаний слов русского языка, сформулирована ее автором — Е. Д. Поливановым: «В добавление к перечню отделов языкознания (как описательного, так и исторического) можно добавить понятие ф р а з е о л о г и и . Нужно указать однако, что разными авторами термину “фразеология” даются различные определения. Я позволю себе употребить этот для обозначения особой дисциплины (наряду с фонетикой, морфологией, синтаксисом и лексикой), занимающей по отношению к лексике то же положение, какое синтаксис занимает по отношению к морфологии. Дело в том, что как морфология так и синтаксис (в отличие от лексики) имеют объектом изучения символику общих (абстрактных) идей [формальные значения слов и типов словосочетаний]; лексика же имеет дело с выражением индивидуальных понятий [лексических значений], но по количественному признаку тех величин, которыми оперирует в качестве единиц данная дисциплина, лексика является соизмеримой лишь с морфологией (так как единицей-*taxitum* и в лексике и в морфологии служит слово, а единицей-*minutum* —

морфема), но не с синтаксисом (оперирующим, в качестве единицы-*maximit*, со словосочетанием или фразой, а в качестве единицы-*minimit* — со словом). И вот возникает потребность в особом отделе, который в данном отношении был бы соизмерим с синтаксисом, но в то же время имел бы в виду не общие типы, а индивидуальные значения данных конкретных словосочетаний — подобно тому, как лексика имеет дело с индивидуальными (лексическими) значениями данных слов. Этому отделу языкознания я и уделяю наименование *ф р а з е о л о г и и* (другой, предлагавшийся для этого термин — *и д и о м а т и к а*) » [15, с. 60–61]. В этом высказывании Е. Д. Поливанова четко определяется объект, предмет фразеологии как особого отдела языкознания и соотношение ее с другими разделами науки о языке: объектом фразеологии, как и синтаксиса, являются все сочетания слов языка, а ее предметом (в отличие от синтаксиса, предметом которого являются общие, абстрактные, свойственные целым группам, рядам сочетаний слов, значения и способы их выражения) индивидуальные значения словосочетаний; фразеология и синтаксис соотносятся в этом отношении с лексикологией и морфологией, которые описывают слово с точки зрения, соответственно, индивидуальных (лексических) и общих (грамматических) значений; таким образом, фразеология находит свое место среди других научных дисциплин и восполняет недостающее звено в ряду наук о языке.

Эта идея Е. Д. Поливанова была поддержана многими учеными, но наибольшее развитие она получила в трудах М. М. Копыленко и З. Д. Поповой, а также их последователей. М. М. Копыленко так уточняет объем сочетаний слов, которые должны быть объектом фразеологии как науки: «В рамках единого раздела языкознания — фразеологии — может быть обеспечено глубокое и плодотворное изучение в с е х в и д о в индивидуальной и групповой сочетаемости лексем. Проводимый здесь широкий взгляд на фразеологию исключает, однако, введение в число ее объектов образований типа *до нитки, в ногу, в нос, под спудом, под боком, не по зубам* и под. Эти образования лишь внешне, орфографически похожи на сочетания лексем. По нашему мнению, н е п о д л е ж а т также рассмотрению фразеологии пословицы, афоризмы и под., которыми должна заниматься фольклористика и поэтика» [7, с. 14]. При этом указывается на «узость» точки зрения, которая рассматривает в качестве объекта фразеологии не все словосочетания, а только устойчивые, воспроизводимые, идиоматичные сочетания слов: «Узость точки зрения, исходящей из того действительно наблюдаемого факта, что идиоматичность «осязаема» более всего в пределах синтагмы, привела многих исследователей к необходимости выделения специальной лингвистической дисциплины — фразеологии, занимающейся либо идиоматичностью в рамках комбинаций слов, либо (что неизмеримо нерациональней) идиоматичностью «избранных» сочетаний языка. Последнее является беспрецедентным в свете общей линии и принципов эволюции лингвистического знания, ибо в рамках фонологии, например, не существует какой-то особой науки, изучающей какие-то особые фонемы, наоборот, систематизации и анализу подлежат все наличные фонемы так же, как и все наличные морфемы, лексемы и т. д. без исключения являются объектом изучения соответственно в грамматике, лексикологии и т. д.» [8, с. 5–6]. Объектом фразеологии, таким образом, являются все сочетания лексем, существующие в языке, а предметом — установление и описание закономерностей, на основе которых образуются такие сочетания, т. е. описание особенностей сочетаемости лексем исследуемого языка. Наличие таких закономерностей доказывается результатами экспериментов, описанных в книге М. М. Копыленко «Сочетаемость лексем в русском языке» [7, с. 14], здесь же показаны возможности и перспективы разработки словосочетаний в таком ключе с точки зрения межъязыковых соответствий и в диахроническом плане. В последующих работах М. М. Копыленко и З. Д. Поповой эта концепция получила развернутое теоретическое обоснование: дается характеристика денотативных и коннотативных семантических признаков, обеспечивающих возможности сочетаемо-

сти слов друг с другом, определяются типы сочетаемости лексем, описываются особенности «фразеосочетаний» (термин эквивалентен понятию «сочетание лексем») в системе языка и др. [8; 9].

Фразеологическая концепция, условно обозначенная нами выше как «Е. Д. Поливанов — М. М. Копыленко, З. Д. Попова и др.», заслуживает специального описания не только как научная концепция и особое направление в истории фразеологической науки. Она заслуживает внимания и с точки зрения ее вклада в общую теорию языка, и с точки зрения разработки узловых проблем фразеологии, в особенности в разделах, связанных с диахроническим и сопоставительным изучением фразеологии, преподаванием русского языка как неродного, теорией и практикой перевода с одного языка на другой. Не лишне заметить также, что сами валентные свойства как слов, так и фразеологических единиц (идиом) описаны в науке далеко не полно.

Противоположной почти по всем пунктам указанной выше концепции выглядит трактовка фразеологии по линии «Б. А. Ларин — А. И. Молотков и др.». Основа этой фразеологической концепции была заложена в статье Б. А. Ларина «Очерки по фразеологии», опубликованной в 1956 году [10]. В ней Б. А. Ларин отмечает, что сочетаемость слов ограничивается в любом языке целым рядом факторов: грамматическим значением слова (то, что определяется в науке как грамматическая сочетаемость слова), «реальным» значением слова (лексическая сочетаемость слова), «стилистическим тяготением слова» (стилистическая окраска слова), а также традицией словоупотребления. Поэтому, считает Б. А. Ларин, уместнее говорить не о «свободных», а об «изменяемых», «переменных» сочетаниях слов, противопоставляя их «неизменяемым», «устойчивым». Анализируя типы фразеологических единиц, выделенные В. В. Виноградовым, Б. А. Ларин указывает, что «фразеологические сочетания» по своим свойствам стоят ближе к «переменным» сочетаниям, чем к сочетаниям «неизменяемым», «устойчивым», «неразложимым», поэтому нет необходимости выделять их в особую группу, а следует отнести их к сочетаниям «переменным». Таким образом, по Б. А. Ларину, к фразеологическому составу языка относятся только два типа сочетаний, а именно метафорические сочетания, соответствующие фразеологическим единствам в классификации В. В. Виноградова, и идиомы, соответствующие фразеологическим сращениям по схеме В. В. Виноградова. Важно указать, что исходной точкой возникновения фразеологических единиц Б. А. Ларин считает именно «переменные» сочетания, на основе которых при утрате реалии, обозначаемой данным сочетанием слов, семантического обогащения (метафоризации) смысла сочетания, «деформации» формы сочетания и изменения его грамматической структуры образуются особые — метафорические — сочетания и идиомы, отличающиеся от переменных сочетаний «неразложимостью», обусловленной «полной спайкой компонентов» (семантической, а часто и грамматической неразложимостью), которая приобретает сочетаниями в процессе их функционирования в языке в результате воздействия на них указанных выше факторов. В основу классификации Б. А. Ларина, таким образом, положен исторический принцип становления идиом — от переменных, «разложимых» сочетаний к метафорическим, «неразложимым», а от них — к сочетаниям идиоматического характера (см. подробнее [10]).

Предложение Б. А. Ларина ограничить фразеологию языка только метафорическими сочетаниями с ослабленной «семантической членораздельностью» и семантически и грамматически «неразложимыми» идиомами преодолеvalo одну из трудностей, стоящих перед фразеологами, так как при признании отличительными признаками фразеологических единиц таких свойств, как «воспроизводимость» и «устойчивость», во фразеологический состав языка включались самые разные по форме, содержанию и функциональному назначению типы предикативных и непредикативных сочетаний слов, а квалификация как фразеологических единиц только сочетаний идиоматического характера, целостных, неразложимых семантически и грамматически, каковыми являются метафорические сочетания (фразеологические

единства) и идиомы (фразеологические сращения), давало возможность представить фразеологический корпус языка как совокупность категориально однотипных единиц, что, в свою очередь, позволяло применить к ним единые приемы и методы научного описания.

Суждения Б. А. Ларина о фразеологии получили подтверждение в процессе работы над «Фразеологическим словарем русского языка» [21]. В послесловии к пятому изданию «Фразеологического словаря русского языка» А. И. Молотков пишет: «Уже во время работы над словарем было установлено, что фразеологическая единица представляет собой языковое образование, состоящее не из слов, как считали до этого, а из компонентов, которые лишь орфографически и по своему звучанию похожи на слова. Фразеологическая единица выделяется в языке и отграничивается от всех других единиц языка по совокупности своих категориальных, или различительных, дифференциальных признаков, которые присущи только ей и невозможны в этой совокупности у других категориально иных, чем она, единиц языка, в том числе и прежде всего от слова, с которым она сочетается в речи, и от словосочетания, к которому генетически, по своему происхождению, восходит. К ее категориальным признакам относятся лексическое и грамматическое значения, образующие ее содержание, и компонентное строение, характеризующее ее форму. Как особая единица языка она реально существует в языке и реально употребляется в речи только в единстве своей формы и своего содержания. Она вступает в связи и отношения со словами по законам лексической и грамматической сочетаемости единиц языка как член предложения, образуя со словом фразеологическое сочетание из категориально разных единиц языка (фразеологической единицы и слова), противопоставляемое словосочетанию, состоящему из категориально однотипных единиц (слов). Лексикографическая разработка фразеологических единиц, осуществленная во „Фразеологическом словаре русского языка“, соответствующая такому пониманию фразеологической единицы, подтверждает объективность ее научной оценки как особой самостоятельной и обособленной единицы языка, что нашло свое отражение как в подробном описании ее формы, так и в толковании ее значения» [13, с. 537]. Теоретические основы словаря, представленные в предисловии к словарю [11, с. 7–23], в развернутом виде изложены в книге А. И. Молоткова «Основы фразеологии русского языка» [12].

Таким образом, фразеологическая концепция, послужившая теоретической основой «Фразеологического словаря русского языка» и получившая развернутое обоснование в трудах А. И. Молоткова, предлагает принципиально иную, чем рассмотренная выше, трактовку фразеологии. В ней фразеологическая единица определяется не как сочетание слов, а как особая единица, категориально отличающаяся и от слова, с которым она употребляется в речи (что требует определенной соотносительности слова и фразеологизма по ряду признаков), и от словосочетания, к которому она генетически восходит или сходна с ним по внешнему облику. Фразеологическая единица является несловным образованием, она состоит не из слов, как словосочетание, а из компонентов, которые являются словами лишь «этимологически» (Б. А. Ларин), «орфографически» (С. И. Абакумов), «по звуковому облику» (А. И. Молотков) или представляют собой звуковые комплексы, которые только в сознании говорящих ассоциируются со словами (*ни бельмеса, тары-бары раста-бары, тяп-ляп, на фуфу, шуры-муры* и т. п.). Фразеологическая единица как особая единица языка имеет свои категориальные и некатегориальные признаки, набором которых определяется ее место в языке, ее соотношение и взаимодействие с другими языковыми единицами. Задачей фразеологии как науки является всестороннее и объективное описание всего корпуса единиц, определяемых как фразеологические единицы, по всем признакам, которыми они обладают (независимо от того, являются ли они единицами литературного языка или находятся за его пределами, являются ли они актуальными или неактуальными — устаревшими или новыми — в современной речи,

исконными и заимствованными по происхождению и т. д.). Эти задачи в науке последовательно решаются соратниками и учениками А. И. Молоткова. (Некоторые результаты исследований в рамках «фразеологической школы Молоткова» представлены в коллективной монографии «Русская фразеология и фразеография: К 100-летию А. И. Молоткова» [18].) Результаты исследований в рамках этого направления позволяют утверждать, что фразеологическая единица как особая единица языка «обнаруживает свое присутствие в языковой системе во всех ее звеньях и на всех уровнях, подчиняясь общим законам языка и сохраняя при этом свое — и часто отчетливо выраженное — своеобразие» [24, с. 113] (см. также [23]).

Наибольшее распространение во фразеологии получило направление, определившееся в известных фразеологических трудах В.В. Виноградова [5, 6]. В основе этой концепции лежат идеи о наличии в языке особой разновидности сочетаний слов, отличающихся от обычных «слитностью» слов-компонентов («слитные речения» Ф. Ф. Фортунатова) и семантической и грамматической «неразложимостью» на слова («неразложимые словосочетания» А. А. Шахматова), см. подробнее [22, с. 120–121]. Было очевидно, указывает В. В. Виноградов, что «словесные единства», в которых «элементы не могут быть оторваны друг от друга и от формы их взаимной связи», должны быть исследованы, и исследованы не только в категориях «индивидуальной стилистики», но и как особые — фразеологические — единицы, свойственные общей языковой системе [5, с. 121]. В. В. Виноградов выделяет три типа таких единиц: фразеологические сращения — сочетания абсолютно неделимые, неразложимые, немотивированные и непроизводные, элементы которых лишь «однозвучны» с самостоятельными отдельными словами [5, с. 121–127]; фразеологические единства, «которые тоже семантически неделимы и тоже являются выражением единого, целостного значения, но в которых это целостное значение мотивировано, являясь производением, возникающим из слияния значений лексических компонентов» [5, с. 131]; фразеологические сочетания — «несвободные, устойчивые, но сочетания слов, подвергающиеся разложению, семантически делимые» [5, с. 138]. Устойчивые выражения предикативного характера, выделенные впоследствии Н. М. Шанским в особый тип фразеологических оборотов и обозначенные им как «фразеологические выражения» [25, с. 62–63], В. В. Виноградов рассматривает как разновидность фразеологических единств: «К области фразеологических единств относятся и многие фразовые штампы, клише, типичные для разных литературных стилей, и литературные цитаты, и крылатые выражения, и народные пословицы, и поговорки» [5, с. 133]. Таким образом, специфической чертой фразеологической концепции, обозначенной здесь как линия «В. В. Виноградов — В. Л. Архангельский и др.», является определение фразеологических единиц как особой разновидности сочетаний слов, которые отличаются от обычных — «свободных», «переменных» — устойчивостью с точки зрения содержания и формы, обусловленной слитностью, связанностью (хотя и в разной степени) слов-компонентов, образующих данное сочетание, что обеспечивает их воспроизводимость — возможность использования таких сочетаний в разных речевых ситуациях и контекстах с сохранением их основных формальных и содержательных свойств. Именно эту часть сочетаний слов — устойчивых, воспроизводимых — предлагалось определять как фразеологические единицы и рассматривать их как объект фразеологической науки.

Совершенно очевидной в этом случае является необходимость определения и научной разработки самого понятия «устойчивость» в языке в целом и во фразеологии в частности. Фразеологическая концепция, разрабатываемая в таком ключе, предстает у В. Л. Архангельского как теория устойчивых фраз: «Основной принцип теории устойчивых фраз состоит в комплексном изучении фразеологических объектов в терминах отношений между их частями, взятыми как единицы разных уровней русской языковой структуры. Эти отношения между членами ФЕ качественно отличаются от

отношений между членами теоретически возможных эквивалентов ФЕ в кругу свободных словосочетаний или предложений. Разные виды зависимости между членами устойчивой фразы, взятыми на разных уровнях, определяют эти члены как постоянные и переменные. Функционирование устойчивых фраз в речи показывает, что в их составе наблюдаются ограничения в выборе переменных. Эти ограничения не могут быть описаны теми же методами, которыми изучаются свободные эквиваленты устойчивых фраз, ибо фразеологические явления языка часто представляют собой своеобразные, хотя и традиционные, смещения или отклонения от нормы на всех уровнях языковой структуры» [1, с. 4]. Устойчивость фразеологической единицы определяется, по В. Л. Архангельскому, «внутренней зависимостью между членами ФЕ», которая может быть двусторонней (взаимная детерминация, «при которой один член ФЕ как единица определенного уровня языковой структуры предполагает существование второго члена как единицы того же или смежного уровня, и наоборот»), односторонней (детерминация, «при которой один член ФЕ как единица определенного уровня языковой структуры предполагает существование другого члена как единицы того же или смежного уровня, но не наоборот») или совмещением (индетерминация, «при которой оба члена ФЕ как единицы одного определенного уровня совмещаются друг с другом как логически равноправные, и ни один элемент не предполагает существование другого, хотя оба воспроизводят традиционную комбинацию») [1, с. 110–114]. В составе фразеологической единицы В. Л. Архангельский различает постоянные и переменные части: «Поскольку каждый член ФЕ, взятый на определенном уровне, является одновременно и лексемой, и семемой, и словоформой, а ФЕ в языке представляет модель словосочетания или предложения, между членами ФЕ существуют одновременно отношения лексические, семантические, парадигматические и синтаксические. Эти четыре вида зависимости пересекаются в одной и той же ФЕ. Постоянный — это член ФЕ, взятый как единица определенного уровня в качестве члена определенной зависимости, наличие которого является необходимым условием для присутствия другого члена ФЕ того же уровня и той же зависимости. Переменный — это член ФЕ, взятый как единица определенного уровня в качестве члена определенной зависимости, наличие которого не является необходимым условием для присутствия другого члена ФЕ того же уровня в качестве второго члена той же зависимости» [1, с. 115–116]. Устойчивость фразеологической единицы основана, по В. Л. Архангельскому, на совокупности закономерных ограничений в выборе переменных. (Поэтому, отмечает В. Л. Архангельский, правильнее было бы говорить о константности или постоянности фразеологической единицы [1, с. 115–116].) Понятие устойчивости или постоянности позволяет В. Л. Архангельскому говорить об особой внутренней организации фразеологической единицы, отличающей (= отграничивающей) ее от обычных сочетаний слов.

Многие идеи В. Л. Архангельского получили развитие в трудах его учеников, последователей и сторонников, в чем может убедиться каждый, знакомый хотя бы в общих чертах с историей становления и развития отечественной фразеологии и фразеологии во второй половине XX века. В данном случае считаем необходимым указать только на разработку тех проблем, которые прямо относятся к характеристике устойчивости (постоянности) как признака, отличающего фразеологические обороты от «переменных» сочетаний слов, в том числе и тех, которые могут рассматриваться как возможные «свободные» эквиваленты фразеологических единиц. Это в первую очередь разработка теории связанности элементов сочетаний (В. Н. Телия) и варируемости компонентов (В. Т. Бондаренко), так как ими в первую очередь определяются характер и степень устойчивости словесных комплексов, обозначаемых как фраземы и устойчивые фразы. История разработки каждой из этих проблем в трудах названных ученых заслуживает отдельного и основательного разбора, здесь же обратим внимание только на те идеи В. Т. Бондаренко, в которых мы видим решение ряда

вопросов о варьированности устойчивых фраз, поставленных в свое время В. Л. Архангельским, ср.: «Понятие устойчивости неразрывно связано с понятием вариантности и невариантности и с представлением о пределе варьирования одной и той же ФЕ. Поиски инвариантов как постоянных, лежащих в основе изменений, представления о языковых моделях как пределе варьирования пронизывают современные лингвистические воззрения на языковые единицы разных уровней. Можно говорить об инварианте и вариантах одного и того же фразеологического объекта. С другой стороны, идея инварианта связана с идеей дифференциальных признаков языковой единицы вообще, ФЕ – в частности» [1, с. 119]; и далее: «Степень устойчивости ФЕ зависит от степени вариантности ФЕ, а степень вариантности ФЕ – прежде всего от вида внутренней зависимости между членами ФЕ. Эти зависимости определяют члены ФЕ как постоянные и переменные на разных уровнях языковой структуры и создают ограничения в выборе переменных» [1, с. 120]. Эти идеи В. Л. Архангельского получили развернутое описание в трудах В. Т. Бондаренко, которые в целостном и концептуальном виде изложены в его монографии 2011 года [3].

Во фразеологическом составе языка В. Л. Архангельский, как известно, различает два типа единиц: «фраземы» – фразеологические единицы, структурно организованные как непредикативные сочетания слов, и «устойчивые фразы» – фразеологические единицы, имеющие структуру сочетаний слов предикативного характера. При этом он отмечает, что в теории русской фразеологии устойчивые фразы являются наименее изученными [1, с. 146]. (На это нам важно указать, так как данное замечание оказывается справедливым и в наши дни, ср. например: «Рассуждая о границах между крылатым словом и крылатым выражением, между крылатым выражением и фразеологизмом, между крылатым выражением, афоризмом и литературной цитатой, исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью решения целого ряда проблем, чрезвычайно актуальных для лингвистики» [26, с. 26]; «Проблема лингвистического статуса УФ из числа пословично-поговорочных и крылатых выражений до сих пор относится к числу дискуссионных» [3, с. 6].) Не случайно поэтому, что В. Т. Бондаренко обращает внимание прежде всего на характеристику устойчивых фраз – фразеологических единиц, соотносительных в семантико-грамматическом плане с высказываниями (предложениями), ставя своей целью «показать диапазон семантической и грамматической изменчивости (варьированности) УФ в речевой деятельности и обосновать закономерности их речевой мобильности (подвижности), наметить типологию видоизменений УФ на каждом уровне их организации – внутренней и внешней, оценить каждый вид варьирования УФ с точки зрения тождества и различия (что дает и к чему приводит то или иное преобразование фразовой единицы в тексте)» [3, с. 5]. Замечание В. Л. Архангельского о связи устойчивости и вариантности фразеологических оборотов у В. Т. Бондаренко получает чеканную форму: «...устойчивость и воспроизводимость не исключают, а предполагают противоположную закономерность – свойство варибельности и частичной творимости УФ в живой речи. Устойчивость и изменчивость взаимосвязаны: УФ только потому и можно видоизменять, что каждый носитель языка знает их значение и структуру» [3, с. 7–8]. Варьирование, таким образом, рассматривается как одно из важнейших свойств устойчивых фраз как единиц языка. Более того, варьирование является общим свойством, объединяющим устойчивые фразы «как ФЕ-максимум» и фраземы (устойчивые сочетания непредикативного характера) «как единицы минимум» [3, с. 6]. Поэтому «варьирование УФ – это часть общей проблемы фразеологической вариантности» [3, с. 17]. Отсюда и более пристальное внимание В. Т. Бондаренко к этой стороне именно устойчивых фраз: фразеологическая вариантность должна быть описана не только на материале фразем (идиоматических выражений), чему посвящено большинство научных работ данной тематики, но и на материале устойчивых фраз, которые и сами по себе, и с точки зрения их варьирования не могут считаться исследованными в достаточной для современного уровня фразеологии степени. И

здесь главную задачу он видит «в определении и описании самого пространства, занимаемого УФ в процессе их функционирования в речи, а также в рассмотрении самого механизма вариантообразования» [3, с. 23]. Укажем далее на некоторые особенности подхода В. Т. Бондаренко к решению проблем вариантности устойчивых фраз.

Для В. Т. Бондаренко очевидно, что вариантность устойчивых фраз (как и фразеологии в целом) – это не только видоизменения плана выражения единицы. Варьирование охватывает все стороны фразеологической единицы – как ее форму, так и ее содержание – и определяет возможности употребления единицы в речи, см.: «Варьированию подвергаются все стороны УФ: семантическая, лексическая, морфологическая, синтаксическая. Оно бывает “чистым”, если затрагивает какой-либо один уровень языка, или же, чаще всего, смешанным, охватывая сразу несколько уровней» [3, с. 22]; «... варьирование охватывает не только планы содержания и выражения УФ, но и те характеристики, которые эти ФЕ получают при реализации на синтагматической оси, т. е. в структуре текста» [3, с. 118]. Отсюда особое внимание В. Т. Бондаренко к реальному употреблению устойчивых фраз в речи, так как именно контекст и ситуация речи актуализируют единицу, переводя ее из единицы виртуальной (потенциальной) в единицу функциональную, реальную, и именно в речи, в конкретных речевых условиях реализуются заложенные в ней языковые потенции, в том числе и возможности к тем или иным преобразованиям. «Вот почему контекстологический анализ УФ имеет особую актуальность для познания закономерностей их вариантообразования. Без изучения контекстной реализации УФ, рассмотрения УФ в условиях конкретного речевого акта нельзя получить адекватную картину их вариативности, раскрыть объективные возможности варьирования в плане содержания и в плане выражения, определить место и роль каждого вида изменения для функционирования УФ» [3, с. 25]. Образец такого анализа устойчивых фраз с разных сторон и в разных аспектах на живом и разнообразном языковом материале представлен в книге В. Т. Бондаренко [3, с. 26–141]. Этот анализ позволяет увидеть в устойчивых фразах не только общее, что роднит их с фраземами, но и особенное, что выделяет их из общего ряда фразеологических единиц. Отмечается, в частности, что устойчивые фразы обнаруживают более сильную по сравнению с фраземами тягу к вариативности, что в бесконечном множестве реальных модификаций устойчивых фраз проявляется строгая система, представленная исчисляемым количеством моделей варьирования, что вариации устойчивых фраз образуют определенную уровневую парадигму, а эти уровневые вариации могут иметь смешанный (перекрещивающийся) характер, и т. д., см. [3, с. 142–143].

Вниманием В. Т. Бондаренко к живой речи в первую очередь объясняется его стремление ввести в научный обиход те типы однословных (лексических) и неоднословных (фразеологических) образований, которые до последнего времени не были объектом специального научного описания, в том числе и лексикографического. Речь идет о «Словаре ответных реплик в русской диалогической речи», составленного В. Т. Бондаренко [4], в котором представлен основной фонд употребительных в современной русской речи устойчивых словесных формул и лексических единиц, использующихся в качестве ответных реплик-реакций, и дана их семантическая и стилистическая характеристика во всем их варианном (узуальном и окказиональном) разнообразии. Словарь, задуманный и реализованный как ненормативный (описательный, фиксирующий) по типу, имеет как научную, так и практическую ценность. Материалы словаря, в том числе и иллюстрации, выбранные из художественных и газетно-публицистических текстов и живой разговорной речи, не только «помогут дальнейшему более глубокому изучению свойств представленных в нем языковых единиц», но и дадут возможность российскому и иностранному пользователю «объяснить и понять особенности менталитета, коммуникативного поведения русских людей, культуры их речевого общения» [4, с. 9]. Словарь В. Т. Бондаренко не

просто заполняет лауну в ряду словарей русского языка, он занимает свое место в отечественной лексикографии и фразеологии и как труд, в котором ставятся и решаются теоретические и практические проблемы, важные для дальнейшего развития словарного дела у нас и за рубежом.

В заключение отметим, что наличие разных научных концепций и подходов к языковому материалу не мешало, а, скорее, даже способствовало поступательному развитию фразеологической науки: в рамках каждого направления вырабатываются и оттачиваются свои методы и приемы анализа фразеологии языка в различных аспектах, в научный обиход вводится такой языковой материал, который прежде не был в поле зрения исследователей, устойчивые сочетания разных типов получают свою лексикографическую разработку в многочисленных и разнообразных по содержанию, построению и целевому назначению словарях. Каждый из рассмотренных выше подходов вносит свой вклад в решение общих задач, стоящих перед фразеологией и фразеологией. При этом показательно, что научные интересы ученых выходят — и часто далеко — за рамки «своего» направления. Это наглядно демонстрируют результаты деятельности центров фразеологии в Москве, Санкт-Петербурге (Ленинграде), Великом Новгороде, Костроме, Туле, Челябинске, Минске, Самарканде и др. Это мы видим и в работах многих известных ученых-фразеологов (В. П. Жуков, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия и др.). Возможно, именно наличие разных подходов к объекту и предмету фразеологической науки во многом способствовало активному и успешному развитию фразеологии и фразеологии как особых разделов языкознания, а также уточнению соотношения фразеологии с другими научными дисциплинами — терминоведением, паремией и др.

Список источников и литературы

1. *Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1964. 316 с.*
2. *Бабкин А. М. Фразеология и лексикография (задачи русского фразеологического словаря) // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы / под ред. А. М. Бабкина. М.: Наука, 1964. С. 7–36.*
3. *Бондаренко В. Т. Устойчивые фразы в русской речи. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2011. 153 с.*
4. *Бондаренко В. Т. Ответные реплики в русской диалогической речи : словарь. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2013. 339 с.*
5. *Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука, 1977. С. 118–139.*
6. *Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Там же. С. 140–161.*
7. *Копыленко М. М. Сочетаемость лексем в русском языке. М.: Просвещение, 1973. 120 с.*
8. *Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по фразеологии (проблемы, методы, опыты). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. 144 с.*
9. *Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по фразеологии (фразеосочетания в системе языка). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 192 с.*
10. *Ларин Б. А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы.) М.: Просвещение, 1977. С. 125–149.*

11. Молотков А. И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энцикл., 1967. С. 7–23.
12. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 284 с.
13. Молотков А. И. Послесловие к переизданию «Фразеологического словаря русского языка» // Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Изд. 5-е, стереотип. СПб.: Вариант, 1994. С. 537–541.
14. Ожегов С. И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Лексикология. Лексикография. Культура речи : учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1974. С. 182–219.
15. Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л.: Ленингр. вост. ин-т им. А. С. Енукидзе, 1928. 220 с.
16. Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1973. 223 с.
17. Ройзензон Л. И., Малиновский Е. А., Хаятин А. Д. Очерки истории становления фразеологии как лингвистической дисциплины. Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1975. 130 с.
18. Русская фразеология и фразеография: к 100-летию А. И. Молоткова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 312 с.
19. Телия В. Н. Что такое фразеология. М.: Наука, 1966. 87 с.
20. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
21. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энцикл., 1967. 543 с.
22. Хуснутдинов А. А. У истоков русской фразеологии и фразеографии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 107–125.
23. Хуснутдинов А. А. Фразеологическая единица как особая единица языка и параметры ее научного описания // Русская фразеология и фразеография: к 100-летию А. И. Молоткова. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2016. С. 43–94.
24. Хуснутдинов А. А. Фразеологическая единица в системе языка // Там же. С. 95–114.
25. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985. 160 с.
26. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2001. 288 с.

References

1. Arkhangel'skiy V. L. *Ustoychivyye frazy v sovremennom russkom yazyke. Osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii* [Stable phrases in modern Russian. Foundations of the theory of stable phrases and problems of general phraseology]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo universiteta Publ., 1964. 316 p. [In Russian].
2. Babkin A. M. *Frazeologiya i leksikografiya (zadachi russkogo frazeologicheskogo slovarya)* [Phraseology and lexicography (tasks of the Russian phraseological dictionary)]. *Problemy frazeologii. Issledovaniya i materialy*. Ed. by A. M. Babkin. Moscow: Nauka Publ., 1964. Pp. 7–36. [In Russian].

3. Bondarenko V. T. *Ustoychivyye frazy v russkoy rechi* [Stable phrases in Russian speech]. Tula: Izd-vo TGPU im. L.N. Tolstogo Publ., 2011. 153 p. [In Russian].
4. Bondarenko V. T. *Otvetnyye repliki v russkoy dialogicheskoy rechi: slovar'* [Dictionary of response remarks in Russian dialogical speech]. Tula: Izd-vo TGPU im. L.N. Tolstogo Publ., 2013. 339 p. [In Russian].
5. Vinogradov V. V. Osnovnyye ponyatiya russkoy frazeologii kak lingvisticheskoy distsipliny [Basic concepts of Russian phraseology as a linguistic discipline]. *Leksikologiya i leksikografiya. Izbrannyye Trudy* [Lexicology and Lexicography. Selected Works]. Moscow: Nauka Publ., 1977. Pp. 118–139. [In Russian].
6. Vinogradov V. V. Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh yedinit v russkom yazyke [The main types of phraseological units in the Russian language]. *Leksikologiya i leksikografiya. Izbrannyye Trudy* [Lexicology and Lexicography. Selected Works]. Moscow: Nauka Publ., 1977. Pp. 140–161. [In Russian].
7. Kopylenko M. M. *Sochetayemost' leksem v russkom yazyke* [Compatibility of lexemes in the modern Russian language]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1973. 120 p. [In Russian].
8. Kopylenko M. M., Popova Z. D. *Ocherki po frazeologii (problemy, metody, opyty)* [Essays on phraseology (problems, methods, experiments)]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta Publ., 1978. 144 p. [In Russian].
9. Kopylenko M. M., Popova Z. D. *Ocherki po frazeologii (frazeosochetaniya v sisteme yazyka)* [Essays on phraseology (phrase combinations in the language system)]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta Publ., 1989. 192 p. [In Russian].
10. Larin B. A. Ocherki po frazeologii (O sistematizatsii i metodakh issledovaniya frazeologicheskikh materialov) [Essays on phraseology. On the systematization and research methods of phraseology]. *Istoriya russkogo yazyka i obshcheye yazykoznanie. (Izbrannyye raboty)* [History of the Russian Language and General Linguistics. (Selected Works)]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1977. Pp. 125–149. [In Russian].
11. Molotkov A. I. Frazeologizmy russkogo yazyka i printsipy ikh leksikograficheskogo opisaniya [Phraseologisms of the Russian language and the principles of their lexicographic description]. *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Ed. by A. I. Molotkov. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1967. Pp. 7–23. [In Russian].
12. Molotkov A. I. *Osnovy frazeologii russkogo yazyka* [Basics of Russian phraseology]. Leningrad: Nauka Publ., 1977. 284 p. [In Russian].
13. Molotkov A. I. Poslesloviye k perezdaniyu «Frazeologicheskogo slovarya russkogo yazyka» [Afterword to the reprint of the "Phraseological dictionary of the Russian Language"]. *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Ed. by A. I. Molotkov. 5th ed., stereotyped. St. Petersburg: Variant Publ., 1994. Pp. 537–541. [In Russian].
14. Ozhegov S. I. O strukture frazeologii (v svyazi s proyektom frazeologicheskogo slovarya russkogo yazyka) [On the structure of phraseology (in connection with the draft of Phraseological dictionary of the Russian Language)]. *Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi : ucheb. posobiye dlya vuzov* [Lexicology. Lexicography. Culture of speech. Textbook. Manual for universities]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1974. Pp. 182–219. [In Russian].
15. Polivanov E. D. *Vvedeniye v yazykoznanie dlya vostokovednykh vuzov* [Introduction to Linguistics for Oriental studies]. Leningrad: Leningradskiy vostochnyy institut im. A. S. Yenukidze. 1928, 220 p. [In Russian].

16. Roizenzon L. I. *Lektsii po obshchey i russkoy frazeologii* [Lectures on general and Russian phraseology]. Samarkand: Izd-vo Samarkandskogo universiteta Publ., 1973. 223 p. [In Russian].
17. Roizenzon L. I., Malinovsky E. A., Khayutin A. D. *Ocherki istorii stanovleniya frazeologii kak lingvisticheskoy distsipliny* [Essays on the history of the formation of phraseology as a linguistic discipline]. Samarkand: Izd-vo Samarkandskogo universiteta Publ., 1975. 130 p. [In Russian].
18. *Russkaya frazeologiya i frazeografiya: k 100-letiyu A. I. Molotkova* [Russian phraseology and phraseography: To the 100th anniversary of A.I. Molotkov]. Ivanovo: Ivanovskiy gos. Universitet Publ., 2016. 312 p. [In Russian].
19. Telia V. N. *Chto takoye frazeologiya* [What phraseology is]. Moscow: Nauka Publ., 1966. 87 p. [In Russian].
20. Telia V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Publ., 1996. 288 p. [In Russian].
21. *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language] ed. by A. I. Molotkov. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1967. 543 p. [In Russian].
22. Khusnutdinov A. A. U istokov russkoy frazeologii i frazeografii [At the origins of Russian phraseology and phraseography]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. № 1.* [Ivanovo State University Bulletin. Philology. Series "The Humanities". Issue 1.]. Ivanovo: Ivanovskiy gos. Universitet Publ., 2008. Pp. 107–125. [In Russian].
23. Khusnutdinov A. A. Frazeologicheskaya yedinita kak osobaya yedinita yazyka i parametry yeye nauchnogo opisaniya [Phraseological unit as a special unit of language and parameters of its scientific description]. *Russkaya frazeologiya i frazeografiya: k 100-letiyu A. I. Molotkova* [Russian phraseology and phraseography: To the 100th anniversary of A.I. Molotkov]. Ivanovo: Ivanovskiy gos. Universitet Publ., 2016. Pp. 43–94. [In Russian].
24. Khusnutdinov A. A. Frazeologicheskaya yedinita v sisteme yazyka [Phraseological unit in the language system]. *Ibid.* Pp. 95–114. [In Russian].
25. Shansky N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. Izd. 3-ye, ispr. i dop.* [Phraseology of the modern Russian language. 3d edition, rev. and aug.]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1985. 160 p. [In Russian].
26. Shulezhkova S. G. *Krylatyye vyrazheniya russkogo yazyka, ikh istochniki i razvitiye* [Idioms of the Russian language, their sources and development]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2001. 288 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 01.03.2021
Дата решения о публикации: 25.03.2021

Date of receipt of article: 01.03.2021
Date of publication decision: 25.03.2021

Сведения об авторе

Хуснутдинов Арсен Александрович,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры отечественной
филологии ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет»
(e-mail: arsen1418@mail.ru)

Information about the Author

Khusnutdinov Arsen Aleksandrovich,
Doctor of Philology, Professor, Professor of
the Department of the Russian Philology,
Ivanovo State University
(e-mail: arsen1418@mail.ru)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ И ЦЕННОСТЬ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

А. В. Жуков

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
(г. Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация. В статье в общих чертах освещается один из актуальных аспектов современной семасиологии – семантическое варьирование фразеологизмов в пространстве синонимического ряда: предметно-понятийное, грамматическое, коннотативное, экспрессивно-стилистическое и т. п. Соответствующие структурные связи на фоне системных языковых отношений в целом (парадигматических, синтагматических, эпидигматических и текстовых) определяют совокупную ценность языкового знака.

Автор разграничивает понятия план содержания фразеологизма и фразеологическое значение. План содержания фразеологизма – понятие более широкое, в объем которого наряду с фразеологическим значением входят некоторые дополнительные характеристики. Фразеологическое значение представляет собой содержательное ядро фразеологической единицы и состоит из предметного (денотативного), понятийного (сигнификативного) и грамматического (категориального) элементов.

Ближнюю к ядру фразеологического значения периферию составляет коннотация, включающая образный компонент и мотивировку, как правило, дополняемые оценочностью и эмоционально-экспрессивным значением.

Третий аспект плана содержания фразеологизма определяют парадигматические, синтагматические, эпидигматические (например, активность фразеологического формообразования, словообразования и фразообразования) связи, а также «четвертое измерение» – отношения фразеологизма в тексте.

На примере «Словаря фразеологических синонимов русского языка» демонстрируется понятие ценности (значимости) фразеологического знака, которая не является чисто формальной величиной, а зависит прежде всего от значения и лишь во вторую очередь от системы. Значение выступает, таким образом, как системообразующее свойство, а значимость – как системоприобретенное.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологические и лексические синонимы, план содержания и план выражения, фразеологическое значение, коннотация, языковая система, значимость.

PHRASEOLOGICAL SYNONYMY AND THE VALUE OF A LANGUAGE SIGN

A. V. Zhukov

*Pushkin Leningrad State University
(Saint-Petersburg, Russia)*

Abstract. The article covers in general terms one of the relevant aspects of the modern semasiology – the semantic variation of phraseological units in the space of a synonymic series: subject-conceptual, grammatical, connotative, expressive-stylistic, etc. The corresponding structural connections against the background of systemic language relations in general (paradigmatic, syntagmatic, epidigmatic and textual) determine the total value of the language sign.

The author distinguishes between the concepts of the plan of the content of phraseology and the phraseological meaning. The plan of the content of phraseology is a broader concept, the scope of which,

along with the phraseological meaning, includes some additional characteristics. Phraseological meaning is the content core of the phraseological unit and consists of the subject (denotative), conceptual (significative), and grammatical (categorical) elements.

Connotation constitutes the closest to the core periphery of the phraseological meaning, which includes figurative component and motivation, as a rule, supplemented by evaluative and emotionally expressive meaning.

The third aspect of the phraseological content plan is determined by the paradigmatic, syntagmatic, and epigrammatic relations (for example, the activity of formation of the phraseological form, word formation and phrase formation), as well as the "fourth dimension" – the relations of phraseological units in the text.

The Dictionary of Phraseological Synonyms of the Russian Language demonstrates the concept of the value (significance) of the phraseological sign, which is not a purely formal value, but depends primarily on the meaning and only secondarily on the system. Thus, the value acts as a system-forming property, and the significance – as a system-acquired property.

Keywords: phraseology, phraseological and lexical synonyms, content plan and expression plan, phraseological meaning, connotation, language system, value.

«Язык обогащается вместе с развитием идей,
и одна и та же внешняя оболочка слова
обрастает побегами новых значений и смыслов»
[4, с. 14].

«Входя в состав системы, слово облечено
не только значением, но еще
– главным образом – значимостью,
а это уже совсем другое»
[10, с. 115].

В небольшой заметке автор возвращается к освещению вопроса о семантическом варьировании фразеологизмов, заостряя внимание на важности изучения колебаний и изменений семантического характера в пределах синонимического ряда фразеологизмов [5, с. 11].

Наше обращение к обозначенной проблематике – скромная дань памяти безвременно ушедшего друга и товарища-фразеолога Виктора Терентьевича Бондаренко. В трудах профессора В. Т. Бондаренко проблема семантического варьирования устойчивых фраз получила глубокое, объёмное и разностороннее осмысление и освещение. Две его монографии и оригинальный словарь стали действенным и вдохновляющим стимулом для дальнейших исследований в этой трудной, но захватывающей области языковой действительности [1; 2; 3].

Освещение вопроса о семантическом варьировании в пространстве синонимического ряда фразеологизмов обуславливает необходимость хотя мы кратко изложить наше представление о плане содержания фразеологизма и фразеологическом значении как его составной части. См. подробнее [6].

Под фразеологизмом нами понимается воспроизводимое и семантически целостное (идиоматичное) образование, построенное по типу словосочетания, а в семантическом и грамматическом отношении соотносимое со словом. Целесообразно разграничивать понятия план содержания фразеологизма и фразеологическое значение. План содержания фразеологизма – понятие более широкое, в объём которого наряду с фразеологическим значением входят некоторые дополнительные характеристики.

Фразеологическое значение представляет собой содержательное ядро фразеологической единицы и состоит из предметного (вещественного, денотативного) и понятийного (сигнификативного) элементов (соответственно *Д* и *П*). Но точно так же как содержание не может существовать без формы, так и фразеологическое значение

невозможно без грамматического оформления. Следовательно, содержательное ядро фразеологического значения триедино и объединяет в себе предметное, понятийное и общеграмматическое (категориальное) значения (*Г*), находящиеся в тесном взаимодействии. «Слово представляет собой внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений. Определение лексических значений слова, – подчеркивает в этой связи В. В. Виноградов, – уже включает в себя указания на грамматическую характеристику слова. Грамматические формы и значения слова то сталкиваются, то сливаются с его лексическими значениями» [4, с. 15].

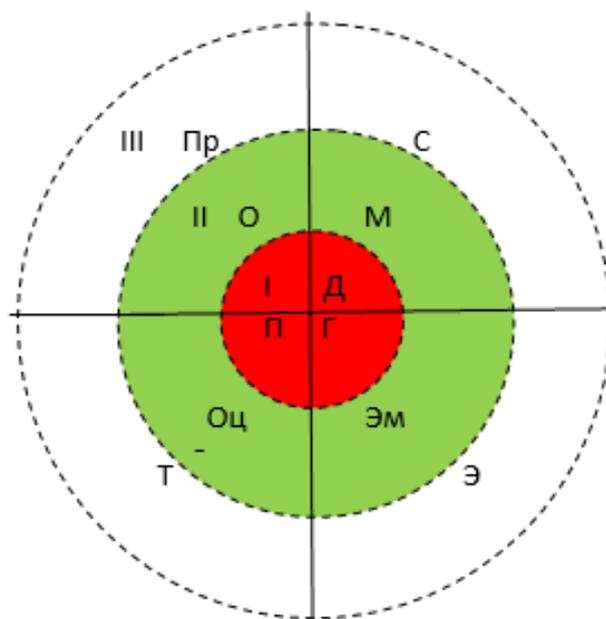
Ближнюю к ядру фразеологического значения периферию составляет коннотация, включающая образный компонент и мотивировку (соответственно *О* и *М*, вкуче образующими внутреннюю форму), как правило, дополняемые оценочностью (*Оц*) и эмоционально-экспрессивным значением (*Эм*). По верному наблюдению В. Т. Бондаренко, «реализация оценочного компонента УФ в речи сопровождается его широким варьированием, свидетельствующим об относительной неустойчивости и изменчивости оценочной коннотации в содержании УФ при тождестве дескриптивного значения» [3, с. 49].

Третий аспект плана содержания фразеологизма определяют парадигматические (многозначность, синонимия, вариантность, антонимия и др. – *Пр*), синтагматические (сочетаемость, или валентность – *С*), эпидигматические (*Э*, например, активность фразеологического формообразования, словообразования и фразообразования) связи, а также «четвертое измерение» – отношения фразеологизма в тексте (*Т*).

Только что изложенное можно наглядно представить в виде схемы 1.

Схема 1

План содержания и значение номинативной единицы языка

Фразеологическая синонимия относится к числу сложных лингвистических объектов. В силу специфики фразеологического значения вообще, предметно-понятийные, коннотативные, грамматические признаки которого выступают не так рельефно и ясно, как у слова, анализ семантических отношений устойчивых оборотов с точки зрения их вещественного содержания и других свойств представляет непростую задачу. В этой связи опыт описания фразеологизмов в «Словаре фразеологических

синонимов русского языка» можно оценить как значительное достижение в теории и практике современной фразеологии [8].

Авторы в опоре на теоретические установки словаря, изложенные во Введении [7], сумели достаточно полно и непротиворечиво упорядочить, систематизировать и описать большой по объёму и трудный для унификации и лексикографирования языковой материал. В пространстве разработанной научным редактором и соавторами словарной статьи не только выверены семантические, стилистические, эмоционально-экспрессивные, временные, грамматические, вариативные, факультативные, формоизменяющие, формообразовательные и фразообразовательные отношения опорного, доминирующего оборота в сравнении с остальными членами ряда, но и вся система этих отношений проиллюстрирована богатым и тщательно отобранным языковым материалом.

«Наиболее общим и решающим условием синонимичности фразеологизмов, – пишет В. П. Жуков, – следует считать то, что они выражают одно общее понятие. Вместе с тем фразеологизмы, входящие в синонимический ряд, могут и отличаться друг от друга оттенками значения, стилистической окраской, функционально-речевой сферой, а иногда всеми этими качествами одновременно» [7, с. 4]. Следует особо подчеркнуть, что структура синонимического ряда при этом нередко дополняется и осложняется указанием на соотносительные синонимические ряды фразеологизмов и слов.

Приведем в качестве иллюстрации один из таких синонимических рядов.

ВИЛЯТЬ (ВЕРТЕТЬ, ЮЛИТЬ, КРУТИТЬ) ХВОСТОМ перед кем (прост., неодобр.), **ХОДИТЬ НА ЗАДНИХ ЛАПКАХ** перед кем (разг., неодобр.), **СТАНОВИТЬСЯ НА ЗАДНИЕ ЛАПКИ** (разг., неодобр.), **ХОДИТЬ НА ЦЫПОЧКАХ** перед кем (разг., неодобр.), **ЛИЗАТЬ ПЯТКИ (НОГИ, САПОГИ, РУКИ)** кому, у кого (прост., пренебр.), **ГНУТЬ СПИНУ (ГОРБ, ШЕЮ)** перед кем (разг., неодобр.), **ГНУТЬСЯ В ДУГУ (В ТРИ ДУГИ)** перед кем (разг., неодобр.), **ЛОМАТЬ (ЛОМИТЬ) ШАПКУ** перед кем (разг., неодобр.), **ПОЛЗАТЬ НА КОЛЕНЯХ (НА БРЮХЕ)** перед кем (прост., пренебр.), **РАССЫПАТЬСЯ МЕЛКИМ БЕСОМ** перед кем (разг.), **РАССЫПАТЬСЯ <МЕЛКИМ> БИСЕРОМ** перед кем (разг.), **СМОТРЕТЬ (ГЛЯДЕТЬ) В РОТ** кому (разг., неодобр.), **ИЗВИВАТЬСЯ (УВИВАТЬСЯ) УЖОМ (ВЬЮНОМ)** перед кем (разг., неодобр.), **СТЛАТЬСЯ (РАССТИЛАТЬСЯ) ПО ЗЕМЛЕ** перед кем (разг., неодобр.), **СТЕЛИТЬСЯ (СТЛАТЬСЯ) ПОД НОГИ (ПОД САПОГ)** кому (устар., разг., неодобр.), **СТЕЛИТЬСЯ (СТЛАТЬСЯ, РАССТИЛАТЬСЯ) КОВРОМ (КОВРИКОМ, ПОЛОВИКОМ, ТРАВКОЙ)** перед кем (устар., разг., неодобр.), **ЗАБЕГАТЬ ЗАЙЦЕМ ВПЕРЁД** (устар., разг., неодобр.), **ЗАБЕГАТЬ НА ГЛАЗА** к кому (устар., разг., неодобр.), **ЮЛИТЬ КАК БЕС ПЕРЕД ЗАУТРЕНЕЙ** перед кем (устар., разг., ирон.). Сов. (редко). **Завилять (завертеть, заюлить, закрутить) хвостом** перед кем, **заходить на задних лапках** перед кем, **заходить на цыпочках** перед кем, **рассыпаться <мелким> бисером** перед кем, **забежать зайцем вперёд, забежать на глаза к кому**. Употр. при подлежащ. со знач. лица. Раболепно выражать свою покорность, добиваясь чего-л.; стараться угодить кому-л. во что бы то ни стало. **Лизать пятки (ноги, сапоги, руки) кому, у кого, ломать (ломить) шапку** перед кем, **гнуть спину (горб, шею)** перед кем, **ползать на коленях (на брюхе)** перед кем – угодничая, унижаться, пресмыкаться, раболепствовать.

В словарной статье представлены все основные типы варьирования (в том числе комбинированные): **Л** (лексическое); **В** (видовое); **С** (словообразовательное); **К** (конструктивное).

Ср. (ссылка на соотносительные синонимические ряды). **Плясать под дудку (по дудке)** чью, (чьей), кого, **ходить по струнке (в струнку)** у кого, перед кем, **ходить по одной половице (половичке)** перед кем, у кого, **смотреть (глядеть) из рук чьих, кого, не выходить из воли чьей** / (Лексические синонимы) Угодничать,

подхалимничать, заискивать, лебезить, пресмыкаться, низкопоклонничать и низкопоклонствовать, раболепствовать, холопствовать, лакействовать, холуйствовать (СС, 595) [8, с. 62–65].

Для сравнения приведем еще один синонимический ряд фразеологизмов, значительно уступающий первому и по количественному составу, и по характеру семантических, стилистических и других отношений.

ВЛЕЗАТЬ В ШКУРУ (В КОЖУ) чью, кого (разг.), **СТАВИТЬ СЕБЯ НА МЕСТО** чье, кого. Сов. **Влезть в кожу (в кожу)** чью, кого, **поставить себя на место** чье, кого. Употр. при подлежа. со знач. лица. Представлять себя в положении кого-л.

Типы варьирования: **Л; В.**

Лексические синонимы: отсутствуют [8, с. 67].

Даже грубое сравнение приведенных синонимических рядов свидетельствует о различной их ценности, значимости в сосюрловском понимании этого термина. Швейцарский лингвист, как известно, рассматривал это понятие и со стороны означающего, и со стороны означаемого, вместе с тем подчеркивая определяющую роль значимости в формировании содержания языкового знака. «Внутри одного языка слова, выражающие смежные понятия, взаимно друг друга ограничивают: синонимы, как например: *страшиться, бояться, опасаться, остерегаться*, обладают значимостью лишь в меру обоюдного противопоставления; если бы слово *страшиться* не существовало, все бы его содержание перешло к его конкурентам. Обратно, бывают слова, обогащающиеся от взаимного соприкосновения...» [10, с. 115].

В свете своего знаменитого тезиса «язык есть форма, а не субстанция» [10, с. 120] Ф. де Соссюр свел всё многообразие и сложность отношений языковых знаков в системе к чистой структуре, игнорируя их субстанциональную природу. В. М. Солнцев в этой связи справедливо констатирует, что «значимость зависит в первую очередь от значения и лишь в силу соотношения данного значения с другими значениями – от системы». Значение выступает, таким образом, как системообразующее свойство, а значимость – как системоприобретенное [9, с. 124].

Список источников и литературы

1. Бондаренко В. Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи : учеб. пособие по спецкурсу. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1995. 151 с.
2. Бондаренко В. Т. Ответные реплики в русской диалогической речи : словарь. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2011. 339 с.
3. Бондаренко В. Т. Устойчивые фразы в русской речи : монография. Тула: Изд-во ТГПУ имени Л.Н. Толстого, 2011. 154 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М. ; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
5. Жуков А. В. Аспекты семантического варьирования языковых единиц // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие. Пятые Жуковские чтения: к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова. Т. 1: материалы Междунар. науч. симпозиума, 4-6 мая 2011 года. Великий Новгород, 2011. С. 4–12.
6. Жуков А. В. План содержания фразеологизма и фразеологическое значение // Пушкинские чтения – 2019. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст : материалы XXIV междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 285–288.

7. Жуков В. П. Фразеологическая синонимия и словарь фразеологических синонимов // Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В. П. Жукова. М.: Русский язык, 1987. С. 3–18.
8. Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляр В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В. П. Жукова. М.: Русский язык, 1987. 440 с.
9. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. 342 с.
10. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики, изданный Ш. Балли и А. Сешез при участии А. Ридлингер. М.: Соцэкгиз, 1933. 272 с.

References

1. Bondarenko V. T. *Var'irovaniye ustoychivyykh fraz v russkoy rechi : ucheb. posobiye po spetskursu [Variation of set phrases in Russian speech: textbook special course manual]*. Tula: Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo Publ., 1995. 151 p. [In Russian].
2. Bondarenko V. T. *Otvetye repliki v russkoy dialogicheskoy rechi : slovar' [Response Remarks in Russian Dialogic Speech: Dictionary]*. Tula: Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo Publ., 2011. 339 p. [In Russian].
3. Bondarenko V. T. *Ustoychivyye frazy v russkoy rechi: Monografiya. [Set Phrases in Russian Speech: Monograph]*. Tula: Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo, 2011. 154 p. [In Russian].
4. Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk (grammaticheskoye ucheniye o slove) [The Russian Language (Grammatical Theory of Words)]*. Moscow. Leningrad: Uchpedgiz Publ., 1947. 784 p. [In Russian].
5. Zhukov A. V. *Aspekty semanticheskogo var'irovaniya yazykovykh yedinit [Aspects of semantic variation of linguistic units]. Literaturnaya i dialektnaya frazeologiya: istoriya i razvitiye. Pyatyie Zhukovskiye chteniya: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya Vlasa Platonovicha Zhukova. T. 1: materialy Mezhdunar. nauch. simpoziuma, 4-6 maya 2011 goda [Literary and dialect phraseology: history and development. Fifth Zhukov Readings: on the occasion of the 90th anniversary of the birth of Vlas Platonovich Zhukov. Vol. 1: materials of the Intern. Scientific. Symposium, May 4-6, 2011]*. Velikiy Novgorod: 2011. Pp. 4–12. [In Russian].
6. Zhukov A. V. *Plan sodержaniya frazeologizma i frazeologicheskoye znacheniyе [Content plan of phraseological unit and phraseological meaning]. Pushkinskiye chteniya - 2019. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst : materialy XXIV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Pushkin Readings - 2019. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text: Materials of the XXIV International Scientific Conference]*. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2019. Pp. 285–288. [In Russian].
7. Zhukov V. P. *Frazeologicheskaya sinonimiya i slovar' frazeologicheskikh sinonimov [Phraseological synonymy and the dictionary of Phraseological synonyms]. Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka [The Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language]* ed. by V. P. Zhukov. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1987. Pp. 3–18. [In Russian].
8. Zhukov V. P., Sidorenko M. I., Shklyarov V. T. *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka [The dictionary of phraseological synonyms of the Russian language]* ed. by V. P. Zhukov. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1987. 440 p. [In Russian].

9. Solntsev V. M. *Yazyk kak sistemno-strukturnoye obrazovaniye. 2-ye izd., dop.* [Language: a System and a Structure. 2nd ed., aug.]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 342 p. [In Russian].
10. Ferdinand de Saussure *Kurs obshchey lingvistiki, izdannyi SH. Bal'i i A. Seshee pri uchastii A. Ridlinger* [Course in General Linguistics edited by Charles Bally and Albert Sechehaye, in collaboration with Albert Riedlinger]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1933. 272 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 01.03.2021
Дата решения о публикации: 25.03.2021

Date of receipt of article: 01.03.2021
Date of publication decision: 25.03.2021

Сведения об авторе

Жуков Анатолий Власович,
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
РФ, профессор кафедры
литературы и русского языка
ФГБОУ ВО «ЛГУ им. А. С. Пушкина»
(e-mail: angen.zhosse@yandex.ru)

Information about the Author

Zhukov Anatoly Vlasovich,
Doctor of Philology, Honored Worker of the
Higher School of the Russian Federation,
Professor of the Department of
Literature and Russian Language,
Pushkin Leningrad State University
(e-mail: angen.zhosse@yandex.ru)

ТЕКСТ СОВРЕМЕННОГО ПИСАТЕЛЯ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Т. В. Бахвалова

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

(г. Орел, Россия)

А. Р. Попова

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

(г. Орел, Россия)

Аннотация. Статья посвящена выявлению и описанию диалектных фразеологизмов на базе одного из богатейших источников изучения народных говоров – художественных текстов, рисующих быт и уклад жителей деревни, воссоздающих деревенский мир определенного региона на определенных временных срезах. Произведения современной орловской писательницы Т. И. Грибановой продолжают литературную традицию активного введения в тексты диалектных номинативных единиц, идущую от И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, И. А. Бунина; герои писательницы – носители живых орловских говоров, и потому её тексты насыщены диалектными номинативными единицами, в том числе и фразеологическими. Авторский словарный проект «Народное слово в литературно-художественном воплощении (на материале произведений Т. И. Грибановой)» содержит лексикографическое представление диалектных фразеологизмов, многие из которых не зафиксированы в словарях региональной лексики и фразеологии. Значительную часть обнаруженной в произведениях диалектной фразеологии представляют единицы, номинирующие и характеризующие человека, его состояния, поведение, оценки, взаимоотношения и др., что подтверждает антропоцентричность фразеологической картины мира, в том числе и диалектной. В статье исследуются семантические группы диалектных фразеологизмов, обнаруженных в текстах; фразеологическая вариантность (в сопоставлении с фразеологизмами литературного языка); особенности внутренней формы; специфика компонентного состава с точки зрения частотности и с точки зрения принадлежности формам существования языка; художественные задачи использования диалектной фразеологии в прозе Т. И. Грибановой. Отмечается ценность и значимость современного художественного текста в изучении народных говоров, фразеологии русского языка.

Ключевые слова: диалектная фразеология, орловские говоры, фразеосемантическая группа, внутренняя форма фразеологизма, компонент фразеологизма, фразеологическая картина мира, проза Т. И. Грибановой.

THE TEXT OF A MODERN WRITER AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT DIALECT PHRASEOLOGY

T. V. Bakhvalova

Orel State University

(Orel, Russia)

A. R. Popova

Orel State University

(Orel, Russia)

Abstract. The article identifies and describes dialect phraseological items on the basis of one of the richest sources of studying folk dialects – literary texts that show the life and way of life of villagers,

recreating the village world of a certain region on certain periods. The works of the modern Orel writer T. I. Gribanova continue the literary tradition of active introduction of dialect nominative items into texts, that originates from I. S. Turgenev, N. S. Leskov, I. A. Bunin. Gribanova's characters speak live Orel dialects, and therefore her texts are full of dialect nominative items including phraseological items. The author's dictionary project "Folk word in literary and artistic embodiment (based on the works of T. I. Gribanova)" contains a lexicographic representation of dialect phraseological items most of which are not fixed in the dictionaries of regional vocabulary and phraseology. Items that nominate and characterize a person, their states, behavior, assessments, relationships, etc. represent a significant part of the dialect phraseology found in the works. This fact confirms the anthropocentricity of the phraseological picture of the world including the dialect one. The article studies the semantic groups of dialect phraseological items found in the texts; phraseological variation (in comparison with the phraseological items of the literary language); specificity of the component composition in terms of frequency and in terms of belonging to the forms of language existence; literary purposes of using dialect phraseology in T. I. Gribanova's prose. The value and significance of the modern literary text in the study of folk dialects, phraseology of the Russian language is noted.

Keywords: dialect phraseology, Orel dialects, phraseosemantic group, internal form of a phraseologism, component of a phraseologism, phraseological picture of the world, prose by T. I. Gribanova.

Введение

Включение в художественный текст диалектной лексики и фразеологии современными писателями есть продолжение богатой русской литературной традиции, на Орловщине ведущей истоки от И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, И. А. Бунина, И. Е. Вольнова, раскрывающих широкую панораму народного быта, системы взаимоотношений, оценок и ценностей жителей региона.

«Чаще всего в качестве источников изучения лексики народных говоров используются памятники письменности, если речь идёт о XV – XVIII вв., и живые говоры, областные словари, если исследуется её современное состояние. Данное положение относится и к орловским говорам... Гораздо реже и в меньшей степени для изучения территориальных говоров используются тексты художественных произведений» [2, с. 92] – сказанное справедливо и в отношении диалектной фразеологии. Богатейшие лексико-фразеологические ресурсы содержат тексты художественных произведений писателей-орловцев, отражающих жизнь, быт и язык деревенского жителя Орловской области.

В настоящее время наметилась положительная тенденция в исследовании диалектных номинативных единиц, включённых писателями в свои произведения, ведётся работа и по лексикографированию такого материала, представленного в текстах И. С. Тургенева [4; 6; 7], И. А. Бунина [19; 20]; И. Е. Вольнова [5].

Литературную традицию подхватывает современная орловская писательница Т. И. Грибанова, целостно и многогранно рисуя уклад и природную специфику орловской деревни в XX – начале XIX вв., таким образом, и сам хронотоп, и герои произведений предполагают обращение к диалектному пласту лексики и фразеологии. Лексико-фразеологическому составу текстов писательницы посвящён словарный проект Т. В. Бахваловой и А. Р. Поповой «Народное слово в литературно-художественном воплощении (на материале произведений Т. И. Грибановой)», над которым в настоящий момент ведётся работа; в словнике проекта – более 2000 единиц (ниже толкования упоминаемых единиц будут приводиться по данному источнику). Диалектный материал был выявлен на обширном массиве текстов, в числе которых рассказы, повести, лирические миниатюры [10; 11; 12; 13; 14]; также были задействованы самые новые повести и рассказы 2020 года, на данный момент не опубликованные.

Работа с художественными произведениями, отражающими региональную специфику, вносит вклад в перспективные направления исследований диалектной фразеологии. Как пишет И. А. Кобелева, в настоящее время «интенсивно развивается и

диалектная фразеология, при этом основное внимание уделяется формальной (структура, варьирование), семантической, этимологической и этнокультурной сторонам диалектной фразеологической единицы» [18].

Выявление и лексикографирование диалектных фразеологических единиц на основе литературных произведений Т. И. Грибановой даёт возможность дополнить и расширить информацию о фразеологическом составе народных говоров. Десятки фразеологизмов, встретившихся в её текстах, не представлены в региональных словарях [22; 23], однако по сей день хранятся в памяти автора – носителя орловских говоров – и вложены в уста героев, рассказчиков либо в стилизованную авторскую речь.

Анализ

В одном из рассказов цикла «Записки охотника» И. С. Тургенев замечает: *орловское наречие отличается вообще множеством своебытных, иногда весьма метких слов* («Хорь и Калиныч»); очевидно, высказывание верно и для фразеологических единиц. «Орловские говоры являются одними из центральных говоров России, обладают обширным словарным составом с весьма разветвлённой лексической многозначностью и богатой фразеологией» [3, с. 6], что подтверждается словарными данными [22], богатейшей картотекой «Словаря орловских говоров» [17], а также материалом художественных текстов.

Фразеологизмы не только «антропоцентричны по идеографической ориентации», но и «антропометричны по основаниям квалификации» [25, с. 175], что отчётливо прослеживается даже при выборке диалектных фразеологизмов из текстов одного писателя. Среди обнаруженных в прозе Т. И. Грибановой диалектных фразеологизмов доминирует группа ФЕ (далее – фразеологическая единица), очерчивающая систему номинаций человека по разным признакам, а также его оценки, состояния, деятельность, поступки и др.

I. Значительный фрагмент лексико-фразео-семантической системы русского языка (и диалектной также) составляют наименования лица. Можно сказать, что человек фразеологически представлен в текстах Т. И. Грибановой в самых разных аспектах.

1. Прежде всего, для автора и его героев актуальны внешние характеристики, физические данные действующих лиц – всё то, что наиболее очевидно, что привлекает внимание в первую очередь и потому регулярно подвергается номинации и оценке.

Автор включает в свои произведения целый ряд фразеологических диалектизмов, называющих и характеризующих человека с точки зрения его комплекции, телосложения. Как явное отклонение от физической нормы представляется чрезмерная худоба. Образно, через сопоставление с предметом материального мира, этот признак передаётся в ФЕ дублетного типа *оглобля оглоблей* ‘о худом, тощем человеке’, где словные компоненты представляют собой падежные формы одной и той же лексемы; модель вообще распространена в языке, ср. *дурак дураком, дуб дубом* и т.п.

Интересны соматические образы, метко рисующие данную особенность внешности – худобу – и её выраженность в высокой степени: ср. *животы к спинам поприсыхали* ‘об очень худых, истощавших из-за недоедания людях’, *душа на просвет* ‘о хилом, тщедушном человеке’, и даже полное «отрицание» телесности: *ничего в гроб положить* ‘о сильно исхудавшем человеке’.

Некоторые из диалектных единиц этой семантической группы являются вариантами общеупотребительных ФЕ. Например, у Т. И. Грибановой встречаются ФЕ *гольные кости* ‘о слишком худом, отощавшем человеке’, *в чём душа теплится* ‘об очень худом, небольшого роста человеке’. Данные ФЕ дополняют ряд фразеологизмов, употребляющихся в орловских говорах с таким же значением: *одни лодыжки, три щепки, три щепки осталось, душа да тело* [17]. Приведём литературные синонимы: *одни кости* – разг., экспрес. ‘крайне худой, измождённый’ [27]; *в чём только душа держится* – прост. экспрес. ‘очень хилый, слабый человек’ [27].

Человека же физически крепкого, здорового характеризует диалектная ФЕ, которая у автора встречается в двух рассказах, причём в обоих случаях – в речи героев, дающих лицу столь меткую, оценочную, эмоциональную характеристику: *хоть об лоб поросят бей* ‘о полном, крепкого телосложения, пышущем здоровьем человеке’ – *Вон, верзила, гладкий какой! Здравой, хочь об лоб поросят бей!* («Двое»). *Иде ты токо до сей порушки обретал?.. Здравой, хошь об лоб поросят бей!..* («Ети»). Данная фразеологическая единица отмечается не только в орловских говорах – ср. *Перм. Ирон.* ‘о физически крепком, здоровом человеке’ [21].

Другой примечательный критерий характеристики человека по физическим свойствам – его рост. Так, человек маленького роста номинируется диалектной ФЕ *пуд с косырем*. Как можно заметить, один из словных компонентов (в своём свободном употреблении в качестве единицы лексической системы) представляет собой наименование меры веса, второй же – своеобразную меру длины (роста) – ср. общеупотребительную ФЕ, имеющую аналогичную структуру и мотивационные признаки: *метр с кепкой* ‘о человеке маленького роста’ [8, вып. 10, с. 135]. Диалектное слово *косырь* известно орловским говорам в значении ‘большой нож с толстым широким лезвием; косарь’ [22, вып. 5, с. 98]. Интересно, что это существительное распространено и на других территориях в значении ‘большой нож для щепания лучины, скобления пола и др.’; употребляется и фактически аналогичный фразеологизм – *фунт с косырем* ‘о малом весе’ *Куйбыш.* [23, вып. 15, с. 95].

2. Человек характеризуется с точки зрения возраста и соответствующего ему здоровья; актуальной оказывается фразеологическая репрезентация завершения жизненного пути человека, близость конца жизни – именно от старости, не по иным причинам, как можно заметить из контекстов. Ср., например, ФЕ, построенная по дублетной модели – *труха трухой* ‘о слабом, немощном от старости человеке’ (как видим, обозначена не только старость, но и сопутствующая ей физическая немощь). Два фразеологизма этой семантической группы, встретившиеся у Т. И. Грибановой, содержат компонент *Поповка: одной ногой на Поповке* ‘одной ногой в могиле’ и *на Поповку пора* ‘пора отправляться на тот свет’ – *Об чём толкуешь, старый греховодник, – отмахивалась Груша, – одной ногой на Поповке, а туда же!* («Крыльцо для Аграфены»); – *Ты опять за своё, уж и на Поповку пора, а ты всё не унимаешься?* («Бабушка Нинила»).

Названия *Поповка, Попов бугор* в качестве обозначений возвышенного места, где расположены кладбище и церковь, известны в говорах Орловщины. Как поясняет сам автор, Т. И. Грибанова: *Поповкой у нас называют гору, на которой располагается не только церковь, но и вокруг неё погост. То есть церковная (поповская) гора с погостом. Поэтому: спровадиться на Поповку обозначает ‘преставиться’.*

3. Внешний облик человека характеризуется также по критерию, связанному не столько с физическими, природными данными, сколько с зависящей от человека, его привычек и воспитания, чертой. Так, диалектная ФЕ *чумичка чумичкой* той же дублетной модели имеет значение ‘об очень грязном, неряшливом человеке (здесь – о куклах)’ – *А ты, касатка, тожить без дела не томися: кукол переплети, платья-постели ихние перестирай. Чай, чумички чумичками* («Жили-были»). Слово *чумичка* ‘грязнуля, замарашка’ является просторечным [24, вып. 17, ст. 1200], его семантика во многом сохранена в семантике фразеологизма, а удвоение компонента способствует выражению интенсивности данного качества.

4. При характеристике и оценке человека не менее актуальны его интеллектуальные данные. Номинации с отрицательной коннотацией («недостаточность» интеллектуальных данных) преобладают, что в принципе свойственно говорам и находит отражение в текстах Т. И. Грибановой. Например: *бесполдённая Арина* ‘бестолковая, глупая женщина’ – *Досужая Фролкина мачеха Анфиса – не какая-то вам*

бесплодная Арина – сразу быка за рога! («Колыбель моя посреди земли»). В данном случае текст писательницы позволяет откорректировать ареал диалектной ФЕ, которая зафиксирована в регионах, территориально близких Орловщине, в несколько иных, однако сродных вышеуказанному значениях: *бесплодная Арина* ‘бестолковая, странная женщина’. *Курск.*, 1849. ‘человек, не соразмеряющий свою деятельность со временем дня’. *Белг., Курск.* 1891 [23, вып. 2, с. 273] – как видим, оба оттенка значения датированы XIX в. Однако, как свидетельствует произведение Т. И. Грибановой, фразеологизм памятен в настоящее время и носителям орловских говоров.

Умственно ограниченного, недалёкого, глупого человека называет и характеризует диалектный фразеологизм *пень Божий*; отметим, что в его семантике проявляет себя известное значение слова *пень* – *перен., прост.* ‘о глупом, бестолковом или бесчувственном, безучастном ко всему человеку’ [8, вып. 15, с. 552].

5. Безусловно, крайне значимы, а потому и фразеологически представлены свойства характера, душевные качества человека, в том числе и как действующего лица произведения. Интересно, что все выявленные в текстах Т. И. Грибановой диалектные ФЕ этой семантической подгруппы характеризуют свойства негативные, не являющиеся моральной и (или) поведенческой нормой.

Так, в художественно-документальном цикле очерков «Колыбель роду племени моему» встречается указание на известность, употребительность в говорах фразеологизма *с лысинкой*, характеризующего общую манеру поведения человека – его странность, взбалмошность, неадекватность: *Барыня Соковникова, воспитывавшаяся в малолетстве по желанию её матушки при монастыре, нраву была по нашим меркам непросто: взбалмошный её характер не смогли переломить и годы, проведённые под надзором приставленной приглядывать за ней монахини Капитолины. Ну, так не зря же говорят: «Уж коли зародился с лысинкой...»*. Структурная модель «предлог с + существительное в творительном падеже» широко распространена в орловских говорах: *с глупинкой, с глупинством, с хитриной, с холминой, с холоминой, с холоминкой, с куполькём, с кандибобером, с замолотцем, с бусорью, с бусориной, с куколькём* и т.п. [17], внутренняя форма данных ФЕ подсказывает образ «с чем-либо излишним, не нужным». По этой же модели построен другой фразеологизм, встретившийся у Т. И. Грибановой, – *с лешинкой*, имеющий похожее значение: ‘с чудачествами, со странными, вызывающими удивление поступками, привычками (о человеке)’.

У некоторых фразеологизмов (в их числе и обнаруженные в тексте Т. И. Грибановой номинации *с лысинкой, с лешинкой*) «мотивировочный признак просматривается неотчётливо или совсем не ощущается. В этом случае значение фразеологизма ‘глуповатый человек, с придурью’ поддерживается, проясняется самой структурой ФЕ: *с замолотцем, с гулимониной*» [3, с. 110–111].

Внутренние качества человека, безусловно, проявляются в его поведении, внешней манере себя держать, что передаётся через соматический образ – мимику высокомерия, пренебрежения: *через губу не переплюнет* ‘о том, кто непомерно высокого мнения о себе, что проявляется в поведении (не с каждым заговорит, не всё будет есть и др.)’.

Другое порицаемое душевное свойство обозначается фразеологизмом *самому чёрту брат* ‘о бессовестном, наглom человеке’, компонентный состав которого явно апеллирует к общеупотребительной ФЕ *сам чёрт не брат* со значением, отличным от приведённого, но «пересекающимся» с ним в отдельных потенциальных, ассоциативных семах: ‘всё нипочём, всё очень легко, ничего не стоит. Подразумевается, что для лица, о котором идет речь, ситуация может иметь опасные или неудачные последствия. Имеется в виду крайняя независимость, смелость, лихость, опрометчивость, безрассудство в действиях’ [9, с. 617].

Однако же и положительные, на первый взгляд, качества человека не вызывают одобрения, если они проявляются чрезмерно. Например, контекст указывает на

негативную коннотацию единицы *божье бя* 'о невинном, простодушном человеке' – *Прикинулся было Божьим бя, овечкой сирой, сунул градусник в жаркую печурку, но хитрость его тут же раскрыли...* («Жили-были»). ФЕ содержит компонент-диалектизм *бя*, в данном случае явно подразумевается значение 'овца', о чём свидетельствует наличие в говорах соответствующих однокоренных слов: *бя* 'звукоподражательное междометие; обозначает бляные овцы', *бякуша* 'овца', *бяша* 'овца', *бячить* 'блять (об овце)' и др. [23, вып. 3]. Кроме того, и переносное значение слова *овца* во многом соответствует семантике приведенной ФЕ: *овца – перен., разг. 'о робком, безответном, покорном человеке (обычно в функции сказуемого)'* [8, вып. 13, с. 452].

Морально-нравственный характер фразеологических оценок человека по его внутренним свойствам находит отражение в наличии в ФЕ компонента *душа*; в свободном употреблении это существительное-полисемант имеет соответствующее значение 'совокупность характерных свойств, черт, присущих определенному лицу' [8, вып. 5, с. 452]. Слово также способно метонимически обозначать человека: *разг. 'человек (обычно при указании на количество)'* // 'В России до реформы 1861г. – крепостной крестьянин (обычно мужского пола)' [8, вып. 5, с. 454].

Всё это послужило базой для формирования целой фразеологической серии – *заячья душа, бумажная душа, чернильная душа* и т.п. Тексты Т. И. Грибановой пополняют серию диалектными единицами: *скряжная душа* 'тот, кто проявляет чрезмерную скупость, жадность; скряга'; *душа короткая* 'о человеке, не помнящем прошлого, своих предков' – см. контекст, выражающий нравственную суть русского человека: *А могилки со сродниками на погосте цельный ряд? Как без пригляду оставить?... Ить у нас на деревне, как ни помысли, а всё ж таки обычаи от Христа... Рази ж у Гурьевых душа короткая?! («Так и жили...»).*

Человек может быть фразеологически номинирован и по материальному положению. Например, *голь голимая* 'о том, кто живет в крайней нищете' – ср. общеизвестное *голь перекатная* – *разг. пренебр.* 'опустившийся человек, живущий в нищете; босяк' [21]. Как можно заметить, от варианта, известного литературному языку, диалектную ФЕ отличает лексический компонент *голимый*. Вполне вероятно, что он представлен в ФЕ в значении, которое известно говорам, – 'достигший предела; полный, совершенный'. Интересно, что в иллюстративном примере в словаре-источнике [8, вып. 4, с. 227] отражено сочетание *голимая бедность*. В говорах имеются ФЕ аналогичной структуры, входящие во фразеологическое гнездо с вершиной *голь*, – *голь непокрытая* 'бедность, нищета', 'бедняки', *голь египетская* 'бедняки' [23, вып. 6, с. 347]; на территории Орловщины также существуют ФЕ с компонентом *голь*: *голь голюю*, *голь голяком* 'о крайней нищете, бедности кого-л.' [22, вып. 3, с. 11].

6. Фразеологизмы рассмотренных выше семантических групп характеризуют лицо как индивидуума, однако не менее актуальны фразеологические номинации человека по отношению к другому лицу. Например, номинация человека по признаку независимости от кого-л.: *не под шапку*: 'не подвластен, не подчиняется кто-либо кому-либо' – *С этих пор мамыньке я и вовсе не под шапку, сама себе командёр* («Бабушка Нинила»).

Внутреннее, душевное, моральное сходство или несходство людей как важный признак номинации отражено в ФЕ *по отцовской струне ударить* 'быть похожим на отца характером и поступками', *волк коню не свойственник* 'разных по своей природе, характеру людей ничто не может объединить'. Последняя ФЕ, как можно заметить, содержит компонент-диалектизм – ср. *свойственник* 'дальний родственник, родственник не по прямой линии'. *Арх.* [23, вып. 36, с. 319]. Слово зафиксировано в архангельских говорах северного наречия, орловские же говоры входят в южное наречие, однако на территории Орловщины бытует немало подобных единиц ввиду того, что в XVIII – первой половине XIX вв. население региона пополнялось переселенцами из разных, прежде всего северных земель Русского государства.

Фразеологизмы, как известно, и в своих значениях, и в своей внутренней форме хранят сведения об обычаях, традициях; подобного рода номинация человека встречаются и у Т. И. Грибановой: *крестовый брат* ‘человек, с которым заключён союз на вечную дружбу, закреплённую обменом нательными крестами’.

II. Немалая часть диалектных фразеологизмов в текстах писательницы отражает физическое состояние, физические возможности человека, а также состояние душевное, чувства, мысли, переживания.

1. Аудиальное восприятие, готовность и способность к нему человека передаётся ФЕ *вострить уши* ‘приготовляться с усиленным вниманием вслушиваться’. Орловским говорам известны и другие фразеологизмы с компонентом *ухо* (в его разных формах, в том числе с фиксацией диалектного произношения с протетическим согласным) в похожем значении: *ухо/вуха наставлять, натопорить вухи* ‘внимательно и напряженно слушать, прислушиваться’. Заметим, что фразеологизм в тексте дан в кавычках – *Женёк усаживался на лавку, «вострил уши», и урок начинался* («Красно-тал»); тем самым автор подчёркивает его ограниченность в употреблении, ненормативность этой единицы и её специфическое использование как речевой характеристики повествователя. Вообще, такая пунктуационная особенность свойственна стилю Т. И. Грибановой и встречается многократно.

Физическое состояние человека – одна из болезней – номинируется диалектной ФЕ *сесть на ноги* ‘вследствие болезни утратить силу, способность передвигаться на ногах’. Этот фразеологизм в текстах Т. И. Грибановой используется дважды – *Когда дед Сила Леонтич, «севший на ноги», уже махнул было на себя окончательно... и Дед Федот ещё за год до войны сел на ноги* («Так и жили...»). В первом примере имеет место морфологический вариант ФЕ (с компонентом-причастием), который опять же дан в кавычках, указывающих на то, что единица не является общеупотребительной, а свойственна речи жителей деревни. Интересно, что в литературном языке употребляется фразеологизм с противоположным значением и с противоположной же внутренней формой, базовым образом, – *становиться [вставать, подниматься] на ноги; стать [вставать, подняться] на ноги* ‘выздоровливать, оправляться от болезни’ [29, с. 453].

Человек в состоянии алкогольного опьянения у автора номинируется фразеологизмом *зюзя зюзей*. На территории Орловщины в прошлом употреблялась ФЕ с однокоренным компонентом *напиться как зюзечка* ‘напиться до потери сознания’ Орл. 1901 [23, вып. 12, с. 42]. Само же слово *зюзя* известно здесь в значении ‘неопрятный, неряшливый человек’, в качестве компонента входит в состав устойчивых словосочетаний *как зюзя (зюзик)* и *что зюзя*, обозначающих неопрятного, неряшливого человека [22, вып. 4, с.126].

Кроме того, фразеологическую номинацию получает и состояние сильной усталости: *в гроб убиться* ‘очень устать от тяжёлой работы’ – данная ФЕ, встречающаяся у автора, относится к числу немногих зафиксированных в «Словаре орловских говоров», но с инверсией – *убиться в гроб* [22, вып. 16, с. 7]. Таким образом, в данном случае текст писательницы позволил расширить сведения о вариантности фразеологизма в говорах.

В условной мере физическое состояние – прекращение существования, смерть – передаётся выразительной ФЕ *обвенчаться с могилкой* ‘перестать жить, умереть’. И в литературном языке, и в народных говорах, действительно, немало образных фразеологизмов, иносказательно обозначающих смерть, см. об этом, например [26, с. 229], и приведенный нами фразеологизм как бы пополняет галерею фразеологических образов смерти, выражая это состояние перифрастически, через яркую «картину» нелогичного, невозможного действия.

2. Среди диалектных фразеологизмов, номинирующих состояния душевные, так же, как и при обозначении состояний физических, преобладают единицы с негативной коннотацией.

Например, состояние возбуждения, вызванное негативной реакцией на какую-либо ситуацию, обозначается следующими фразеологизмами: *нервы поотмотаны* – *Хочь бы почистил Воронка, стервец анафемский, негодяй бессовестнай! – лицо у него налилось кровью, трех съехал на затылок (чай, тоже нервы поотмотаны)* («Колыбель моя посреди земли»); *не в духах* ‘в плохом расположении духа; не в настроении’ – морфологический трансформант известной литературному языку ФЕ *не в духе* в том же значении.

Состояние раздражения при нежелании или невозможности терпеть какое-либо положение дел обозначено ФЕ с диалектным компонентом *терпелка* – *терпелка обрывается* ‘заканчивается терпение’ и *терпелка спортилась* ‘кончилось терпение’. Вне данных устойчивых словосочетаний слово *терпелка* в орловских говорах не зафиксировано. Факт употребления его в других говорах отражен в диалектном словаре: *терпелка* ‘терпение, выносливость’. *Иркут.*, 1970 [23, вып. 44, с. 80].

Выражение сильной, почти непосильной негативной эмоции – горя, боли – передается образными ФЕ, одна из которых вызывает яркий визуальный образ-ситуацию *не привязанный, а завизжишь* ‘выражение сильного горя’, а две других содержат компоненты *душа*, *сердце*, которые издавна понимаются как средоточия мыслей и чувств человека: *душа кровью капает* ‘кто-либо испытывает острое чувство душевной боли, жалости, сострадания’, *сердце на лоскутья рвётся* ‘о состоянии сильного страдания, переживания’. Можно заметить, что здесь имеет место лексическая вариантность при соотнесении приведённых единиц с ФЕ литературного языка – см. сходные единицы с точки зрения семантики и компонентного состава: *душа [сердце] разрывается [рвется]* <на части> [29, с. 150].

Ощущение состояния сильного страха отражено в ФЕ *завыбивают зубы Камаринского* ‘о дрожи от сильного страха, душевного смятения’ – ср. *стучать (застучать) зубами* – *прост.*, *экспрес.* ‘мёрзнуть, трястись от холода’ [27]; как можно заметить, введение компонента *Камаринского* придают ФЕ большую конкретность, делает внутреннюю форму ярче, образнее: всем хорошо знакомо название известной русской плясовой песни и самой пляски – *Камаринская*.

Через конкретный образ передается состояние ожидания и связанных с ним эмоций – надежды/безнадёжности: *завязывать жданки в узелок* ‘не надеяться на осуществление ожидаемого’, *передаются все жданки* ‘утрачиваются надежды от долгого ожидания чего-либо’ и *жданки переест* ‘испытать чувство безнадёжности от долгого ожидания чего-либо’. Все три выявленных в текстах фразеологизма содержат компонент-диалектизм *жданки*. Слово широко распространено в говорах, как в свободном употреблении в значении ‘кушанья, приготовленные в ожидании желанного, любимого или знаменитого, важного гостя’, так и в качестве компонента устойчивых сочетаний: *Ждал, ждал, да и жданки съел* (Пословица). *Все жданки проел* [23, вып. 9, с. 94], ср. также *жданки* ‘пироги, испеченные в ожидании гостей’ *Волог.* *Ждали, ждали, да и жданки поели* (шуточный упрек гостю, заставившему себя ждать). *Курск.* [23, вып. 9, с. 94]. Связь с данным предметным значением сохранилась в самой структуре ФЕ, содержащей компоненты *передаются*, *переест*, хотя целостное значение единицы уже абстрагировалось.

Общая оценка состояния человека – отсутствие сил, возможностей, способностей к деятельности – передается ФЕ *кишка истончилась* ‘утратились силы, средства и т.п. для осуществления чего-либо’ – *Хоть китайцы нам трусов-панталонов настрочат, тапок нашлѣпают. У нас у самих, видать, кишка истончилась* («Палыч»). ФЕ является диалектным вариантом известной языку единицы *кишка тонка* – *прост.* ‘не хватает сил, способностей и т.п., чтобы сделать что-л.’ [29, с. 197].

III. Богатым источником диалектных фразеологических номинаций, в том числе и явно оценочных, является многообразная деятельность человека, а также его поступки в отношении других лиц. Не исключение в этом плане и тексты Т. И. Грибановой, насыщенные единицами подобной семантики.

1. Прежде всего, человек характеризуется в его отношении к труду. Т. И. Грибанова включает в свои тексты ФЕ, обозначающие работу, трудовую деятельность.

Обилие трудовых дел и забот ярко выражено ФЕ *какмень на жаровне (крутится, вертеться)* 'быть занятым разными делами без отдыха, без передышки; как белка в колесе (крутиться, вертеться)' – *Фёдор только успевал поворачиваться. Как своим, «по-соседски», откажешь? Крутился, «какмень на жаровне»* («Краснотал») – заметим, что автор вновь вводит кавычки как указание на принадлежность фразеологизма речи носителей говоров. Слово *мень* широко распространено в говорах южного и северного наречий [23, вып. 18, с. 111] и является обозначением обитающей в пресных водах налима – рыбы семейства тресковых.

Встречаются у автора и ФЕ с противоположным значением, поскольку, безусловно, в деревенском быту резко порицается бездействие, отлынивание от работы. Фразеологизмы этой семантической группы своей внутренней формой «рисуют» противопоставленные труду действия: *гулюшки гулять* 'праздно проводить время' и *лягушек бить* 'лодырничать, бездельничать', причём в последнем случае формально названо действие нелогичное, бессмысленное и бесполезное. В орловских говорах отмечается единица подобная данной по компонентному составу и семантике: *лягушкам глаза колоть (выбивать, выбить)* 'проводить время в безделье; гулять' [22, вып. 6, с. 93].

Интересен по значению и составу компонентов фразеологизм *вынять руки из карманов* 'прекращать, переставать бездельничать'. Отметим, что языку известна ФЕ *руки в брюки (в карманы, в карманах)* [9, с. 590], своей внутренней формой передающая положение рук, непригодное для работы.

2. Речевая деятельность человека – особый и немаловажный вид деятельности, раскрывающий характер и моральные качества человека, – в текстах писательницы также фразеологически представлена.

Высказывания, реплики героев Т. И. Грибановой при помощи фразеологизмов характеризуются с точки зрения правдивости содержащейся в них информации. Во внутренней форме таких ФЕ содержатся интересные проекции физических действий на речевую деятельность: *вязью вышивать, городить городушки* 'стараться скрыть истинное положение вещей, лукавить'. Последняя ФЕ зафиксирована в орловских говорах, но в другом значении – *неодобр.* 'делать что-л. небрежно' [22, вып. 3, с. 18]. Как видим, обращение к текстам писательницы проясняет и расширяет семантическую структуру диалектного фразеологизма.

Близкое значение имеет ФЕ *ходить колесом* 'вести разговор, не затрагивая сути обсуждаемого, уклоняясь от прямого ответа о самом важном'. Структурно и семантически единица подобна общеизвестному фразеологизму *ходить вокруг да около* разг., ирон. 'говорить, объясняться обиняком, не прямо, не говорить о сути дела' [27]. Лексемы *около, колесо*, ставшие компонентами этих ФЕ, родственны и восходят к ныне утраченному слову *коло* 'круг', породившему в своё время значительное словообразовательное гнездо.

Номинируется ещё одно свойство речи говорящего – её правдивость, подкреплённая уверенностью и убеждённостью в истинности собственных слов, – ср. *голову на пень положить – К бабке не ходи – эти! Чтоб мне Серёжкиной свадьбы не дожидаться! Голову на пень положу – эти!..* («Ети»).

Актуальны для героев произведений содержание и содержательность высказываний: *наметить белыми стежками* 'договориться о предстоящем деле предварительно, в общих чертах, без углубления в детали', *лясы подсолнушные точить* 'заниматься пустыми разговорами, сопровождаемыми щелканием подсолнечных семечек'. Немаловажен сам лексикон речи героев, выбор слов, их оценка с точки зрения соблюдения приличий: *крестить по матушке* 'бранить нецензурными словами' и *чертануть по матушке* 'обругать нецензурными словами'.

Резкое прекращение речи обозначено ФЕ *поприкусить брѣх* 'спохватившись, внезапно замолчать', имеющей соответствие в литературном языке *прикусить язык* – разг., ирон. 'замолчать, воздержаться от высказывания' [27]. Как можно заметить, обе единицы содержат однокоренные глагольные компоненты; диалектный фразеологизм включает в себя компонент *брѣх*, свойственный просторечию и определяющий стилистический и эмоциональный характер ФЕ.

3. Диалектные фразеологизмы, выявленные в текстах Т. И. Грибановой, номинируют и когнитивную деятельность человека – понимание, осознание, способность помнить что-либо. Например: *сливочки от кислушки отличить* 'разобраться, отличить плохое от хорошего' – единица содержит компонент-диалектизм *кислушка*, слово широко распространено на Орловщине в значении 'простокваша' [22, вып. 5, с. 38]. *Раскинуть направо, налево умочком* – перед нами диалектный вариант с расширением и преобразованием компонентного состава литературной ФЕ *раскинуть/раскидывать умом* – разг., экспрес. 'обдумывать, мысленно рассчитывать, прикидывать и т.п.' [27].

4. В текстах Т. И. Грибановой встречаются диалектные фразеологизмы, обозначающие действия субъекта по отношению к другому лицу, а также «взаимные» действия; прежде всего фразеологически маркированы отношения между мужчиной и женщиной.

Интересно, что некоторые из таких ФЕ позволяют как бы задать точку видения ситуации – со стороны мужчины/женщины. Например, эвфемистичные по сути ФЕ *ворота отворить (открыть), ворота открывать* 'вступить (вступать) в интимные отношения (о девушке, женщине)' относятся именно к лицу женского пола, что подтверждают и произведения автора. Или: ФЕ *и сороку бить, и ворону* 'ухаживать за всеми девушками, не делая предпочтение кому-либо' передаёт манеру поведения именно мужчины. Представлены и действия без определенной гендерной дифференциации: *на сторону лызнуть* 'нарушить супружескую верность'.

В диалектных ФЕ отражаются действия мужчины/женщины совместного характера: *венчаться у ракитового куста* 'вступать в гражданский брак' – причём интересен контекст-объяснение автора: *Даже представить себе невозможно, из какой дальней дали пришло к нам выражение «венчаться у ракитового куста». Это теперь такой (гражданский) брак считается неофициальным. А вот предки-язычники вступали в брак у священных ракит, и вода (тоже священная стихия) являлась свидетелем нерушимой клятвы молодых* («Колыбель моя посреди земли»).

Диалектные фразеологизмы, содержащиеся в прозе Т. И. Грибановой, номинируют разнообразные действия человека по отношению к другому лицу как к объекту. Например, находит фразеологическое отражение проявление власти над кем-либо, подчинение своим желаниям, ограничение чьих-либо действий: *взять в шоры* 'решительно заставить делать что-либо, поступать определённым образом'; *хотелку поприжать* 'ограничить осуществление желаний, намерений кого-либо'; *за рукав словить* 'уличить в чем-либо' – ср. общеупотребительно *ловить/поймать за руку, хватать/схватить за руку* – разг., экспрес. 'вовремя останавливать/остановить того, кто занимается какой-л. порочной деятельностью' [28, вып. 2, с. 342]. Как видим, в диалектной и литературной единицах представлен тот же образ, то же действие, варьирующиеся компоненты являются однокоренными – *ловить/словить, рука/рукав*.

Некоторые ФЕ, включённые автором в тексты, представляют собой воплощения действий, предписанных традициями, обычаями, обрядами: *покормить покойницу* 'принести на могилу умершей еды для поминания', *выкликнуть младенца* 'в родильном обряде: дав роженице выпить воды с опущенными в неё углями из топившейся печи, помочь появиться на свет младенцу'.

5. Условно можно выделить группу диалектных ФЕ, обозначающих не какие-либо конкретные действия, а вектор деятельности человека в целом, предполагающий глобальные изменения личности: *с катушек сбиться* 'сойти с правильного жизненного пути', *забыть, какой рукой лоб крестят* 'потерять совесть'.

VI. Т. И. Грибанова нередко использует фразеологизмы, передающие общую оценку состояния и положения дел; причём для героев (или повествователей) особенно актуальной оказывается оценка их жизни как трудной, полной тягот и невзгод.

Так, безденежье, бедность, голод образно передаются ФЕ, представленной в текстах Т. И. Грибановой в двух вариантах – с расширением компонентного состава и без такового: *с лебеды на крапиву, [с мякины на щавель]* 'об очень бедном житье впроголодь', а также ФЕ *травой подавиться* 'о питании скудной однообразной пищей из-за бедности' – *Но вот что удивительно: и обуться, одеться не во что, и травой подавились, а молодость брала своё* («Бабушка Нинила»), *в кармане мышь прогрызла дырку* 'об отсутствии денег, крайней бедности'.

Отражён в диалектной фразеологии и тяжёлый, непосильный труд как привычный и неизбежный уклад жизни: *хочь пуп развяжи – ... Мать спозаранку в поле, отец и дед тоже в работах, в одиночку бабуле с огородом, «хочь пуп развяжи», не справиться* («Так и жили...»). Структурно подобная поговорка отмечается в одном из лексикографических источников – *пуп (пупок) развязывается у кого – прост., шутол.* 'о большом напряжении сил' [21].

Фразеологически маркируется общая оценка состояния, положения дел как тяжёлого, бедственного, безысходного. Показательно, что в ряде встретившихся у Т. И. Грибановой единиц содержится словный компонент *моток* – существительное является семантическим диалектизмом и известно орловским говорам в значении 'сложенный и завязанный конец верёвки; петля'. Как известно, в литературном языке непосильно тяжёлая жизненная ситуация передаётся ФЕ с компонентом *петля* – например, *хоть в петлю лезь* [27]. Подобная же внутренняя форма наличествует у ФЕ с компонентом – диалектным синонимом слову *петля* – *моток*: *хоть моток накидывай, хоть в моток сигай (прыгай)* 'о тяжёлом, безвыходном положении человека, в моток сигать' 'о состоянии тяжёлого, безвыходного положения'. Тексты автора расширяют сведения о вариантности диалектных ФЕ в говорах; на данный момент зафиксированы следующие ФЕ *хоть моток на шею, хоть в моток (мот) лезь*, [22, вып. 6, с. 149], но не представлены варианты, имеющиеся в произведениях Т. И. Грибановой.

Интересна трансформация и переосмысление в говорах общеизвестной ФЕ *лаптем щи хлебать* – *прост., пренебр.* 'жить в нищете, прозябать в невежестве, в отсталости и косности' [27]. У Т. И. Грибановой читаем: *...каждый раз заводя разговор «о той зиме проклятущей», чернел лицом Роман, – да-а уж... нахлебались лаптем штец, сыты – по самую глотку* («Всего дороже»). ФЕ *нахлебаться лаптем щец* (в тексте зафиксировано произношение *штец*) имеет значение 'натерпеться тягот, бедствий'.

Результаты

Таким образом, анализ диалектной фразеологии, представленной в значительном по объёму и разнообразном в жанровом отношении текстовом материале современной писательницы, позволяет обобщить ряд особенностей обнаруженных единиц.

Диалектная фразеология в текстах Т. И. Грибановой отражает общую закономерность фразеологии орловских говоров, что проявляется ярче всего в особенностях компонентного состава фразеологизмов: преобладают фразеологические единицы, образованные на базе лексем литературного языка. В то же время существенную часть ФЕ, как и во фразеологическом фонде местных народных говоров, составляют устойчивые словесные комплексы, в составе которых имеются компоненты-диалектизмы [1, с. 91–95]. В качестве таких компонентов выступают как слова, известные в говорах

в свободном употреблении (*жданки, кислушка,мень, моток, свойственник* и др.), так и представленные только в составе ФЕ (*бесплодённная, бя* и др.).

Явно прослеживается частотность компонентов-соматизмов, что вполне объясняется антропоцентричностью и антропометричностью фразеологии в целом: соматизмы в литературном языке образуют значительные фразеологические гнёзда, это справедливо и в отношении говоров. В составе обнаруженных ФЕ фигурируют как компоненты следующие соматические лексемы: *сердце, нервы, губа, кишки, живот, спина, голова, ноги, руки, зубы, уши, пуп, плешь, лоб*.

Выявляются взаимодействия диалектных фразеологизмов с общей фразеологической системой. Представленные в текстах Т. И. Грибановой диалектные ФЕ строятся по известным языку моделям, структурам: *хоть моток накидывай, хоть в моток сигай (прыгай), хоть пуп развяжи; оглобля оглоблей, чумичка чумичкой, труха трухой*. Под влиянием общеупотребительных ФЕ возникают диалектные единицы с преобразованиями структуры и семантики: *нахлебаться лаптем щец* 'натерпеться тягот, бедствий' и др.

Работа с литературными текстами способствует решению одной из задач диалектной фразеологии, каковой является «... изучение фразеологических взаимосвязей и взаимодействий между литературным языком и народными говорами, выявление общенародного и местного во фразеологии...» [16, с. 3].

Существенная часть рассмотренных фразеологических диалектизмов многогранно номинирует человека, его внешние данные, интеллектуальные и душевные свойства, поведенческие черты, действия и взаимоотношения, обычаи, часть системы оценок – как других людей, так и состояний, положений, жизни в целом. Многие ФЕ являются характеризующими, в своей семантике явно содержат коннотацию (преимущественно негативную); ФЕ, представляющие собой номинацию без оценки, единичны (*крестовый брат*).

Нередко ФЕ отличаются прозрачностью и оригинальностью своей внутренней формы; они формально (как свободные сочетания) номинируют нелогичные, парадоксальные или невозможные действия, явления – *обвенчаться с могилкой, покормить покойницу*, представляют собой яркие сравнения – *какмень на жаровне (крутится, вертеться)*, что подтверждает наблюдение писателя-орловца Н. С. Лескова: *В Орловской и Тульской губерниях крестьяне говорят удивительно образно и метко* [15, с. 190].

Заключение

Итак, обращение к текстам писателя, творчество которого посвящено укладу деревенской жизни определенного региона на разных временных срезах, позволяет существенно дополнить данные о фразеологическом фонде народных говоров.

Значительная часть фразеологических единиц, выявленных в текстах современной орловской писательницы Т. И. Грибановой, описывается и лексикографируется нами впервые и отсутствует в диалектных словарях [22; 23], причём такие фразеологические единицы до сих пор живы в памяти носителей говоров и функционируют в речи, в общении.

Художественные тексты подобной тематики и стилистики позволяют не просто выявить не зафиксированные ранее ФЕ, но и уточнить ареал и время их существования (в случае, если единица отмечена как существующая на иных территориях, однако употребляется, как показывают произведения, и в данном регионе).

За счёт контекстов, раскрывающих семантику ФЕ, расширяются сведения о семантической структуре фразеологических диалектизмов, выявляется полисемия.

Формируется более полная и целостная картина вариантности фразеологических единиц как в говорах региона, так и в национальном языке (за счёт привлечения диалектных фразеологических вариантов).

Художественные тексты, богатые диалектным фразеологическим материалом, предоставляют данные не только о составе ФЕ, но и о составе их словных компонентов,

о частотности последних, о наполненности фразео-семантических групп, вообще, о формировании номинативной системы за счёт привлечения новых фразеологических данных.

Безусловно, роль выявленных фразеологизмов значима не только для исследований фразеологической системы региона, но и для пополнения данных о взаимодействии фразеологической системы литературного языка и говоров. Такие ФЕ служат для создания идиостиля писателя, будучи заметными и частотными выразительными средствами в художественном тексте (что явно характерно для прозы Т. И. Грибановой). Диалектные фразеологизмы выступают как яркое средство речевой характеристики и персонажей, и повествователя, чья точка видения всегда «внутри» ситуации – «рядом» с героями; повествователя, речь которого по своим лингвостилистическим характеристикам близка речи носителей орловских говоров.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность члену Орловского отделения Союза писателей России Татьяне Ивановне Грибановой за текстовый материал, за предоставление произведений, отсутствующих в опубликованных на данный момент книгах, за консультативную помощь – пояснение и уточнение толкований номинативных единиц проекта «Народное слово в литературно-художественном воплощении (на материале произведений Т. И. Грибановой)».

Список источников и литературы

1. Бахвалова Т. В. Лексическая база фразеологических единиц орловских говоров // *Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур: сборник материалов Всерос. с междунар. участием науч. конф. / гл. ред.: Е. В. Брыкина, В. И. Супрун. Волгоград: Фортесс, 2019. С. 91–99.*
2. Бахвалова Т. В. Тексты художественных произведений писателей-орловцев – источник изучения и лексикографического представления региональной лексики // *Писатели-орловцы в контексте отечественной культуры, литературы, истории : материалы Всерос. науч. конф. Орёл: Орлов. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2015. С. 92–97.*
3. Бахвалова Т. В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров). Орёл: Орлов. гос. пед. ун-т, 1993. 130 с.
4. Бахвалова Т. В., Попова А. Р. 500 забытых и редких слов из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 3-е изд., испр. и доп. Орёл: Орлов. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2017. 162 с.
5. Бахвалова Т. В., Попова А. Р. Мир орловского крестьянина в лексикографическом представлении (на материале произведений И. Вольнова). Орёл: Орлов. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2010. 224 с.
6. Бахвалова Т. В., Попова А. Р. Словарь забытых и редких слов из романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева. Орёл: Орлов. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2018. 91 с.
7. Бахвалова Т. В., Попова А. Р. Словарь забытых и редких слов из романа «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева. Орёл: Орлов. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2019. 84 с.
8. Большой академический словарь русского языка. В 26 т. М.: Наука ; СПб.: Наука, 2004–2019.
9. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
10. Грибанова Т. И. Всего дороже. Рассказы. Орёл: 3-е ИЮЛЯ, 2019. 252 с.

11. Грибанова Т. И. Колыбель моя посреди земли. Песнь роду-племени моему. Орёл: Картуш, 2015. 404 с.
12. Грибанова Т. И. Лесковка. Деревенские рассказы. Орел: Орлик, 2013. 260 с.
13. Грибанова Т. И. Не трын-трава: деревенские были. Орёл: Картуш, 2016. 319 с.
14. Грибанова Т. И. Узелки на память. Поэма о природе. Орёл: Картуш, 2017. 320 с.
15. Другов Е. И. Н. С. Лесков: очерк творчества. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1961. 224 с.
16. Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 110 с.
17. Картоотека «Словаря орловских говоров»: материалы хранятся на кафедре русского языка Института филологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.
18. Кобелева И. А. Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический и лексикографический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Кобелева Ирина Арнольдовна. Сыктывкар, 2012. 355 с.
19. Курносова И. М. Лексико-фразеологическая система языка писателей Центрального Черноземья и её лексикографическая представленность: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Курносова Ирина Михайловна. Елец, 2009. 557 с.
20. Курносова И. М. Словарь народного языка произведений И.А. Бунина. Елец: Елецкий гос. ун-т, 2012. 420 с.
21. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений. М.: Олма Медиа Групп, 2008. 283 с. ; то же [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/> (дата обращения: 02.01.2021).
22. Словарь орловских говоров / под ред. Т. В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991 ; Вып. 5–17. Орёл, 1992–2016.
23. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51. М. ; Л. ; СПб.: Наука, 1965–2019.
24. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
25. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
26. Толстая С. М. Славянские народные представления о смерти в зеркале фразеологии // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 229–234.
27. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц. М.: Астрель : АСТ, 2008. 878 с. ; то же [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. <https://phraseology.academic.ru> (дата обращения: 04.01.2021).
28. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. / сост. А. И. Федоров. М.: Цитадель, 1997.
29. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1978. 543 с.

References

1. Bakhvalova T. V. Leksicheskaya baza frazeologicheskikh edinic orlovskih govorov [Lexical base of phraseological units of Orel dialects]. *Rossiya narodnaya: rossyp' yazykov, dialektov, kul'tur* [People's Russia: a Scattering of Languages, Dialects, Cultures.

- Collection of materials of the All-Russian scientific conference with international participation*]. Ed. by E. V. Brysina, V. I. Suprun. Volgograd: Fortess Publ., 2019, Pp. 91–99 [In Russian].
2. Bakhvalova T. V. *Teksty khudozhestvennykh proizvedeniy pisateley-orlovtsev – istochnik izucheniya i leksikograficheskogo predstavleniya regional'noy leksiki* [Texts of literary works of Orel writers as a source of study and lexicographic representation of regional vocabulary]. *Teksty khudozhestvennykh proizvedeniy pisateley-orlovtsev – istochnik izucheniya i leksikograficheskogo predstavleniya regional'noy leksiki* [Orel writers in the context of Russian culture, literature, and history. Materials of the Russian Scientific Conference]. Orel: Orlovskiy gosudarstvennyy universitet im. I.S. Turgeneva Publ., 2015, Pp. 92–97. [In Russian].
 3. Bakhvalova T. V. *Kharakteristika intellektual'nykh sposobnostey cheloveka leksicheskimi i frazeologicheskimi sredstvami yazyka (na materiale orlovskikh govorov)* [Characteristics of human intellectual abilities by lexical and phraseological means of the language (based on the material of Oryol dialects)]. Orel: Orlovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 1993. 130 p. [In Russian].
 4. Bahvalova T. V., Popova A. R. *500 zabytykh i redkikh slov iz «Zapisok okhotnika» I. S. Turgeneva. 3-ye izd., ispr. i dop.* [500 forgotten and rare words from the «Notes of the Hunter» by I. S. Turgenev. 3rd ed., aug.] Orel: Orlovskiy gosudarstvennyy universitet im. I. S. Turgeneva Publ., 2017. 162 p. [In Russian].
 5. Bakhvalova T. V., Popova A. R. *Mir orlovskogo krest'yanina v leksikograficheskom predstavlenii (na materiale proizvedeniy I. Vol'nova)* [The world of the Orel peasant in lexicographic representation (based on the works of I. Volnov)]. Orel: Orlovskiy gosudarstvennyy universitet im. I.S. Turgeneva Publ., 2010. 244 p. [In Russian].
 6. Bakhvalova T. V., Popova A. R. *Slovar' zabytykh i redkikh slov iz romana «Ottsy i deti» I.S. Turgeneva* [Dictionary of forgotten and rare words from the novel «Fathers and Sons» by I. S. Turgenev]. Orel: Orlovskiy gosudarstvennyy universitet im. I. S. Turgeneva Publ., 2018. 91 p. [In Russian].
 7. Bakhvalova T. V., Popova A. R. *Slovar' zabytykh i redkikh slov iz romana «Dvoryanskoye gnezdo» I. S. Turgeneva* [Dictionary of forgotten and rare words from the novel “Home of the Gentr” by I. S. Turgenev]. Orel: Orlovskiy gosudarstvennyy universitet im. I. S. Turgeneva Publ., 2019. 84 p. [In Russian].
 8. *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka. V 26 tomakh* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language in 26 volumes]. Moscow: Nauka Publ.; St. Petersburg: Nauka Publ., 2004–2019. [In Russian].
 9. *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: Znachenije. Upotrebleniye. Kul'turologicheskii kommentariy* [Large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Use. Cultural commentary]. Exec. ed. V. N. Telia. Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 2006. 784 p. [In Russian].
 10. Griбанова Т. И. *Vsego dorozhe. Rasskazy* [The dearest. Short Stories]. Orel: 3-ye IYULYA Publ., 2019. 252 p. [In Russian].
 11. Griбанова Т. И. *Kolybel' moya posredi zemli. Pesn' rodu-plemeni moyemu* [My cradle is in the middle of the earth. Songs for my family]. Orel: Kartush Publ., 2015. 404 p. [In Russian].
 12. Griбанова Т. И. *Leskovka. Derevenskiye rasskazy* [Leskovka. Village stories]. Orel: Orlik Publ., 2013. 260 p. [In Russian].
 13. Griбанова Т. И. *Ne tryn-trava: derevenskiye byli* [Ne tryn-trava: village stories]. Orel: Kartush Publ., 2016. 319 p. [In Russian].
 14. Griбанова Т. И. *Uzelki na pamyat'. Poema o prirode* [Knots for memory. A poem about nature]. Orel: Kartush Publ., 2017. 320 p. [In Russian].
 15. Drugov E. I. *N. S. Leskov. Ocherk tvorchestva* [N.S. Leskov. Essay on creativity. 2nd ed.] Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1961. 224 p. [In Russian].

16. Ivashko L. A. *Ocherki russkoy dialektnoy frazeologii [Essays on Russian Dialect Phraseology]*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publ., 1981. 110 p. [In Russian].
17. *Kartoteka «Slovarya orlovskikh govorov» [Card index of the «Dictionary of Oryol dialects»]*. The materials are stored at the Department of Russian Language of Orel State University [In Russian].
18. Kobeleva I. A. *Sovremennaya russkaya dialektnaya frazeologiya: leksiko-grammaticheskiy i leksikograficheskiy aspekty [Modern Russian Dialect Phraseology: Lexico-Grammatical and Lexicographic Aspects]*: abstract of dissertation of the doctor of philology. Syktyvkar, 2012. 39 p. [In Russian].
19. Kurnosova I. M. *Sovremennaya russkaya dialektnaya frazeologiya: leksiko-grammaticheskiy i leksikograficheskiy aspekty: dis. ... dr. filol. nauk [Lexical and phraseological system of the language of writers of the Central Chernozem region and its lexicographic representation]: diss. ... dr. filol. nauk*. Kurnosova Irina Mikhaylovna. Yelets, 2009. 557 c. [In Russian].
20. Kurnosova I. M. *Slovar' narodnogo yazyka proizvedeniy I. A. Bunina [Dictionary of the folk language of the works of I. A. Bunin]*. Yelets: Yeletskiy gosudarstvennyy un-t Publ., 2012. 420 p. [In Russian].
21. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok: boleye 40 000 obraznykh vyrazheniy [A large dictionary of Russian sayings: more than 40,000 figurative expressions]*. Moscow: Olma Media Grupp Publ., 2007. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/> (accessed: 01 January 2021). [In Russian].
22. *Slovar' orlovskikh govorov [Dictionary of Orel dialects]*. Ed. by T. V. Bakhvalova. Issues 1–4. Yaroslavl, 1989–1991. Issues 5–17. Orel, 1992–2016. [In Russian].
23. *Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]*. Issues 1–51. Moscow, Leningrad, St. Petersburg: Nauka Publ., 1965–2019. [In Russian].
24. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 tomakh [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]*. Issues 1–17. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1950–1965. [In Russian].
25. Telia V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]*. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Publ., 1996. 288 p. [In Russian]
26. Tolstaya S. M. Slavyanskiye narodnyye predstavleniya o smerti v zerkale frazeologii [Slavic folk ideas about death in the mirror of phraseology]. *Frazeologiya v kontekste kul'tury [Phraseology in the context of culture]*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999, Pp. 229–234. [In Russian].
27. Fyodorov A. I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka: okolo 13 000 frazeologicheskikh yedinits [Phraseological dictionary of the Russian literary language: about 13,000 phraseological units]*. Moscow: Astrel Publ., AST Publ., 2008. URL: <https://phraseology.academic.ru> (accessed: 04 January 2021). [In Russian].
28. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka. V 2 tomakh [Phraseological dictionary of the Russian literary language. In 2 volumes]*. Comp. by A. I. Fyodorov. Issues 1–2. Moscow: Citadel Publ., 1997. [In Russian].
29. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Phraseological Dictionary of the Russian language]*. Ed. by A. I. Molotkov. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1978. 543 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 01.03.2021
Дата решения о публикации: 25.03.2021

Date of receipt of article: 01.03.2021
Date of publication decision: 25.03.2021

Сведения об авторах

Бахвалова Татьяна Васильевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
ФГБОУ ВО «Орловский государственный
университет им. И. С. Тургенева»
(e-mail: Btv-orel@yandex.ru)

Попова Анна Ростиславовна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
ФГБОУ ВО «Орловский государственный
университет им. И. С. Тургенева»
(e-mail: Studioaa2001@yandex.ru)

Information about the Authors

Bakhvalova Tatyana Vasilyevna,
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of the
Russian Language, Orel State University
(e-mail: angen.zhosse@yandex.ru)

Popova Anna Rostislavovna,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of the
Russian Language, Orel State University
(e-mail: Studioaa2001@yandex.ru)

ИНОКУЛЬТУРНЫЕ ТОПОНИМЫ, ЭТНОНИМЫ И ИХ ДЕРИВАТЫ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ: СИМВОЛЫ, ЭТАЛОНЫ, СТЕРЕОТИПЫ, ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ*

В. И. Абрамова,

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Ю. В. Архангельская

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. Объектом исследования являются инокультурные топонимы, этнонимы и их дериваты, а также фразеологические единицы, содержащие в своем составе данные компоненты и отражающие представления о Китае, китайцах и китайском в русской языковой картине мира. Авторы рассматривают анализируемые единицы, выделяя среди них эталоны, стереотипы и символы и соотнося их с лингвокультурными кодами. Анализ более тридцати собранных лексических и фразеологических единиц показывает, что в русской языковой картине мира существует два основных этностереотипа, которые отражают представления русских людей о Китае и китайцах: 1) интенсивно выраженное – сложное, непонятное, странное и др. (*китайская грамота, китайские церемонии, последнее китайской предупреждение, утро китайского пчеловода* и т. п.); 2) плохое, некачественное (*шанхай, носки Шаолия, дядюшка Ляо* и т. п.). В русской лингвокультуре указанные единицы могут не только являться стереотипами, но и обладать при этом эталонным (*как сто китайцев, как до Пекина раком, как до китайской Пасхи* и др.) или символическим значением (*китайский болванчик, китайские тени, китайская грамота*).

Ключевые слова: инокультурный топоним, этноним, фразеологизм, этностереотип, стереотип, эталон, символ, Китай, китаец, китайский.

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008).

FOREIGN CULTURE TOPONYMS, ETHNONYMS AND THEIR DERIVATIVES IN THE RUSSIAN VOCABULARY AND PHRASEOLOGY: SYMBOLS, STANDARDS, STEREOTYPES, LINGUOCULTURAL CODES*

V. I. Abramova,

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Ju. V. Arkhangelskaya

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The object of the research is foreign culture toponyms, ethnonyms and their derivatives, as well as phraseological units containing such components and reflecting notions of China, Chinese people and realities in the Russian linguistic picture of the world. The authors consider the analyzed

units, mark out standards, stereotypes and symbols among them and correlate them with linguocultural codes. Analysis of more than thirty lexical and phraseological units shows that there are two main ethnostereotypes in the Russian world picture, which reflect Russian people's notions of China and the Chinese: (1) intensively expressed – complicated, incomprehensible, strange, etc. (*kitayskaya gramota, kitayskiye tseremonii, posledneye kitayskoye preduprezhdeniye, utro kitayskogo pchelovoda*, etc.); (2) bad, of poor quality (*shankhai, noski Shaolinya, dyadyushka Lao*, etc.). In Russian linguoculture, these units can not only be stereotypes, but also have a reference (*kak sto kitaytsev, kak do Pekina rakom, kak do kitayskoy Paskhi*, etc.) or symbolic meaning (*kitayskiy bolvanchik, kitayskiye teni, kitayskaya gramota*) at the same time.

Keywords: foreign culture toponym, ethnonym, phraseological unit, ethnostereotype, stereotype, reference, symbol, China, Chinese.

*** The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant no. 19-512-18008).**

Восток и Запад в языковом сознании носителей русского языка – это не только и не столько пространственные категории, сколько в первую очередь культурные образы. Запад в русской языковой картине мира – это совокупность стран, развивающихся по типу европейской культуры, как правило, в противоположность восточной. Поэтому под Западом мы подразумеваем европейские страны, США и Канаду, а к Востоку относим не только Китай и Японию, которые действительно расположены на востоке от России, но и Турцию, Иран и другие страны, которые находятся к югу от ее границ. Культурные образы Запада и Востока, с одной стороны, соответствуют оппозиции *свой – чужой*, с древности определяющей представления людей о мире, с другой стороны, не исчерпываются ею, а подвергаются переосмыслению под влиянием исторических, политических и других факторов.

Все это становится особенно заметным при лингвокультурологическом подходе к фразеологическим единицам, включающим инокультурные топонимы и этнонимы, соотносимые с Западом и Востоком. Лингвокультурологический анализ в данном случае предполагает не столько исследование оппозиции *свой – чужой*, являющейся достаточно очевидной, естественной, сколько анализ символов, эталонов, стереотипов, в преломлении которых она осмысливается.

В последние годы лингвисты обращают внимание на инокультурные топонимы в русской языковой картине мира, что обусловлено развитием имагологии и повышением интереса к образу «другого» в разных сферах. Так, одно из заметных исследований инокультурных топонимов и этнонимов было предпринято М. Л. Лаптевой. Результатом этой работы стал словарь-справочник «“Чужое” в “своем” фразеологическом пространстве», изданный в Астрахани в 2019 году. Единицы, вошедшие в словарь, М. Л. Лаптева типологизирует следующим образом: единицы с компонентом-этнонимом, единицы с компонентом-топонимом, единицы с компонентом-антропонимом и его дериватами, единицы с компонентом-артефактом (предметом или субъектом, важным для «чужого» культурного пространства) [7].

Мы предлагаем рассмотреть фразеологизмы с инокультурными топонимами и этнонимами под другим углом зрения, выделив среди них эталоны, стереотипы и символы, а также соотнеся их с лингвокультурными кодами. В данной статье объектом анализа станут лексические и фразеологические единицы, отражающие представления о Китае, китайцах и китайском в русской языковой картине мира.

Считаем нужным отметить, что, говоря о символах, эталонах, стереотипах, мы имеем в виду языковые явления. Так, языковой символ, в отличие от собственно символа, В. Н. Телия предлагает называть квазисимволом, подчеркивая, что «словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно "замещает" некоторую идею» и что «материальным

экспонентом этого замещения является не реалия как таковая, а имя» [11, с. 243]. Развивая эту мысль, М. Л. Ковшова пишет: «Мы говорим об эталоне, если реалия и вне фразеологизма служит устойчивой мерой количества или качества. Мы говорим о стереотипе, если образное описание какой-л. ситуации во фразеологизме согласуется с устойчивым представлением об образце каких-л. действий, и это представление широко отражено в деятельности, в культуре. Мы говорим о квазиэталонах и квазистереотипах в том случае, когда реалии (совокупность реалий) в образе фразеологизма не обнаруживают в пространстве культурных фактов подтверждения своей значимости – меры (квазиэталон) или образца действий (квазистереотип)» [5, с. 324].

Анализ корпуса собранных лексических и фразеологических единиц показывает, что в русской языковой картине мира существует два основных этностереотипа, которые отражают представления о Китае и китайцах: 1) интенсивно выраженное (сложное, непонятное, странное и др.); 2) плохое, некачественное.

Единицы первой группы традиционны для русского сознания и часто имеют давнюю историю. Объективацией семы интенсивности в их значениях могут служить наречия «очень», «слишком», «крайне», «чрезвычайно», «сильно», «совершенно» и др. В эту группу мы отнесли такие слова и фразеологизмы, как *китаец* – ‘очень хитрый человек’; *китайский* – ‘странный, непривычный; сложный, запутанный, мудреный’ [4, с. 174]; *китайский болванчик* – ‘человек, пассивно соглашающийся с остальными’, а также ‘крайне самодовольный, ограниченный человек’; *китайская грамота* – ‘нечто очень непонятное, недоступное пониманию’; *китайский разведчик / шпион* – ‘очень хитрый, загадочный человек’, а также ‘излишне бдительные отец или мать’ (в речи подростков) [4, с. 174]; *китайская стена* – ‘нечто непреодолимое’, а также ‘нечто очень длинное’; *китайское терпение* – ‘терпение, проявленное в максимальной степени’; *китайские церемонии* – ‘излишняя, жеманная вежливость’; *как сто китайцев* – ‘очень / сильно (хитрый, голодный, усталый, злой и др.)’; *как до Пекина / Китая раком/пешком* – ‘очень далеко’ или ‘очень долго’; *как до китайской Пасхи* – ‘никогда’; *последнее китайское предупреждение* – ‘одна из угроз в бесконечном ряду предупреждений’; *утро китайского пчеловода, утро в китайской деревне* – ‘очень отекающее лицо, чрезмерно сузившиеся глаза человека наутро после бурно проведенной ночи’.

Согласно точке зрения В. А. Масловой, этнокультурные стереотипы – это обобщенные представления о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ, кроме того, они являются стабилизирующим фактором, позволяющим хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие определенной культуры, а также дифференцировать «своих» и «чужих» [8, с. 108–110].

Стереотипным, как мы уже отмечали выше, в русской вербальной культуре является представление о китайцах как о хитрых людях. Это репрезентировано в выражении *китайский шпион / разведчик*. Например: «Сейчас в душу полезет с сочувственной улыбкой... Или возопит: вот он, **китайский шпион!** Бейте его!..» [Цит. по НКРЯ: Солнцев Роман. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002) // Октябрь. 2002].

Выражение *китайский шпион* можно отнести к стереотипам-образам, а, например, фразеологизм *китайские церемонии* – к стереотипам-ситуациям, по классификации В. В. Красных [6, с. 46.]. Выражение возникло в XIX веке. Его значение (‘излишнее проявление любезности, вежливости’) сформировалось под влиянием стереотипного представления о сложном дворцовом этикете в древнем Китае. Например: «*Послушай, Тая, будем говорить друг другу «ты», – к чему нам эти **китайские церемонии?***» [Цит. по НКРЯ: Островский Н. А. Как закалялась сталь. 1930–1934].

Единицы второй группы (со значением ‘плохое, некачественное’) относительно новые, они начали фиксироваться с 90-х годов XX века. В них отражаются представления о китайском как о плохом, низкопробном, некачественно сделанном. Формирование данного этностереотипа, возможно, связано с тем, что в постперестроечную

эпоху в России были востребованы дешевые товары китайского производства, не отличавшиеся высоким качеством. В эту группу мы включили слова и фразеологизмы *китайский* – ‘некачественно сделанный, быстро приходящий в негодность’; *шанхай* (мн. *шанхай*) – ‘убогое жилище бедных; бедная, грязная, тесно застроенная и густонаселенная часть города’, ‘трущобы’ [13, с. 723]; *шанхайчик* – ‘пивная (обычно многолюдная, без сидячих мест)’ [4, с. 474]; два из четырех омонимов, существующих в русском языке: *китайка1* – ‘рынок, на котором продают дешевые китайские товары’, ‘сами эти товары’; *китайка2* – ‘постельное белье, которое, будучи уже использованным пассажирами, выдается проводником поезда другим пассажирам без стирки’, отсюда *скинуть (задвинуть, загнать и т.п.) китайку кому-либо* ‘выдать пассажиру поезда нестираное белье’ [4, с. 174], а также *получить белье из китайской прачечной* – ‘получить нестираное белье (обычно в поезде)’ [4, с. 308]; *носки Шаолиня* – ‘некачественные сигареты’ (очень крепкие, сделанные из некачественного сырья, с плохим запахом); *дядюшка / дядя Ляо* – ‘нелегальный производитель китайских некачественных товаров (в основном – техники)’.

Собственное имя *дядюшка / дядя Ляо* служит для русских мерой недобросовестности производителя, плохого качества изделий и, как следствие, источником отрицательной этической оценки. Данное значение выражается, например, в следующих контекстах: «*Очень даже китайский оригинал, собранный дядюшкой Ляо на колленке в сарае*» [15]; «*И «ролекс» твой, скорее всего, поделка дядюшки Ляо за десять долларов*» [10, с. 19]; «*Судя по качеству этот планшет в подвале у дядюшки Ляо делали*» [3]. Таким образом в языке фиксируется стереотипное представление о том, что товары, произведенные в Китае, не отличаются высоким качеством. Данный устойчивый стереотип в современной языковой картине мира соотносится с другим устойчивым стереотипом – *фабричный Китай*, указывающим на качественные, несмотря на место производства, товары.

По нашему мнению, фразеологические единицы, содержащие инокультурные топонимы, этнонимы или их дериваты и, как следствие, выражающие стереотипные представления русского человека о данной этнокультурной общности, могут при этом обладать эталонным или символным значением.

Эталоны (квазиэталоны) являются определенными образцами для сравнения, отражая национальное мировидение и миропонимание. Их можно считать результатом народного соизмерения явлений окружающего мира и их оценки. Главная черта эталона – его образность. Это объясняется существованием в коллективном сознании людей определенных ассоциативных связей и представлений, которые происходят от общепринятого оценочного восприятия каких-либо явлений. «Эталоны могут иметь эксплицитную и имплицитную форму. Первая предполагает обязательно форму сравнения типа: *как, подобно...* Вторая содержит эталон без сравнения типа: *русский – метр с кепкой, итальянский – mezza tassa (букв. половина среднего роста)*» [14, с. 86].

Приведем примеры эталонов с эксплицитной формой в составе отобранных нами фразеологизмов, отражающих представления о Китае, китайцах и китайском в русской языковой картине мира.

Китай и Пекин в русском языковом сознании являются эталонами предельного, максимального для чего-либо расстояния, а также большой временной протяженности для его преодоления и, как следствие, недостижимости. Об этом свидетельствуют фразеологизмы: *как до Пекина / Китая раком; как до Китая (пешком)*. В первом случае указанные значения усиливаются с помощью образа рака, который передвигается пятясь, следовательно, очень медленно. Например: «*До лета еще, как до Пекина раком, – вздыхает Чебыкин*» [Цит. по НКРЯ: Алексей Иванов. Географ глобус пропил. 2002]; «*Ведь до ближайшей северной границы – как до Китая...*» [Цит. по НКРЯ: Стешин Дмитрий, Коц Александр. Газовая столица России закрылась от ваххабитов // Комсомольская правда. 2012. 21 дек.]; «*Будто бы в прошлом веке мужчины были "куда сильнее", и нам, сегодняшним, до них, как до Китая пешком*» [Цит. по

НКРЯ: Полеев Александр (врач-психотерапевт, проф.). Кошмары сильного пола // Труд-7. 2000. 7 сент.].

Об ирреальном временном пределе говорится во фразеологизме *как до китайской Пасхи*. В данном устойчивом сравнении эталонизировано представление о времени, которое никогда не наступит. Значение данного выражения мотивировано тем, что Китай не христианская страна и Пасху там не отмечают. Например: «Украине на сегодняшний день далеко до этого, **как до китайской пасхи**» [Цит. по НКРЯ: Камакин Андрей. «Как до китайской пасхи»: парламентарий оценил перспективы переговоров по Донбассу // Московский комсомолец. 2017. 14 нояб.].

Устойчивый компаратив *как китайский пионер / коммунист* отсылает нас к представлениям об эталоне дисциплинированности и самопожертвования. Вероятно, мотивирующей основой этого выражения послужил образ героя Китайской Красной армии Лэй Фэна (1940 – 1962), который, согласно легенде, по ночам стирал носки своих сослуживцев, поскольку считал, что таким образом он помогает своему народу. Современными русскими людьми такое поведение воспринимается как абсурдное, поэтому фразеологизм *как китайский пионер / коммунист* употребляется исключительно в иронических контекстах.

Одно из эталонных значений хитрости, отраженных в русской языковой картине мира, содержится во фразеологизме *хитрый, как сто китайцев*. Так говорят об изворотливом, лукавом человеке. Этот эталон опирается на стереотипное представление русских о китайцах как о хитрых людях, имеющее исторические, культурные, социальные и другие основания. В «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика данный фразеологизм снабжен пометами: *шутл., неодобр., разг.* Например: «Петрович еще перед кризисом быстренько ликвидировал все свои рублевые запасы – **хитрый, как сто китайцев**» [Цит. по: 13, с. 257]. В современной русской речи данное выражение появилось сравнительно недавно, активно употребляется и имеет тенденцию к варьированию. Так, слово-сопроводитель *хитрый* говорящие меняют на *довольный, здоровый, злой, голодный, пьяный, наглый, тупой, наивный, усталый* и т.п. В этом случае фразеологизм утрачивает эталонное значение хитрости и приобретает другое – максимальной степени интенсивности чего-либо, чему способствует интенсификатор *сто*.

Как мы уже отмечали, эталоны могут иметь имплицитную форму, т.е. быть выраженными без помощи сравнения. Так, лицо человека, проснувшегося после обильных возлияний, характеризуется в русском языке следующими устойчивыми выражениями – *утро в китайской деревне* и *утро китайского пчеловода*. Эталоном в данном случае становится специфический разрез глаз представителя монгольской расы, отличающийся от разреза глаз европейца. Мотивирующей основой данного выражения является то, как выглядит лицо человека, злоупотребившего спиртным: отекающие веки и чрезмерно сузившиеся глаза. Фразеологизм *утро китайского пчеловода* содержит компонент, усиливающий эталонное значение. Интенсификация значения обусловлена следующим: 1) укус пчелы вызывает отек; 2) пчеловод с большей вероятностью может быть покусанным пчелами, чем тот, кто с ними не контактирует; 3) если укушенный в лицо пчеловод является китайцем, то его узкие от природы глаза станут еще более узкими.

Особенность китайского мировосприятия – любовь к поступательности, неспешности – тоже становится эталоном в русской языковой картине мира и выражается фразеологизмом *китайское терпение*. Любовь к поступательности считается национальной чертой китайцев. Данный этностереотип поддерживается китайскими пословицами, которые рекомендуют не гнаться за немедленным результатом, двигаться к цели шаг за шагом, жить, сохраняя спокойствие, и ждать, пока цветы распустятся сами. Фразеологизм имеет шутливо-ироническую окраску, его употребляют, когда говорят об очень терпеливых людях. Например: «Пусть это требует времени,

не важно. У меня **китайское терпение**. Я все равно буду идти вперед» [Цит. по НКРЯ: Рачева Елена. Охота на кондора... // Новая газета. 2016. 25 нояб.].

В устойчивой единице *китайская стена* компонент *стена* обладает следующим символическим значением: 'что-либо прочное, способное противостоять натиску, преграда, граница, разделение', компонент *китайская* привносит в выражение значение интенсивности, а вся единица в целом имеет эталонные значения.

Фразеологизм *китайская стена* служит в русском языке эталоном препятствия, изолированности. Например: «Мы не хотим жить за **китайской стеной** и будем рады, если широкие круги ваших читателей познакомятся с работами моими и моих учеников» [Цит. по НКРЯ: Капица П. Л. О науке и ее организации в СССР. 1935]; «Но здесь перед работодателем великой **китайской стеной** вырастает проблема: а где взять персонал на время?» [Цит. по НКРЯ: Дядик Наталья. Временное явление // Дело (Самара). 2002. 2 июля]. Этимология данного устойчивого сочетания вполне прозрачна: Великая китайская стена – колоссальное сооружение, растянувшееся на 6 тысяч километров, достигающее в отдельных местах ширины 7 метров, высоты 10 метров; она защищала Китайскую империю от набегов кочевников и в какой-то степени способствовала изоляции страны от остального мира.

Кроме того, в России *китайскими стенами* стали называть очень длинные жилые здания. Самое известное из них – это дом, расположенный на улице Римского-Корсакова в Москве. Причем во многих советских городах были свои дома – «китайские стены». Эталонное значение непомерной длины данный фразеологизм имеет, например, в следующем контексте: «Пал Иванычу никак не удастся обогнуть длинный дом, который местные жители называют "**китайской стеной**"» [Цит. по НКРЯ: Титов А. М. Общежитие писателей // Волга. 2015].

Как уже было сказано выше, с нашей точки зрения, фразеологизмы, содержащие инокультурные топонимы, этнонимы и их дериваты, в данном случае связанные с Китаем, могут обладать в русской лингвокультуре не только эталонным, но и символическим значением.

Фразеологизм *китайская грамота* становится символом чего-либо непостижимого, недоступного пониманию. Например: «Я слышу хорошо знакомый текст, но он для меня – какая-то **китайская грамота**» [Цит. по НКРЯ: Васильева Светлана. Вернется ли ласточка?: (два этюда о литературе и театре) // Октябрь. 2003]. Возникновение выражения и его символического значения связано с конкретным историческим фактом. В 1618 году в Китай по поручению царя Михаила Федоровича отправилась представительская миссия с целью установления торговых связей с далекой страной. Цель была достигнута, договоренность о торговых делах между двумя странами оформлена в виде грамоты и привезена в Россию. Но прочитать эту грамоту, написанную на китайском языке, иероглифами, никто не мог. Ее перевели только через 57 лет.

В современной русской речи выражение *китайский болванчик* чаще всего обозначает фарфоровую статуэтку божка с качающейся головой. В Китае такой фигурке придавали важный, почти сакральный смысл. Она олицетворяла смеющегося Будду, который был символом радости и процветания. Такую фигурку ставили в домах, считая, что она приносит удачу, избавляет от болезней. В Европе эти древние смыслы были потеряны, фигурки с качающимися головами стали использоваться как модное украшение интерьера. Впервые такие статуэтки в стиле *шинуазри* (от французского *chinoiserie* – использование мотивов и стилистических приемов средневекового китайского искусства в европейской культуре) как элемент декора появились во Франции, а затем распространились по всей Европе. В русском языке у сочетания слов *китайский болванчик* сформировались символические значения – 'человек, пассивно соглашающийся с остальными', а также 'самодовольный, ограниченный человек' [12, стлб. 167]. Например: «Ага, – парень утвердительно кивнул головой. «Прямо **китайский болванчик!**» – подумал Гуров, но перебивать парня не стал» [Цит.

по НКРЯ: Леонов Николай. Лекарство от жизни. 2001]; «А вот никто не подумал о том, что **китайские болванчики** просто-напросто владеют законами Вселенной, где прописано, что человек всегда получает то, что есть его мысли» [Цит. по НКРЯ: Кириллин Анатолий. С собой не возьму // Сибирские огни. 2012].

Наиболее частотным в русском языке является применение выражения *китайский болванчик* в сравнительных конструкциях. В таких случаях фразеологизм приобретает эталонное значение. При этом акцент смещается в сторону сравнения внешнего вида фигурки и человека: *качал головой, как китайский болванчик; с поднятыми вверх, как у китайского болванчика, руками; большая голова, как у китайского болванчика*. Например: «Да говори же ты наконец, – затряс он ее плечи с такой силой, что голова ее, **как у китайского болванчика**, зашаталась из стороны в сторону» [Цит. по НКРЯ: Сухов Евгений. Делу конец – сроку начало. 2007].

Фразеологизм *китайские тени* отсылает нас к истории особого театра теней, который появился в Китае, имеет многовековую (более двух тысяч лет) традицию и представляет собой развлечение, состоящее в исполнении сценок при помощи теней, отбрасываемых на транспаранте движущимися фигурками. В Европе он стал известен сравнительно недавно – в XVIII веке. Игра теней стала восприниматься в символическом значении: весь этот мир – театр, иллюзия. В современной русской речи фразеологизм *китайские тени* символизирует некую абстракцию, умозрительную конструкцию, противопоставленную живому, непосредственному, конкретно-чувственному. Например: «Такие случаи и неприятности могли бы огорчить другого, но я родился философом – сносил все равнодушно и твердил любимое слово свое: **«Китайские тени! Китайские тени!»** Всего хуже было то, что заимодавцы, недовольные остатками моего имени, грозились посадить меня в тюрьму» [Цит. по НКРЯ: Карамзин Н. М. Моя исповедь. 1802]; «Нам в 1869 году рисуют людей, живших в 1837 году. К чему эти **китайские тени**? Детям они не нужны: взрослым еще менее» [Цит. по НКРЯ: Шелгунов Н. В. Талантливая бесталанность // Дело. 1869. № 8]; «Перед сановными зрителями из Политбюро и ГПУ они только **китайские тени**, которые жестикулируют так, как хочет того скрытый за кулисами и дергающий их за веревочку распорядитель» [Цит. по НКРЯ: Керенский А. Ф. Голос издалика // Дни: еженедельник. Париж, 1928]. Русский поэт Г. Иванов дал название «Китайские тени» своей книге воспоминаний о современниках (Блоке, Гумилеве, Мандельштаме и др.).

Фразеологизм *китайские тени*, так же как и фразеологизм *китайский болванчик*, часто используется в русском языке в составе кампаративов и приобретает эталонное значение («схематизм, отсутствие конкретных очертаний»). Например: «Вот перед ним, **как китайские тени**, мелькают картины этого прошедшего» [Цит. по НКРЯ: Григорьев А. А. Один из многих. 1846].

В современных условиях Китай и китайские реалии (например, город Ухань, из которого, как считается, начал распространяться коронавирус) стали символизировать источник пандемии, охватившей мир. Возникла даже шуточная фразеология и паремиология, например: *Когда Китай чихает, мир заболевает, Китайская фигня, обойди стороной меня (уйди от меня)*. Некоторые из таких единиц являются переделками известных крылатых выражений: *Все дороги ведут в Ухань* в значении «источником коронавируса является город Ухань» (ср.: *Все дороги ведут в Рим*), *В Ухане всё спокойно* в значении «в Ухане ситуация с коронавирусом стабилизировалась или кажется таковой» (ср.: *В Багдаде всё спокойно ← На Шипке всё спокойно*), *Бойтесь китайцев, дары приносящих* в значении «опасайтесь заразиться коронавирусом при общении с китайцами» (ср.: *Бойтесь данайцев, дары приносящих*). Все указанные выражения являются, по терминологии В. Л. Архангельского, устойчивым фразами, то есть фразеологическими единицами, построенными по модели предложений [1, с. 177]. В примерах, приведённых выше, варьирование связано с заменой компонента,

такие трансформации устойчивых фраз В. Т. Бондаренко называл лексическими субституциями [2, с. 51–63]. Варьируемые компоненты (Рим → Ухань; Шипка → Богдад → Ухань; данайцы → китайцы) в наших примерах, по классификации В. Т. Бондаренко, относятся к одному тематическому ряду (названия городов – в первом и втором, названия этносов – в третьем) [2, с. 54–57].

Таким образом, как показывает предшествующий анализ, в русском языке существует более тридцати лексических и фразеологических единиц с инокультурными топонимами, этнонимами и их дериватами (*Китай, китаец, китайский* и др.), которые в качестве эталонов, стереотипов и символов функционируют в русской языковой картине мира и входят в следующие базовые лингвокультурные коды: пространственный (*как до Пекина раком, китайская стена*), временной (*как до китайской Пасхи*), акциональный (*китайские церемонии, последнее китайское предупреждение*), антропоморфный (*китайский шпион / разведчик, китайский пионер, дядя / дядюшка Ляо*), фетишный (*китайский болванчик*).

Исследование лексических и фразеологических единиц с инокультурными топонимами, связанными с китайскими реалиями, показало, что в русской языковой картине мира они формируют два основных этностереотипа: 1) интенсивно выраженное (сложное, непонятное, странное и др.); 2) плохое, некачественное.

При этом в русской лингвокультуре указанные единицы могут не только являться стереотипами, выражая представления русского человека об определенной этнокультурной общности, но и обладать эталонным (*как сто китайцев, как до Пекина раком, как до китайской Пасхи* и др.) или символьным значением (*китайский болванчик, китайские тени, китайская грамота*).

Список источников и литературы

1. *Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1964. 315 с.*
2. *Бондаренко В. Т. Устойчивые фразы в русской речи : монография. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011. 153 с.*
3. *Дядюшка Ляо [Электронный ресурс] // [Сленг: словарь]. URL: <https://www.moloto.ru/sleng/d/dyadyushka-lyao.html> (дата обращения: 13.02.2020).*
4. *Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 672 с.*
5. *Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: ЛЕНАНД, 2012. 456 с.*
6. *Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.*
7. *Лаптева М. Л. «Чужое» в «своем» фразеологическом пространстве: познавательный словарь-справочник. Астрахань: Сорокин Р. В., 2019. 204 с.*
8. *Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2004. 208 с.*
9. *Национальный корпус русского языка [НКРЯ] [Электронный ресурс] : сайт. 2003–2021. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 13.02.2020).*
10. *Песочинский Д. М. Фотография как бизнес: с чего начать, как преуспеть... СПб.: Питер, 2011. 224 с.*
11. *Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.*

12. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 1: А – Кюрины / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935. 1562 стб.
13. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.
14. Черданцева Т. З. Эталоны и стереотипные ситуации во фразеологизмах различных типов (на материале итальянского языка) // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 86–93.
15. Drom.ru: Форумы об автомобилях в России [Электронный ресурс]. 1999–2021. URL: https://forums.drom.ru/toyota-caldina-carina-corona-premio-allion-avensis/t1151428_750.html (дата обращения: 21.01.2019).

References

1. Arkhangelsky V. L. *Ustoychivyye frazy v sovremennom russkom yazyke. Osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii*. [Set Expressions in the Modern Russian Language. Fundamentals of the Theory of Set Expressions and Issues of General Phraseology]. Rostov-on-Don: Rostov University Publ., 1964. 315 p. [In Russian].
2. Bondarenko V. T. *Ustoychivyye frazy v russkoy rechi: Monografiya*. [Set Phrases in Russian Speech: Monograph]. Tula: Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo Publ., 2011. 153 p. [In Russian].
3. *Dyadyushka Lyao. Sleng: Slovar'*. [Uncle Liao. Slang: Dictionary]. URL: <https://www.molomo.ru/sleng/d/dyadyushka-lyao.html> (Accessed: 13 February 2020). [In Russian].
4. Elistratov V. S. *Tolkovyy slovar' russkogo slenga* [Explanatory dictionary of Russian slang]. Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 2010. 672 p. [In Russian].
5. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii. Kody kul'tury*. [A Linguoculturological method in phraseology. Culture codes]. Moscow: LENAND Publ., 2012. 456 p. [In Russian].
6. Krasnykh V. V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya*. [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics]. Moscow: Gnosis Publ., 2002. 284 p. [In Russian].
7. Lapteva M. L. «Chuzhoye» v «svoem» frazeologicheskom prostranstve: poznatel'nyy slovar'-spravochnik. ["Alien" in "Own" phraseological space: a cognitive dictionary-reference]. Astrakhan: Published by Sorokin Roman Vasilievich, 2019. 204 p. [In Russian].
8. Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya*. [Linguoculturology]. Moscow: Academia Publ., 2004. 208 p. [In Russian].
9. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka*. [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (Accessed: 13 February 2020). [In Russian].
10. Pesochinsky D. M. *Fotografiya kak biznes: s chego nachat', kak preuspet'...* [Photography as a business: where to start, how to succeed ...]. Saint Petersburg: Peter, 2011. 224 p. [In Russian].
11. Telia V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty*. [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: School "Languages of Russian culture" Publ., 1996. 288 p. [In Russian].

12. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. V 4 tomakh. T. 1 [Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 volumes. Vol. 1]. Ed. by prof. D. N. Ushakov. Moscow: OGIZ Publ., 1935. [In Russian].
13. Khimik V. V. *Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi. [Large dictionary of Russian colloquial expressive speech]*. St. Petersburg: Norint Publ., 2004. 768 p. [In Russian].
14. Cherdantseva T. Z. Etalony i stereotipnyye situatsii vo frazeologizmax razlichnykh tipov (na materiale ital'yanskogo yazyka) [Standards and stereotypical situations in phraseological units of various types (based on the Italian language)]. *Kul'turnyye sloi vo frazeologizmax i v diskursivnykh praktikakh [Cultural layers in phraseology and discourse practices]*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. Pp. 86–93. [In Russian].
15. *Drom.ru: Forumy ob avtomobilyakh v Rossii [Forums about cars in Russia]*. URL: <https://forums.drom.ru/toyota-caldina-carina-corona-premio-allion-avensis/t1151428750.html> (Accessed: 21 January 2019). [In Russian].

Дата поступления статьи: 01.03.2021
Дата решения о публикации: 25.03.2021

Date of receipt of article: 01.03.2021
Date of publication decision: 25.03.2021

Сведения об авторах

Абрамова Вероника Игоревна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: istinjobraz@mail.ru).

Архангельская Юлия Владимировна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник кафедры
документоведения и стилистики
русского языка ФГБОУ ВО «Тульский
государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: archangelju@yandex.ru).

Information about the Authors

Abramova Veronika Igorevna,
PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of the Russian
language and literature,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: istinjobraz@mail.ru).

Arkhangelskaya Julia Vladimirovna,
PhD in Philology, Senior researcher of the
Department of Documentation
and Stylistics of the Russian language,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: archangelju@yandex.ru).

ХРОНИКА

ВЕЧЕР ПАМЯТИ В. Т. БОНДАРЕНКО В ТУЛЕ (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГА)

Н. А. Красовская

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

EVENING IN MEMORY OF V. I. BONDARENKO IN TULA (TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE PHRASEOLOGIST'S BIRTH)

N. A. Krasovskaya

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Среди разнообразных политических событий, экономических потрясений, государственных и иных праздников, личных переживаний мы не должны забывать о больших и малых датах, которые связаны с именами известных людей.

24 января 2021 года на факультете русской филологии и документоведения состоялась удивительно теплая встреча близких людей, посвященная 80-летию доктора филологических наук, профессора Виктора Терентьевича Бондаренко. В мероприятии приняло участие более пяти десятков человек не только из разных уголков нашей страны, но и из-за рубежа: коллеги, друзья, единомышленники, члены семьи, студенты этот зимний вечер посвятили памяти прекрасного человека.

Каким был Виктор Терентьевич? Что было самым важным и значительным в его биографии? Своими размышлениями и воспоминаниями по этому поводу поделилась кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник ТГПУ им. Л. Н. Толстого Ю. В. Архангельская. С ее искренних воспоминаний и начался такой неспешный и важный разговор о человеке, который долгие годы составлял славу нашего города и вуза. Продолжила делиться воспоминаниями о Викторе Терентьевиче его супруга Инна Леонидовна Бондаренко, подчеркнувшая природную интеллигентность, мягкость и большую преданность науке Виктора Терентьевича. Она с теплой грустью и нежностью

вспоминала о годах совместной жизни и о тех печалях и радостях, которые делила с мужем.

О профессиональных и человеческих качествах В. Т. Бондаренко говорила и декан факультета русской филологии и документоведения ТГПУ им. Л. Н. Толстого, доктор исторических наук Н. А. Гаврилина, проработавшая с Виктором Терентьевичем плечом к плечу не один десяток лет. Надежда Афанасьевна вспоминала о том времени, когда Виктор Терентьевич заведовал кафедрой русского языка, напомним о собравшемся о конференциях, организованных по его инициативе.

Открыл разговор о В. Т. Бондаренко как о человеке, который был лучшим учеником В. Л. Архангельского и продолжал дело жизни своего учителя, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета В. М. Мокиенко. Имеющий мировую славу фразеолог поделился воспоминаниями и о своих посещениях Тулы, о совместном участии с В. Т. Бондаренко в работе научных симпозиумов, проводившихся в других городах и республиках Советского Союза. В. М. Мокиенко отметил радушие и гостеприимство Виктора Терентьевича, вместе с тем его тонкий ум и высокий профессионализм.

Много теплых слов о своем коллеге сказала и Л. Б. Савенкова, доктор филологических наук, профессор Южного федерального университета из Ростова-на-Дону. Она отметила, что В. Т. Бондаренко сыграл большую роль в ее научном становлении, подчеркнула, что до сих пор постоянно обращается к трудам рано ушедшего друга и единомышленника, привела примеры юмористических дарственных надписей, которые делал Виктор Терентьевич на своих книгах.

О научных дискуссиях с В. Т. Бондаренко, о его светлом уме, тонкой иронии вспоминала доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН М. Л. Ковшова, которая поделилась яркими моментами встреч с В. Т. Бондаренко, оставшимися в ее памяти. Мария Львовна с удовольствием вспомнила о научных дискуссиях по поводу материала для «Словаря ответных реплик», который накануне своей кончины издал Виктор Терентьевич. М. Л. Ковшова отметила и сердечные отношения между В. Т. Бондаренко и

доктором филологических наук, профессором, основателем Московской фразеологической школы В. Н. Телия, указав на то, что известные фразеологии вышли из «одного гнезда», были учениками и соратниками В. Л. Архангельского.

Немало приятных слов о работе с В. Т. Бондаренко в диссертационном совете Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого было сказано В. Т. Малыгиным, профессором Владимирского государственного университета. Как о ярком ученом, хорошем и умном наставнике говорила о В. Т. Бондаренко доцент МГПУ О. И. Авдеева.

Кострома – это еще одна точка на карте, где помнят Виктора Терентьевича. В словах профессора И. Ю. Третьяковой прозвучало приветствие от доктора филологических наук, профессора Милерович Алины Михайловны, профессора Костромского государственного университета.

Добрые эмоции оставила личность В. Т. Бондаренко в сердце доктора филологических наук, профессора Симферопольского государственного университета А. М. Эмировой. Ее слова были проникнуты настроением светлой памяти о прекрасном человеке, она подчеркнула, что, несмотря на разницу в возрасте, Виктор Терентьевич был близок ей по духу.

Коснулся замечательных личностных качеств В. Т. Бондаренко доктор филологических наук, профессор Елецкого государственного университета Б. П. Иванюк. Он вспоминал об удивительной способности Виктора Терентьевича вступать в дискуссии и поддерживать их на высоком уровне, отметил, что с первой встречи понял, что для него Виктор Терентьевич был «своим человеком», добрым и искренним во все годы их дружбы.

Приятными воспоминаниями о времени совместной работы с В. Т. Бондаренко в стенах педагогического сначала института, а потом университета поделилась доктор филологических наук, профессор, многолетний заведующий кафедры русского как иностранного ТГПУ им. Л. Н. Толстого Р. В. Лопухина. Она указала не только на интеллигентность Виктора Терентьевича, но и на его требовательность по отношению к научным работам студентов и аспирантов. Подчеркнула, что на кафедре РКИ до сих пор активно работают ученики фразеолога, по-

буждая иностранных студентов внимательнее относиться к рассмотрению русских языковых единиц.

Как об учителе, добром, требовательном, умном, чутком, говорила о В. Т. Бондаренко заместитель декана факультета русской филологии и документоведения ТГПУ им. Л. Н. Толстого Т. В. Сафонова, которая защитила кандидатскую диссертацию под руководством известного фразеолога. Татьяна Владимировна поделилась важными моментами о написании совместной статьи с Виктором Терентьевичем, о том, как шла работа над диссертацией.

Воспоминания вдохновителя, организатора и ведущего мероприятия, заведующего кафедрой документоведения и стилистики ТГПУ им. Л. Н. Толстого доктора филологических наук, профессора Г. В. Токарева были полны уважения, чувства высокой скорби и искренней благодарности по отношению к В. Т. Бондаренко. По мнению Григория Валерьевича, память об учителях, известных ученых-филологах, необходимо сохранять в своих сердцах и передавать следующим поколениям студентов. Г. В. Токарев много раз подчеркивал, что сам Виктор Терентьевич умел помнить наставников, умел быть благодарным им. Именно выступлениями Григория Валерьевича был задан тон теплым и бережным воспоминаниям о коллеге, учителе, друге, педагоге, ученом – о В. Т. Бондаренко.

Мероприятие сопровождалось не только искренними словами воспоминаний, но и поэтическими строками, многочисленными фотографиями, минутой молчания.

Хочется закончить рассказ об этом вечере памяти стихотворением, посвященными В. Т. Бондаренко и написанным доктором филологических наук, профессором Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, другом В. Т. Бондаренко А. В. Жуковым:

*Душа твоя над Ясною Поляной
Прощальный завершила круг
И вмиг рассеялась в дали туманной
Внезапно, как разгадка иль испуг.*

*Еще хранят тепло твои следы
И поправимой кажется ошибка.
Как будто нет и не было беды.
Печальна и светла твоя улыбка.*

А. В. Жуков

**II ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ
«ТУЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЕСНА – 2021»**

Н. А. Биленко

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

**II ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE OF
YOUNG SCIENTISTS
«TULA HISTORICAL SPRING – 2021»**

N. A. Bilenko

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Состоявшаяся 18 – 19 марта 2021 года на базе Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого II Всероссийская научная конференция молодых учёных с международным участием «Тульская историческая весна – 2021» в очередной раз доказала необходимость и значимость данного научного и одновременно образовательного мероприятия, его популярность в среде студенческой и научной молодежи многих регионов России.

Научная конференция изначально задумывалась коллективом преподавателей и сотрудников факультета истории и права ТГПУ им. Л. Н. Толстого как ежегодно действующая площадка для обмена мнениями, современными научными достижениями в области истории, лингвистики, культурологии среди наиболее активной части академического сообщества – молодых преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов старших курсов, которые трудятся сегодня под руководством ведущих ученых и преподавателей страны. По мнению организаторов, подобный формат мероприятия наилучшим образом способствует реализации принципа непрерывности образования, способствует формированию научных школ, преемственности в рамках научных направлений, активизации академической мобильности молодых исследователей. Представляется, что тематика докладов участников конференции, качество подготовленных ими сообщений является своеобразным срезом состояния исторической науки сегодня, системы подготовки специалистов-историков.

Первая всероссийская конференция состоялась 19 марта 2020 года в формате онлайн (что, к сожалению, было связано с началом пандемии коронавирусной инфекции и стало настоящим вызовом организаторам мероприятия). Однако, тогда еще такой непривычный формат конференции оказался вполне удачным. В ней приняло участие более 100 молодых исследователей из 8 регионов (9 университетов) страны.

Следует отметить, что особенностью «Тульской исторической весны» является ежегодная тематическая направленность мероприятия. В 2020 году основная тема конференции: «Кризисы в истории обществ: разрушительное и созидательное». По итогам работы секций и круглого стола был издан сборник избранных докладов и сообщений, в котором представлено девять тематических направлений: «История и археология Древнего Востока и античных цивилизаций», «История и археология Византии IV – XII веков», «История и археология варварского мира Северной и Восточной Европы», «История России: вопросы экономического развития, культурной жизни, образования и религии», «История международных отношений Нового и Новейшего времени», «Военная история», «Историография и историческая память», «История государства и права», «Лингвистика и культурология». Также в сборник вошли тезисы выступлений участников конференции в рамках «круглого стола» «Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.: история и историческая память».

В 2021 году (как и в прошлом) организационным центром научного мероприятия выступил факультет истории и права ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Работа конференции вновь была организована в формате онлайн (что, как ни странно, было признано удачным самими участниками).

Основной темой конференции стала: «Социальное пространство и время прошлого: вызовы и ответы истории». Работа началась 18 марта с пленарного заседания, на котором с приветственными словами к участникам конференции обратились проректор по научно-исследовательской работе ТГПУ им. Л. Н. Толстого К. А. Подрезов, проректор по международному сотрудничеству и образованию ТГПУ им. Л. Н. Толстого Ж. Е. Фомичева, декан факультета истории и права ТГПУ им. Л. Н. Толстого Н. В. Лебединец и заведующий кафедрой всеобщей истории НИУ «БелГУ» Н. Н. Болгов.

В рамках пленарного заседания перед участниками конференции с докладами выступили молодые ученые, которые уже достигли определенных высот в научной работе: младший научный сотрудник учебно-научной лаборатории «Палата древностей» ТГПУ им. Л. Н. Толстого И. А. Астахов (с сообщением: «Влияние этнических изменений на властную верхушку в Боспорском царстве в середине IV – первой четверти VI вв. н.э.») и аспирант университета Оксфорда М. А. Белан (с сообщением «Первый опыт мобилизации: созыв земского войска в 1806 – 1807 гг. и его роль для сбора земского ополчения 1812 г.»), которые вызвали оживленную дискуссию.

После пленарного заседания работа конференции продолжилась в рамках девяти секций: «Трансформация политических структур в древности и средневековье», «Этноконфессиональное пространство в истории», «Взаимодействие государств и народов в пространстве прошлого», «Общественное в пространстве истории», «Социальные институты и политика в пространстве прошлого», «История и историк в пространстве науки», «Источник и историк в пространстве науки», «Культура в пространстве и времени», «Отражение в языке пространства и времени» и на «круглом столе» «Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.: история и историческая память». Руководителями секций выступили ведущие преподаватели и ученые ТГПУ им. Л. Н. Толстого и НИУ «БелГУ»: Н. А. Биленко, Н. Н. Болгов, Т. А. Володина, Н. А. Красовская, С. М. Маркова, Е. П. Мартынова, Ю. В. Родович, Н. В. Сенина, Е. В. Симонова, О. В. Солопов, О. В. Шевелева, С. В. Ярцев.

В 2021 году конференция «Тульская историческая весна» вышла на новый уровень. Она вновь собрала более 100 участников,

представляющих ТГПУ им. Л. Н. Толстого, МГУ им. М. В. Ломоносова, МПГУ, НИУ «БелГУ», Государственный социально-гуманитарный университет, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Воронежский государственный университет, Курский государственный университет, Южный федеральный университет. География участников также впечатляет – Тула, Москва, Коломна, Белгород, Воронеж, Курск, Симферополь. Важным для организаторов стало международное представительство. Молодые ученые смогли ознакомиться с исследовательскими подходами, принятыми в зарубежных научных школах (в частности, с работами аспирантов М. А. Белана и Япи Жозелле Роланд).

Несмотря на пока что еще небольшую историю проведения, всероссийская научная конференция «Тульская историческая весна» успешно решает свои важнейшие задачи: приобщает молодое поколение к научно-исследовательской работе, поиску нового в науке, является механизмом приобретения опыта молодыми учеными, необходимого им в будущей профессиональной деятельности.